

3/1989

МОЛОДАЯ СМЕНА

В НОМЕРЕ:

Вопрос каждому:
каким быть комсомолу?

Диалог с читателем

Обувь для молодых?—
Проблема...

Снова о студентах
на хлопковом поле

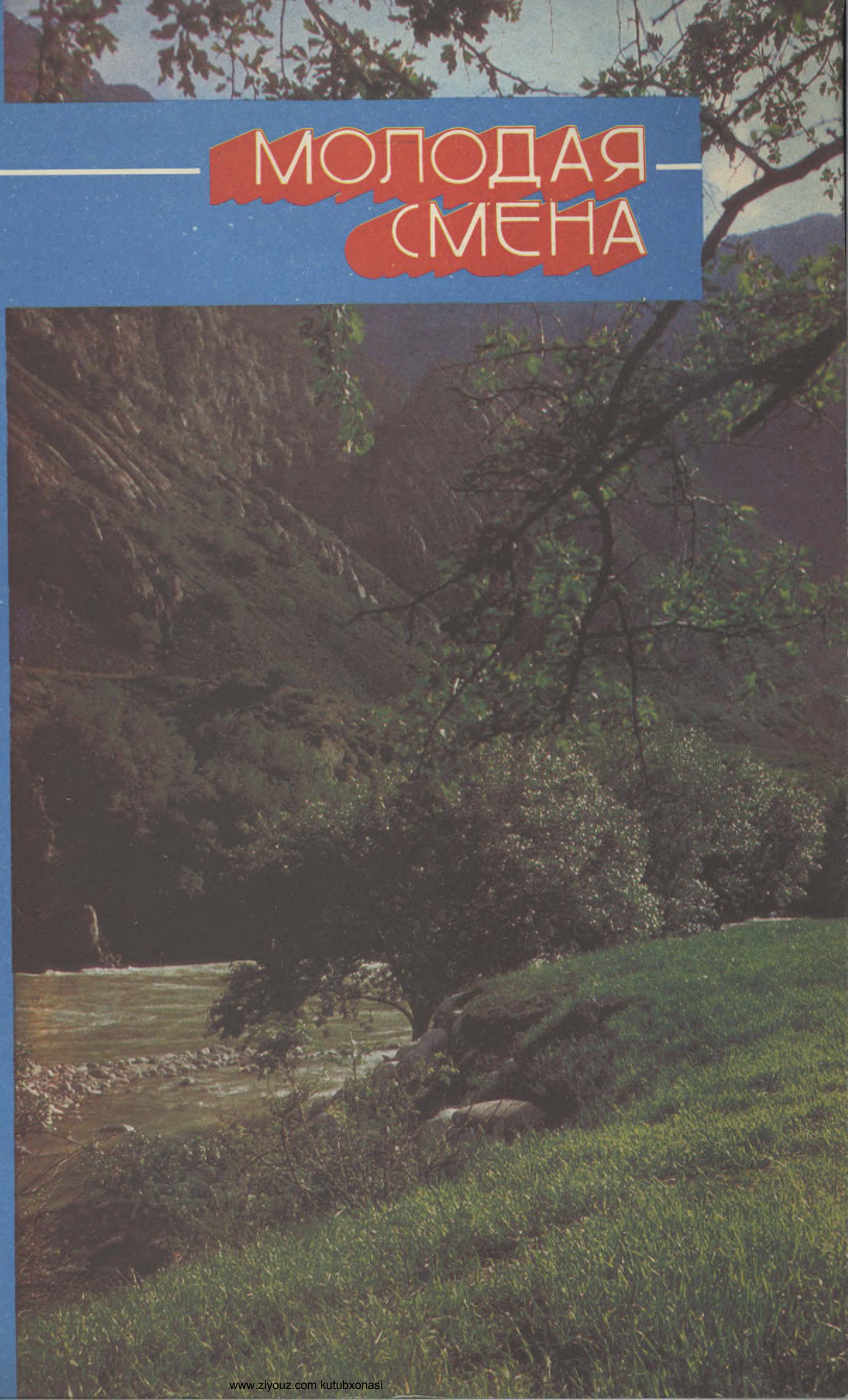
Если ты писатель...

Клуб

«Что? Где? Когда?»—
заседание второе

Новости рок-музыки

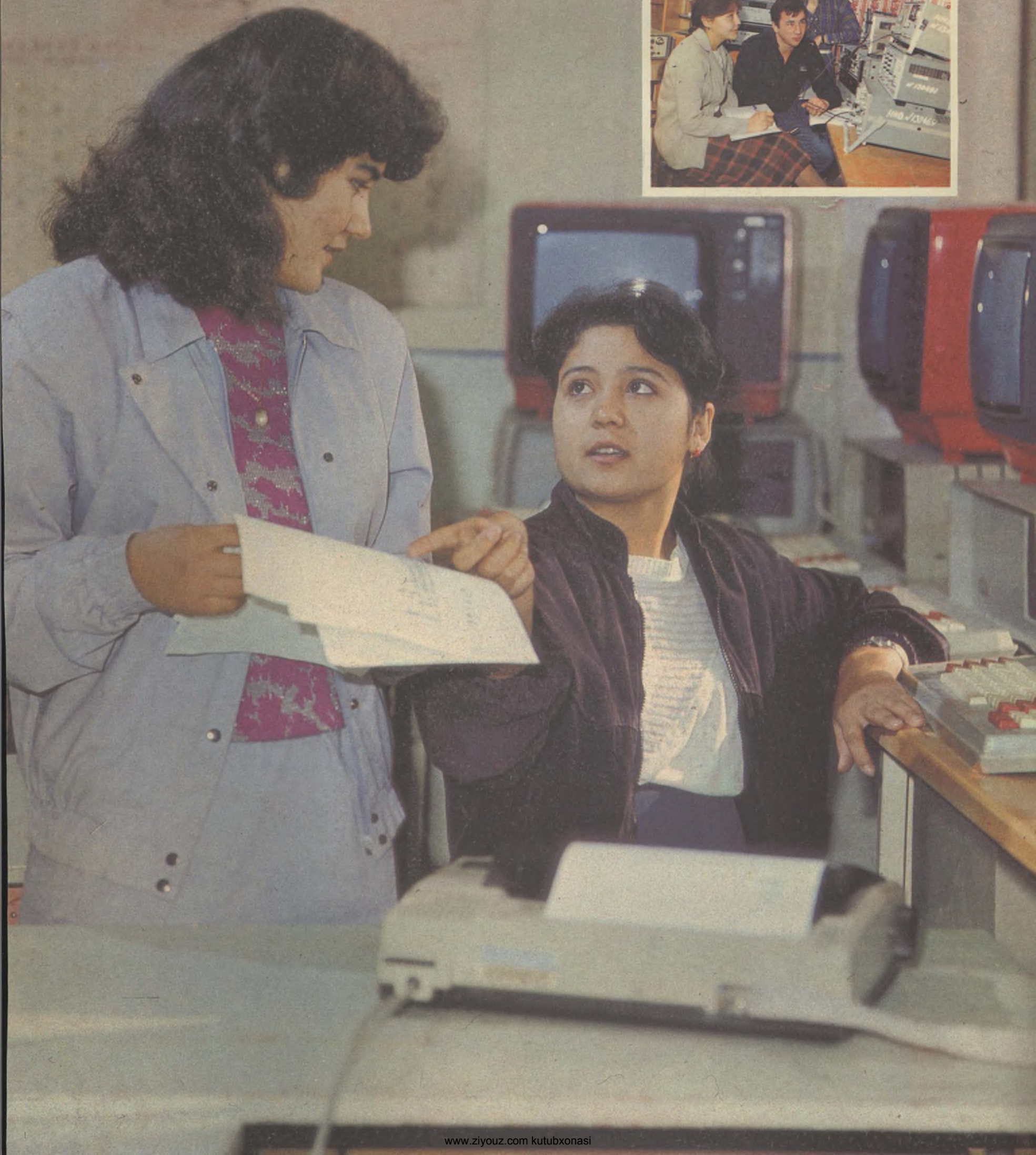
Фантастика

Зуля Мамаджанова, Сергей Киякин, Оля Награблина (снимок вверху), Надира Самадова и Зиеда Турсунова — учащиеся Ташкентского радиотехникума. В его хорошо оборудованных кабинетах они ежедневно приобретают знания, чтобы в будущем успешно работать на предприятиях радиозлектронной промышленности.

Фото А. КУДРЯШОВА.

В работе такого форума, как Всесоюзный съезд учителей, я принимала участие впервые. И, признаться, мне казалось, что съезд легко и просто разрешит все стоящие перед нами проблемы. Однако после первого же дня работы съезда поняла, что ошиблась. У школы, да и у всей системы народного образования, вопросов накопилось такое множество, что решить их в три дня оказалось практически невозможно. Может быть, если бы сейчас продолжался период застоя, все вопросы были бы решены быстрее. На бумаге, конечно...

Доклад председателя Госкомитета по народному образованию Г. А. Ягодина запомнился своей содержательностью, тем, что в нем были подняты самые животрепещущие вопросы, которые давно уже накопились и буквально висели на кончике языка каждого из нас. Например, говорилось о том, что немислимо сокращать в школах преподавание гуманитарных дисциплин, напротив, количество часов по этим предметам необходимо увеличивать, ибо нет культурного человека без полноценного гуманитарного образования.

Все мы хорошо усвоили как закон: ученик обязан уважать своего учителя. И именно на этом строим взаимоотношения учителя и ученика. Но в большинстве случаев, и Ягодин сказал об этом в своем докладе, этот принцип оборачивается воспитанием учеников «удобных» для себя и других. Конечно, с такими гораздо легче работать. Но выйдет ли из угодливого подростка настоящий человек? В том-то и дело, что мы должны больше внимания уделять ученикам, умеющим высказать самостоятельное мнение, смело и нестандартно мыслить. Нелегко выслушать и достойно ответить такому ученику, подавив в себе первое желание осадить, поставить на место. Но насколько же нужнее и веселее оценка, поставленная не за вызубренный текст, а за то, что ваш ученик сумел одержать над вами убедительную победу в споре, усомнился в истинах учебника! Будьте уверены, благодарная память и любовь к вам останутся в его сердце долгие годы.

К этой проблеме вплотную примыкает другая — «липовых троек». Тройка — оценка универсальная, и в классных журналах она по традиции часто заменяет собой заслуженную двойку. Но зачем? Чтобы «вытянуть» общую успеваемость? Не оставить ученика на второй год? Верно, нет гарантии, что за этот второй год ученик усвоит больше знаний, чем за первый. Но всегда ли двойка — показатель слабых способностей? Людей, одаренных всесторонне, как известно, очень мало, и я лично знаю немало ребят с литературным дарованием и полным отсутствием «математической шишки». Как распознать способности и склонности своего ученика, узнать и понять его личность? Выход один: индивидуальный подход к каждому из ребят и — ваша собственная общая культура. Тогда, может быть, сумеем мы отказаться и от оценок по поведению, характеризующих скорее учителя, чем ученика. Разве не случилось вам, дорогие коллеги, оскорбляться, слушая лохматого подростка, который нагло вступает с вами в спор, и словечки-то у него какие-то все бластные, да вот беда: правду говорит... И эта интересная мысль — не ставить оценок за поведение — была высказана в докладе Ягодина, так же как и соображения о «липовых тройках» и о том, что не нужно торопиться оставлять способного ученика на второй год из-за двоек по какому-то одному предмету.

Лично меня очень заинтересовал вопрос о кадрах. Всем знакомы учителя, работающие в школе лишь ради зарплаты. Возможный выход из такого положения подсказал доклад Геннадия Алексеевича: если бы каждый студент педуза готовился в зависимости от способностей преподавать по двум специальностям — скажем, литература и музыка, физкультура и труд, математика и физика и т. д., — это было бы очень удобно для сельских школ и уменьшило бы приток в школу случайных людей.

Особо было сказано об учебных программах, которые в последние годы одна другой запутаннее и сложнее; во избежание этого, сказал Ягодин, объявлен конкурс на учебники.

Отмечена им потребность современной школы в работе психолога.

Из того, что было высказано в прениях, мне больше всего запомнились выступления председателя Всесоюзного детского фонда А. Лиханова, учительницы из Воронежа Л. Картавцевой, генерального директора экспериментального научно-производственного педагогического объединения Ш. Амонашвили, директора Московского государственного академического детского театра Н. Сац, первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Мироненко, директора 825-й московской школы В. Краковского, режиссера Р. Быкова, ученицы 10-го класса Н. Новодворской, директора сельской школы из Калининской области Е. Терентьевой. Многих взволновали слова Терентьевой о

«Мы задолжали нашим ученикам...»

том, что давно пора положить конец зависимости получения учеником полноценных знаний от места его жительства. А ведь взгляните на состояние сельских школ: плакать хочется. Представьте себе: в одной комнате двадцать учеников, из них семеро учатся в первом классе, восемь человек — во втором, пятеро — в третьем. Всем им по очереди объясняет тему один учитель. Значит, чтобы провести один день занятий, учитель должен составить несколько планов. А где взять для этого время? А главное: что за знания будут у этих ребят? Ведь по сути в течение 45 минут им преподнесут программы сразу трех классов, это же уму непостижимо!

Свое выступление Терентьева закончила вопросом: «Так чем же виноваты дети? Тем, что родились в деревне?»

О том же говорил на секции учитель из Бухарской области, чью фамилию я, к сожалению, не запомнила. Но слова его врезались в память не только мне — всем, кто их слышал.

Школу, где работает этот учитель, посещают в основном дети чабанов, помещается она в маленькой хижине. И строение это в таком состоянии, что, если кто чихнет погромче, вполне оно может и обвалиться. Кроме того, нет там ни электричества, ни воды. Со слезами на глазах мой земляк рассказывал, что о питании в этой «школе» детишки могут только мечтать. И ведь такое положение существует не в одной сельской школе. Пользуясь случаем, на съезде я переговорила со многими сельскими учителями. У всех одни и те же печали. Нет нормальных условий для учебы, состояние школ неудовлетворительное, во многих районах не хватает учителей. О питании детей можно и не рассказывать. Как же и не быть им хилыми и слабыми. И впрямь задумайтесь: что же, они действительно виноваты тем, что родились в кишлаке?

Ш. Амонашвили говорил: плохо, что учителя у нас превратились в функционеров. Сегодня надо защищать учеников от нас, нашей педагогики!

Действительно, страшно, когда дети видят, что урок подготовлен для отчета, для комиссии.

Недавно задала ученикам четвертого класса писать сочинение. Прочла то, что они написали, и поразились. Такой искренности, открытости, простодушия у своих девятиклассников я не встречала.

А ученица десятого класса Наташа Новодворская говорила на съезде о том, что в школах нужно преподавать этику, эстетику, вести уроки по искусству, и чтобы вели их специалисты. Нас, говорила она, не учили видеть красоту, чувствовать ее. В школах уже два года преподают информатику, а ЭВМ мы изучаем без машин... В УПК учат тому, что многим не пригодится, а простой укол выпускница средней школы сделать не умеет.

Между учащимися старших классов и учителями нередко конфликты. Может быть, их бы не было, если бы старшеклассники могли сами выбирать себе классного руководителя?

О недостатках эстетического воспитания в школах говорили Ролан Быков и Наталия Сац. О том, что по собственному желанию дети наши в театр почему-то не приходят, а если привели их строем в храм искусства, выносят они оттуда вместе с впечатлением о представлении не менее яркое представление о неудобном здании и плохом буфете...

Особое внимание на съезде было уделено проблеме языка. Подчеркивалась недопустимость сокращения уроков родного языка. Актуальна проблема и для узбекской школы. Не потому ли сегодня трудно найти учителя или ученика, разговаривающего на чистом узбекском языке? А ведь сколько передач телевидения ведется на узбекском, почему бы ему не сыграть здесь роль учителя? Но... в том-то и дело. Вы когда-нибудь обращали внимание на речь выступающих по телевидению людей? Особенно я поражаюсь, когда, случается, примитивно говорят актеры. Неужели так беден наш словарь? И, если вы заметили, многие выступающие говорят на диалектах. То же можно наблюдать и в дублированных на узбекский язык фильмах. Тревожно...

Вместе с материалами съезда нам дали брошюру А. Дубровского «Открытое письмо врача к учителю». Читаешь ее — и становится страшно. Оказывается, мы, учителя, сами не зная, не чувствуя, не желая, становимся причиной различных психических заболеваний у детей! Основа этих заболеваний — в нашем отношении к детям.

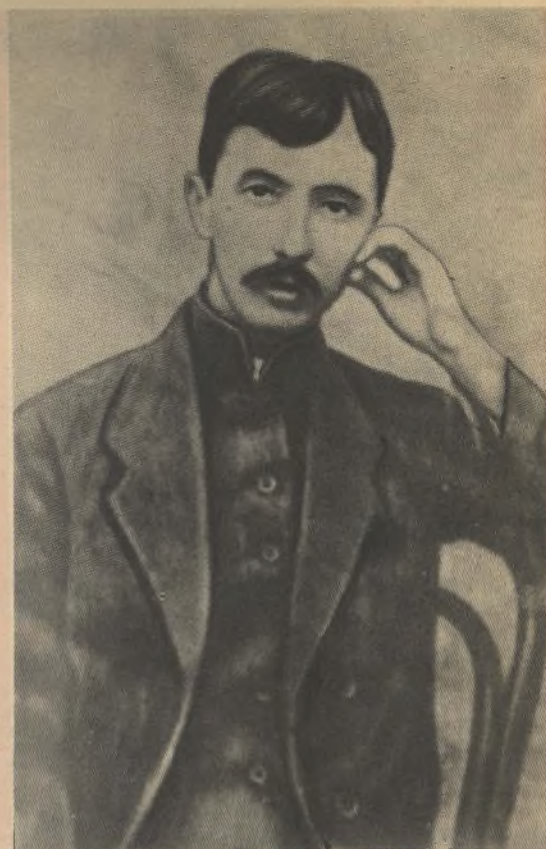
Да, много задолжали мы нашим ученикам...

Дильфуза ГАНИЕВА,
преподаватель школы № 54 города Ташкента,
делегат Всесоюзного съезда учителей.

Возвращаясь в 1914 году из заграничного путешествия, Хамза в пути заболел тифом. Несмотря на это, страшно ослабший, он все же всем сердцем стремился на родину, в Узбекистан. Впоследствии эта болезнь скажется на его здоровье, перестанет видеть один глаз. А пока некоторое время Хамзе пришлось ходить в черных очках. На этом фото Хамза снят со своими друзьями — Камилджаном и Мухиддином Ибрагимовым. Под снимком надпись Мухиддина, который подарил это фото Хамзе, и дата — 14 октября 1915 года.

Этот фотодокумент относится к 1919 году. В этот период Хамза, находясь со своим театральным коллективом в распоряжении главного штаба Туркестанского фронта, готовится к отправке на Закаспийский фронт. Несмотря на то что подготовка к ней была весьма хлопотным делом, Хамза находит время для посещения занятий в ташкентской музыкальной школе. Школа эта впоследствии была разрушена, а позднее на ее месте выстроили новую музыкальную школу, которой было присвоено имя Хамзы Хаким-заде Ниязи.

ПАМЯТЬ НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

...тем не менее красноречиво повествуящие о многих до сих пор неизвестных страницах жизни Хамзы Хаким-заде Ниязи, со дня рождения которого исполнилось 100 лет. Каждая из этих фотографий — запечатленный для потомков кусочек жизни великого поэта, драматурга, революционера.

Д. УСМАНОВ,
канд. педагогических наук.

В 1925-26 годах Хамза жил в кишлаке Аввал Ферганского района. Открыв здесь школу, он обучает в ней ребятшек, а вечером взрослых. Собирая дехкан на мельнице, он рассказывает им о ленинских идеях, разоблачает происки жадных и корыстолюбивых мулл и ишанов. На снимке — здание мельницы, в котором Хамза вел свою разъяснительную работу.

На этой узкой улочке, ведущей к мосту через Акдарью, 18 марта 1929 года под карагачом двое убийц нанесли Хамзе десять ножевых ран. Истекающий кровью, забрасываемый градом камней, Хамза добрался до моста, но перейти его уже не смог... Так муллы и ишаны руками религиозных фанатиков и басмачей зверски расправились с Хамзой, славой и гордостью узбекского народа.

Эта фотография сделана в 1921 году в Коканде, поэт снят здесь с деятелями культуры и искусства. В верхнем ряду первый справа — народный артист УзССР Абид Хасанов, третий — Хамза, в головных уборах — братья Рубиновы. Во втором ряду, справа налево, первый — Бадриддин Бахтияров, четвертая — Тамара Ханум; внизу, в центре — народный артист Узбекской ССР Миршахидов.

Комсомол. Когда-то слово это звало на подвиги, помогало брать высоты, свидетельствовало о неподдельном энтузиазме и чистоте помыслов. Когда-то... Сейчас, когда предстаешь комсомольским работником в институте, ловишь на себе либо безразличные, либо сочувствующие и понижающе-снисходительные взгляды. «У меня комсомол ассоциируется с образом молодого бюрократа со значком и кипой бумаг, который одной рукой показывает на развешанные лозунги и транспаранты, а другой уверенно бьет себя в грудь, что-то до испуга доказывая, обещая, призывая и нередко угрожая», — призналась мне студентка, с которой довелось беседовать «по душам». Слушать подобное было обидно. И захотелось искренне понять, откуда что взялось...

Еще со сталинских времен определилось в политической системе общества место ВЛКСМ как организации, подчиняющей своему влиянию молодежь всех социальных слоев, направляющей ее по тому руслу, которое указывала партия. В итоге подспудно возникал социально-политический конфликт между молодежью, которая не могла понять, почему аппаратчики говорят одно, а поступают совсем по-иному, — и комсомолом, который изо всех сил старался заставить молодых людей поверить в реальность сказки...

сомол у молодежи, кто конкретно виноват в торможении, формализации, бюрократизации организации, что нужно сделать, чтобы не повторилось прежнее. Словом, говорилось не о нашем советском комсомоле, а о комсомоле вообще — некоем философском понятии, неоощуаемом, неосознаваемом, невидимом. Естественно, у такого «неконкретного» комсомола виновники тоже весьма расплывчаты: потерявшие совесть бюрократы, зарвавшиеся карьеристы, всеисильная мелкобуржуазная стихия и — немного — собственная недоработка: мол, недоглядели, не успели.

Решения съезда тоже не впечатляют: общие моменты, в принципе тот же Устав и ура-патриотические лозунги. Прошло уже достаточно времени для окончательной оценки, и приходится констатировать: съезд был, увы, подстроечным, а не перестроечным. Он подстроился под высший партийный форум.

Была шумиха — и утихла. Все пошло почти по-прежнему, только теперь ко всякому мероприятию стал приклеиваться ярлык «перестройка», любое рядовое решение стало подаваться как «новое мышление», а любая кутерьма и неразбериха — как «ускорение». Командные окрики сменила «демократичная» демагогия типа: «Да ты еще не перестроился! Вот кто тормоз прогресса!».

Кто виноват, что комсомол по-прежнему живет не жизнью молодых, а движениями инструкций и положений, которые многое запрещают и так мало дают места для инициативы и творчества? Виновных нет! То есть они, безусловно, есть, только опять-таки «в общем».

НЕМНОГО

Все ли благополучно сегодня в комсомоле!.. Не все! — считают автор статьи Алишер Таксанов и автор опубликованного ниже плаката Рамиль Хасаншин. А что по этому поводу думают читатели!..

ПОРАЗМЫСЛИМ...

ВЛКСМ был превращен не в помощника партии, а в подхалима. Когда требовалось участие в очередной кампании, партия говорила: «Надо!», и комсомол торопился бездумно выполнить любое требование. При этом весьма закономерно терял ряды: один переставал платить взносы, другие не снимались с учета, третьи вообще теряли документы. Большая часть аппарата ВЛКСМ вынуждена была искать пропавших.

Комсомол терял авторитет. Чтобы поправить положение, прибегали к ухищрениям. Любое начинание в стране старались непременно связать с ВЛКСМ.

БАМ! Ударная стройка! Прекрасная идея: объявить ее комсомольско-молодежной! Не забудем о принципе массовости: «Комсомольцы, все туда, все на борьбу!» Создадим даже штаб БАМа! А относительно недавно узнаем, что кто-то решил осваивать Дальний Восток, весьма туманно представляя себе, как следует это делать, вбухав в это дело народные миллиарды, толком не подумав об экономических, социальных, экологических последствиях. Почему комсомол не сказал тогда свое решительное «нет», я полагаю, достаточно ясно...

Сейчас много говорят о застойном времени и его последствиях. Этот период еще предстоит изучать историкам, экономистам, политологам. Я же предлагаю поразмыслить о сегодняшнем комсомоле. Оговорюсь заранее: я не сторонник существующей ныне теории роспуска ВЛКСМ. Организация должна, непременно должна реализовать себя. Как же это сделать?

Многого ждали комсомольцы от XX съезда ВЛКСМ, надеялись на большие перемены, на крутой поворот в деятельности комсомола. Увы, эти надежды, как мне кажется, не оправдались. Съезд прошел, как и предыдущие, под бурные овации, жидкую критику и самокритику, обилие пустых слов. Разворачивая газеты, мы читали выступления делегатов. Они говорили о многом — и в то же время ни о чем. О гласности, перестройке в комсомоле, развитии истинно демократических начал, о необходимости перемен в экономике... И никто не ставил вопрос, почему все-таки потерял доверие ком-

Все начинается с бумаг, ими же все и кончается. В стране около 40 миллионов членов ВЛКСМ, практически каждый молодой человек. От этих цифр аж дух захватывает! Смотрите, сколько у нас сознательных передовых людей, вот где боевой авангард, источник побед! Но как вступали в союз молодежи по плану-разрядке райкома, все знают; как тащили туда кого попало, лишь бы был вал, — тоже. Ни для кого не секрет, что есть люди, которые прямо сейчас готовы сдать билеты и выйти из рядов ВЛКСМ. Честный, принципиальный шаг! Но как это сделать? В Уставе об этом ни слова. Можно быть только исключенным за какую-то провинность или выбыть по достижении 28-летнего возраста. Итак, мы жаждем перемен, а могучая «всеохватность» помогает удерживать в комсомоле балласт...

Некоторые студенты ТашИНХ, да и комсомольские лидеры откровенно говорят: «Комсомол — это затычка, которой закрывают брешь там, где провалили свою деятельность остальные государственные и общественные организации». Комсомол подневольно привязан ко всем сферам деятельности нашего общества — а в результате у него не хватает сил реализовать свои идеи, цели. О каком же авторитете может идти речь?

Определить свое место на общей политической карте — первейшая задача ВЛКСМ. К сожалению, XX съезд таких четких координат не дал. Значит, ориентироваться на старое?

Ведь только недавно у ВЛКСМ было огромное количество «важнейших» направлений деятельности. При самых скрупулезных подсчетах можно было выявить более двухсот. А что в результате? Лозунг «Комсомолу до всего есть дело» ни к частным, ни к общим делам не звал, т. к. не был конкретным.

Почему так получается? Попробую ответить. У комсомола нет тактики движения, научной теории и

«Лестница-худосница». Плакат художника Р. Хасаншина.

практики, нет, если еще конкретнее, своей программы. А значит, как политическая организация он не боеспособен. Многие возразят мне: есть Устав, где указываются цели и задачи, есть Программа КПСС. Тогда получается, что ВЛКСМ — это прямой орган партии? На каких правах — отдела?

Кстати, о членстве в партии. В Уставе КПСС сказано, что «молодежь до 25 лет включительно вступает лишь через ВЛКСМ». А почему только через комсомол? Почему нет таких привилегий у профсоюзов, ДОСААФ, Союза композиторов, наконец? А ведь это тоже большие организации со своими конкретными задачами.

Итак, программы нет. В Уставе довольно много погрешностей и неточностей. Соответствует ли он сегодняшнему дню? Давайте разберемся. Открываем и читаем: «Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — самостоятельная общественно-политическая организация, объединяющая передовую часть советской молодежи». Подождите! Так все-таки самостоятельная или находящаяся под мелочной партийной опекой, которую мы наблюдаем сегодня? Требуется уточнить принципы и содержание руководства. Партия политически и идеологически руководит через коммунистов, являющихся членами ВЛКСМ, организацией в целом, а не с помощью приказов, указов, постановлений (которых у комсомола и так достаточно) берет под свой контроль все и вся, даже самые незначительные вопросы.

Продолжим уточнения. Что такое «передовая молодежь»? Как, каким способом определить, передовой ты или нет? А может, совсем просто: член ВЛКСМ — значит, передовой, если нет... Но как соотносить это с тем, что многие организации защитников окружающей среды, охраны старины и памятников культуры, любителей рока и брейк-данса, «афганские» команды по подавлению хулиганства, в прошлом так называемые неформалы, возникли абсолютно без ведома и старания комсомола? Мне кажется, формулировка насчет «передовой молодежи» укрепляет в молодых людях сознание собственной непогрешимости (если не божественности!), особенно когда комсомолец пользуется привилегиями — поступление в вуз, вступление в партию, поездка за границу и т. д.

Рассмотрим вопрос подбора и расстановки комсомольских кадров. Право же, есть повод для удивления. В Уставе ВЛКСМ указывается, что секретарями всех рангов, начиная с райкомов, должны быть члены КПСС. Почему?! Ведь это закрывает дорогу по-настоящему талантливым беспартийным организаторам и дает «зеленую улицу» многим карьеристам с партбилетом в кармане. Плох тот солдат, который не хочет быть генералом. Но всегда ли хорош «генерал» назначенный?

Сегодня аппарат комсомольского управления из-за формализма во многом потерял свое первоначальное значение, превратился в многочисленные штабы командно-административного диктатора. С царственной высоты виднее, что нужно молодежи. Ведь как говорят в своем королевстве — сам себе король. Так и получалось. Свыше назначали в первичную организацию «своего», не спросив мнения коллектива, через некоторое время отзывали — уже на повышение. В Ташкентском институте народного хозяйства было столько секретарей, что пятикурсники их уже не помнили по фамилиям. Зато и виноватых в бездействии не было, никто не отвечал за провалы. «Я — номенклатурный работник, отчитываться перед вами не намерен», — такие мнения звучали в открытую. И только недавно удалось провести демократические выборы, избрав на освобожденную должность секретаря комсомола института студента ФЭК А. Данишевского.

В Уставе КПСС есть замечательный, на мой взгляд, пункт, который гласит, что в «случае несозыва ЦК партии внеочередного (чрезвычайного) съезда... организации, потребовавшие созыва внеочередного съезда, имеют право образовать оргкомитет, пользующийся правами ЦК партии по созыву съезда». Может быть, такой пункт стоит ввести и в Устав ВЛКСМ? Если до чрезвычайного съезда не дойдет, то этот пункт хоть будет напоминать бюрократившимся вождям, что все возможно.

Та организация, которая нам необходима, прежде всего должна быть политически действенной, участвовать в формировании и реализации молодежных интересов. Ей нужно конкретно участвовать в создании и поддержке различного рода самостоятельных объединений, не просто направлять, но и защищать молодежь.

Проблем много, много и предложений. Некоторые предлагают создать вторую политическую организацию молодежи, а потом уже судить по конкретным делам, какая лучше. Думаю, что не стоит этого делать. Ведь живучий формализм может проникнуть и туда. Необходимо в короткий срок очистить ВЛКСМ от бюрократов, формалистов, карьеристов, балласта. И перейти от слов к делу.

А. ТАКСАНОВ, преподаватель ТИИХ.

Кетмень — орудие будущего?

Прочитал в журнале статью о профориентации, и до сих пор одна фраза из нее не выходит из головы. «Конечно, сегодня кетмень уже не используется...» Иду вот сейчас, как и каждое утро, с кетменем в руках на поле и думаю: откуда взял автор статьи свое утверждение? Не знаю, что почувствовали, прочитав это, городские жители, но у сельчан эта фраза наверняка вызвала горькую усмешку. Интересно, где вырос журналист, так уверенно утверждающий, что кетмень ушел в прошлое? Если в селе, то, учась в городе, он, видимо, забыл, чем живет сейчас кишлак. А если в городе, то попросту не знает сельских будней.

С того дня, как хлопчатник всходит, и до чеканки наши парни и девушки из рук кетменя не выпускают, с раннего утра и до позднего вечера работая на хлопковой делянке. И работа эта не похожа на уборку парковых аллей. Хлопчатник нужно пропалывать от сорных трав, прореживать там, где растет слишком густо, то есть делать ягану. А где же это, скажите, и когда наши ученые создали трактор, который мог бы действительно облегчить прополку да ягану? А даже если где-то и добились этого, — сколько самых разных препятствий чинят новаторам! Не так давно, в июне 1988 года, по телевидению в программе «Ахборот» мы видели человека, который придумал машину для прореживания хлопчатника. Ну, и где же он, этот изобретатель, пробил ли его очень нужное изобретение себе путь на поля? Не знаем, не видели, не слышали, пока что обходимся без долгожданной машины, а автор ее мелькнул один раз на экране и исчез, успев лишь пожаловаться на равнодушие и глухоту вышестоящих, к которым не пробиться. А у меня в руках все тот же бессменный и бессмертный кетмень...

А. ХАЙДАРОВ,
Кашкадарьинская область, Камашинский район,
колхоз «Путь коммунизма».

Надежда есть всегда!

Судя по сообщениям печати, в нашей республике только за один год 270 женщин и девушек подвергли себя самопожизению, в нашей Кашкадарьинской области за три года их число достигло 88. А сколько из таких самоубийц остались в живых и вынуждены

теперь доживать свой век в муках, искалеченными! Почему у нас в последнее время участились случаи самопожизения женщин? Как же должно быть затравлено сознание, чтобы из-за неприятностей, может быть и пустяковых, без которых никто не обходится, тут же сдаваться, сложив лапки, безвольно приближать смерть? Самое печальное, что среди таких затравленных и забытых есть совсем юные девочки, мои ровесницы! В нашем районе две ученицы пятого и шестого классов подвергли себя самопожизению: одна из-за того, что ее оговорили, вторая — из-за оскорбления, брошенного ей пионервожатой. А каково сейчас их родителям? Наши предки говорили, что плакать по родителям — горький долг детей, но оплакивать своих детей — самое страшное на свете. Я призываю всех женщин, пытающихся совершить подобное или помышляющих о самоубийстве, подумать о том, какой пример они подают своим дочерям, представить спички в руках малышек. Неужели же решиться на такое чудовищное дело легче, чем хотя бы попытаться бороться против того, что отравляет жизнь?

Х. САФАРОВА,
Кашкадарьинская область, Ульяновский район.

У детей оскомина...

Я родилась в 1969 году в кишлаке Янги-кент, что на территории совхоза имени Кирова Гузарского района Кашкадарьинской области. В 1986 году окончила среднюю школу. В тот же год мой отец был арестован и осужден.

После многократных обращений моей матери в вышестоящие инстанции отца перевели на принудительные работы. Поскольку со здоровьем у него неважно и за отцом необходимо ухаживать, мы поехали к нему. В марте 1988 года, когда вернулись обратно, мать обратилась к директору совхоза Р. Раджабову с просьбой принять ее на работу. Но директор отказал, сославшись на арест нашего отца. То же самое сказали и председатель РАПО, и секретарь райкома, но разве это правильно? Разве справедливо, что это несчастье сказывается теперь на нашей жизни? Ведь и в высшее учебное заведение я не смогла поехать по той же причине — отец находится в заключении. И вот теперь, думая о нашем, детей, будущем, мать хочет развестись с отцом...

В семье я старшая. Помогаю матери. Очень хочу узнать, что же такое на самом деле демократия, о которой сейчас так много говорят. На примере нашей семьи я этого так и не узнала до сих пор. Не верю, не хочу верить, что в принципы демократии входит быть лежачего. Помогите мне в этом разобраться!

Феруза ДЖАЛИЛОВА.

Нелегко «менять кожу»

Почему, когда прочел в вашем журнале статью «Кому обузой «мардикор базар?», вспомнил базары древности, где продавали рабов?

В статье прозвучала фраза участкового о том, что задача милиции — не наводить по-

рядок на «мардикор базаре», а бороться с преступниками. Тогда чьей же заботой оказывается почти узаконенная биржа труда, у кого должна «болеть голова» о ней? А ведь для того, чтобы навести порядок на «мардикор базаре», достаточно начать хотя бы с элементарного: упорядочить базарные ряды в соответствии со специализацией мастеров — ряд каменщиков, штукатуров, слесарей и так далее. Почему бы отделу внутренних дел, на чьей территории находится «мардикор базар», не поставить его основные, наиболее важные вопросы перед местными Советами? Почему бы, действительно, не объединить рабочих «базара» в кооперативы? Почему бы... Но вопросы можно задавать долго, вот только захотят ли ОВД, райисполкомы, другие заинтересованные организации побеспокоиться, чтобы ответить на них? Ведь для этого требуется отказаться от административно-командного стиля работы, с одной стороны, и привычки слепо выполнять распоряжения, с другой. А старую кожу, ставшую за два десятилетия почти что сурью, как известно, нелегко менять.

А. МУСТАФАЕВ,
Кашкадарьинская область, Гузарский район.

Управляемся сами

В нашей школе № 13 каждую пятницу проводятся «дни учкома», «дни самоуправления». Во всех классах в этот день ученики ведут уроки вместо преподавателей. На этих уроках присутствуют члены ученического комитета. Об итогах таких уроков, их плюсах и минусах, о результатах наблюдений членов учкома мы рассказываем по школьной радиосети. Ученический комитет пользуется среди учащихся уважением и авторитетом, его похвала или замечание значат для ребят много. Я рада, что заканчиваю школу именно сейчас, когда наше общество обновляется, ведь школьное самоуправление — репетиция будущей взрослой самостоятельности.

Мухайё АҚБАРОВА,
выпускница школы № 13 г. Намангана.

Вы помните званье свое?

Как-то раз я ехала на автобусе в райцентр и стала свидетельницей неприятной истории. Только автобус тронулся, как в него буквально на ходу вскочили двое парней. Один из них уселся на заднее сиденье возле молодой девушки, второй встал рядом. Через некоторое время мы услышали крик и сказанные в гневе слова: «Убери руки, дурак!» Я обернулась и увидела, что парни пристают к девушке. Никакие увещевания окружающих

на них не действовали: огрызаясь, они безнаказанно продолжали безобразничать. Когда автобус подъехал к остановке, девушка быстро встала и попыталась выйти, но, споткнувшись о подставленную ногу одного из парней, упала в проходе. Парни загоготали. Все смотрели на них с презрением, однако на большее не отважился ни один мужчина. В такие минуты я очень жалею, что не родилась мальчишкой. Мои слова могут задеть юношей, только мне кажется, что, если уж родился мужчиной, нужно им оставаться и уметь защитить не только себя, но и других.

Рисолат МАДИЕВА,
ученица школы № 34 Гузарского района
Кашкадарьинской области.

Больше книг на узбекском

В одном из опубликованных в вашем журнале писем высвечены очень актуальные в наше время проблемы. Количество книг на узбекском языке — не только произведений художественной литературы, но и учебников — заметно уменьшилось, а ведь это ослабляет тягу молодежи к знаниям. Я считаю, что это неправильно, и в этом согласен с ребятами — авторами письма. Теперь остается лишь дожидаться практических мероприятий, которые послужили бы ответом на это письмо.

Х. САДЫКОВ,
колхоз имени Ленина Ахунбабаевского района
Ферганской области.

Помогите ветерану

Читая ваш журнал, я убедилась в том, что «Молодой смене» под силу гораздо больше, чем могут иные областные руководители и административные органы. Потому и решила написать вам о своем отце Шукрулло Маджидове. Он инвалид войны, в 1979 году ослеп на оба глаза и по этой причине не может иметь никаких доходов. Родители оба живут на 61 рубль маминой пенсии, потому что отцу пенсию не выплачивают. Куда мы только не обращались — все бесполезно. Но ведь это несправедливо!

В 1941 году отец работал в Самаркандском областном театре, когда началась война, ушел на фронт из города Каттакургона. Сначала проходил службу в местечке Москва-Меткарينو. Потом через Москву его отправили в Сталинград конным разведчиком. Так он попал на фронт. В 1943-м получил ранение в левую ногу и 8 месяцев пролежал в госпитале города Энгельса. В 1944-м вернулся домой с документами о воинской непригодности. Адрес воинской службы: 3-й Белорусский фронт, 54-я гвардейская дивизия, 162-й полк. Номер госпиталя в городе Энгельсе — 53-34. Свой военный билет отец утерял в 1966 году.

сейчас у него есть свидетельство медали «За отвагу». Номер медали — 360671.
С надеждой жду вашего ответа.

Назира МАДЖИДОВА,
г. Карши, Кашкадарьинская область.

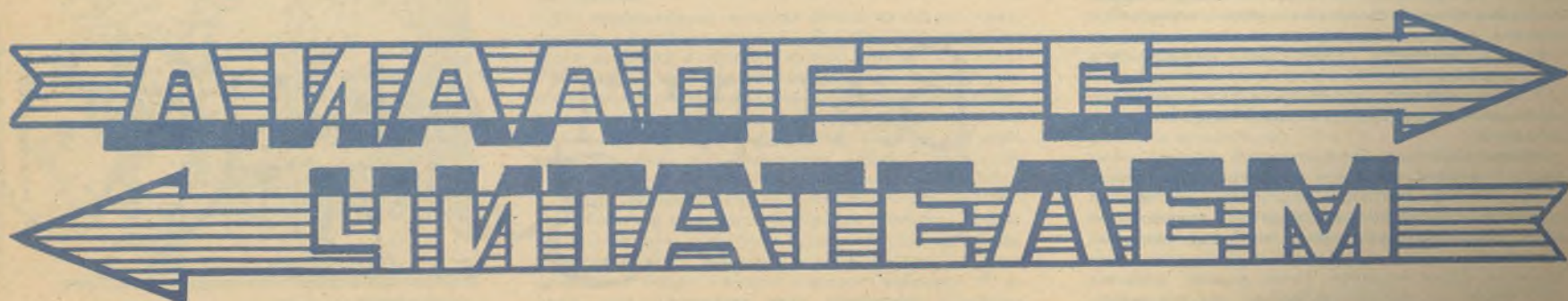
От редакции. Мы надеемся, что письмо дочери ветерана прочитают в военном комиссариате и Минсобе республики.

Лицемерят родители — лицемерят дети

В нашей части города проживает много научных сотрудников, и, насколько мне известно, ни один родитель еще не упустил шанса устроить свое чадо в вуз. А вот какой ценой? Протекционизм и взятки процветают и процветают. Многих, знаю, это коробит, а меня, отчаянного поборника социальной справедливости, — особенно. Хочется, конечно, верить, что придет все же время «сбирать камни».

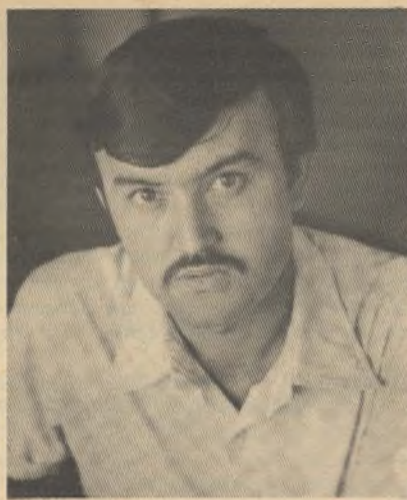
Вот пример, один из многих. Мой сосед заводил машину, чтобы отвезти своего сына (16 лет) к врачу, попросил меня подтолкнуть. Спрашиваю, что с сыном, в ответ слышу, что мальчик вывихнул ногу. Машина наконец завелась, уехали. Вечером, гуляя у дома, я увидел того самого подростка: с двумя приятелями он катался на роликовых коньках. «Максим, а как же вывихнутая нога?» — «А это, дядя Толя, для понта», — отвечает он, улыбаясь. И тогда только я вспомнил, что в тот день школьников вывозили на однодневный хлопок. Вот вам и представитель подрастающей смены, умеющий, по примеру отца, лгать и улыбаться при этом в глаза собеседнику. А сколько их, таких?

А. ВОРОНИН,
г. Ташкент.

Изменить систему просветительской деятельности — это значит изменить социальное сознание, мировоззрение, мышление человека. Сложность момента, переживаемого сегодня народным образованием, усугубляется тем, что продолжают бесконечные опыты и эксперименты. Так повелось у нас издавна. В мое время школа тоже не могла опомниться от реформ и перемен: то десятилетнее образование, то одиннадцатилетнее; то раздельное обучение мальчиков и девочек, то совместное; то с шести, а то с семи лет; то приходила установка не оставлять детей на второй год, а то категорически предписывалось обратное...

НЕ ВЕРЬ

СВОИМ...

ГЛАЗАМ

Заметки на полях учебников литературы для узбекских школ

Потом вдруг возникло убийственное движение за «стопроцентную успеваемость»... Такие вот и десятки подобного рода других инициатив, педагогических направлений, установок и инструкций, к сожалению, завели школу в тупик. Самое тревожное — то, что в результате всего этого наша школа до сих пор не имеет твердо установившихся традиций, сформировавшихся научно-теоретических принципов. Поясню, о чем речь. Известно, что в Англии, например, многие установки соблюдаются весьма твердо, особенно в области образования. Здоровый консерватизм! Так, в английском языке очень велика разница между написанием слов и их произношением. Порой можно прочесть вовсе не то, что написано латинским шрифтом. Однако органы просвещения страны сознательно не меняют старых правил, так как это может вызвать путаницу, образовательный разрыв между поколениями. А у нас в Узбекистане за семьдесят лет письменность менялась дважды...

Давайте-ка представим себе такую ситуацию: кто-либо из представителей братских народов, скажем, украинец или латыш, захотел побольше узнать о нашей республике, ее древней, богатой культуре, изучить наш язык, литературу. В качестве пособия он вполне может взять учебники узбекского языка и литературы для средних школ. Я представляю себе вытянутое лицо этого бедняги...

Например, в учебнике «Узбекская советская литература» для 10-го класса, издание третье, наш друг сможет прочесть следующие строки, посвя-

щенные творчеству Уйгуна: «В стихотворении «Бригадир Карим» в духовном облике главного героя бригадира Карима собраны воедино благородные качества возвращенного социалистическим строем дехканина. Он по-своему анализирует отставание района по хлопкозаготовке и делает правильные выводы:

*Почему наш район всегда позади?!
Почему мы всегда в конце списка?!
Ведь у нас также есть все условия!..
Кто виноват? В чем причина!*

Перевод, как вы понимаете, подстрочный, но и он достаточно выразителен.

«Ну и ну, — подумает любой нормальный человек про себя. — Это, наверное, в типографии перепутали протокол производственного совещания со стихотворением. Ведь здесь о поэзии нет и речи!» Научное пояснение под отрывком предельно красноречиво: «Карим — обладатель активного, деятельного характера. Он не просто беспокоится об отставании в заготовке хлопка, но, не теряя време-

ни, ищет пути, как ускорить уборку урожая, как догнать передовиков. Он патриот, хочет с честью выполнить свой долг не только перед бригадой и колхозом, но и перед всем районом, республикой, великой Родиной. Чувствуя ответственность перед страной и партией, Карим стремится поднять на ноги всю бригаду:

*Страна нам верит!
А мы ударяем лицом в грязь...
Что же это такое! Это очень тяжело.
Это — стыд. Это — позор. Этого нельзя*

допустить.

Полно, не розыгрыш ли все это? В недоумении читаем вместе со своим воображаемым другом

далее: «Поэт раскрывает волнение и глубокие переживания Карима посредством его психологического внутреннего монолога. Раскрытие характера лирического героя через монологи — это особенность поэзии Уйгуна. Этим методом поэт оживляет переживания героя и конкретизирует его характер, а на читателя оказывает сильное эстетическое воздействие» (стр. 113).

Изумление растет. Как, каким образом этот набор слов может оказать «сильное эстетическое воздействие»? Ведь он не вызывает ровно никаких чувств. А разве пробуждение чувств не является важнейшей задачей литературы? Боюсь, что читающий эти перлы составит себе не самое лучшее представление о культурном уровне и наших детей, и оглуляющих их взрослых.

Если кому-то понадобится найти конкретный пример для пояснения понятия застоя, то обратившись к подобным учебникам, он не ошибется. Читаем дальше: «Стихотворение Гафура Гуляма «Столкновение»... говорит о том, что война — это обязательный спутник капиталистического строя, что капиталистический строй загнивает... (стр. 76). «Творчество известного советского писателя Георгия Маркова известно своей горьковской революционностью. В своих зрелых идейно-художественных произведениях «Строговы», «Соль земли», «Сибирь» он создает яркие, любившиеся народу образы. Роман автора «Отец и сын» останется одним из вечно живых произведений...» (стр. 153). Прошу прощения за обильное цитиро-

Опризыве Ильфа и Петрова любить пешеходов знают практически все. Но есть определенная категория граждан, которая усиленно делает вид, что «Золотого тельца» не читала. Это работники обувной промышленности.

Не нужно быть особой модницей, чтобы знать нынешнюю ситуацию: с обувью творится такое... Спекулянт, запрашивающий трехзначную цену за пару приличных туфель (импортных, разумеется), отныне воспринимается как благодетель. Что касается обувных предприятий республики, то они благодетельствовать нас с вами явно не спешат.

Эту мысль я высказала начальнику отдела моделирования ташкентской обувной фабрики № 2. И услышала категорический протест:

— Что вы! У нас разнообразнейший ассортимент. Сто двадцать наименований в год.

Увы, в бодрые показатели не обуешься. Видимо, поэтому собеседница пожелала остаться инкогнито. Впрочем, модельеры как раз не виноваты. Многочисленные выставки, демонстрации мод, красочная журнальная реклама однозначно свидетельствуют, что задумать Золушкину туфельку в Ташкенте могут. Однако привычная схема «максимального усреднения» работает на зависть ладно. Старые-престарые станки, негодные колодки, жутковатое и на вид, и по качеству сырье — и вместо изящных туфель с конвейера соходят такие уродцы, что боязно даже примерить.

Что же все-таки мешает выпускать модную, удобную обувь хорошего качества? Попытаемся разобраться.

Начнем с колодок. Одна их пара в среднем стоит около 8 рублей. На поток необходимо поставить около 700 пар. Нетрудно подсчитать, что замена старых колодок на новые обходится в кругленькую сумму, особенно если учесть, что везти надо из Армавира, где их изготавливают по заказу московского Дома моделей. Наша родная фабрика № 2 берет эти колодки за основу, так что выпус-

каемая здесь обувь если не идет по стопам парижской моды, то от московской не должна отставать. Однако, усиленно стараясь экономить средства на обновление колодок, ташкентские умельцы производят свою продукцию до уровня старого доброго лапта.

— На данном этапе штрафы за нереализованную продукцию значительно сократились, — не теряет оптимизма Ася Асановна Сулейманова, начальник финансового отдела Управления республиканского промышленного объединения «Узкожобуэ-пром». — Старых долгов нет, просроченной задолженности по судам тоже нет.

Да, ташкентская обувь покупается. Хорошим товаром мы не избалованы, возьмем и средний, а то и ниже среднего. Утешимся демократичными ценами.

Полупустой магазин на ярмарке напротив Госкомиздата. Тишина. Молодой человек со значком продавца явно скучает. Это Исмат Убайдуллаев, бригадир продавцов. Привлечь покупателя явно нечем, ибо такой изящной обуви, как на ногах у Исмата, нет и близко. Вопрос о продукции второй обувной фабрики вызывает у него неприкрытое раздражение:

— Как будто вслепую шьют! Такое и после уценки продать трудно. Если бы мне даром дали, все равно бы не взял.

Некрасивые, поблекшие туфли, босоножки безнадежно выстроились на витрине, как бы стыдясь самих себя. Исмат может себе позволить подобное не брать — ему легче. А нам с вами?

Проявив настойчивость, я вновь появилась в отделе моделирования обувной фабрики № 2, сообщила, что видела в магазинах. На этот раз начальник отдела не оперировала внушительными цифрами.

— У покупателя больше доверия к зарубежной продукции, — откровенно сказала она. — Мы подписываем договор с югославской фирмой, которая будет поставлять нам заготовки на кожвалоне. Вы только посмотрите, какая изящная и мягкая продукция, — собеседница демонстрирует, а я подтверждаю: изящная и мягкая. — А вот искусственная кожа, тоже из Югославии. Многообразная цветовая гамма, необычная фактура. Приятно в руках держать. У нас, к сожалению, пока так не получается. Обидно. За вечные «к сожалению», за фантастическую нашу неразворотливость. До сих пор на фабрике не решен вопрос самостоятельного выбора поставщиков кожи. Сырье из Ленинграда, Шауляя,

**ВАШУ ТУФЕЛЬКУ!
ЗОЛУШКА!**

вание, но многое не лезет ни в какие ворота: «В 1946-1948 годах Центральный Комитет ВКП(б) принял ряд важных постановлений по вопросам литературы и искусства. Эти постановления, особенно о журналах «Звезда» и «Ленинград», имели особое значение (?) для развития литературы» (стр. 62). Простите, какое такое «особое» значение? Ведь это печально знаменитые свидетельства культа личности, связанные с открытой травлей Ахматовой и Зощенко. И наконец, эти «исторические решения» недавно были отменены...

Сейчас обнародованы многие документы, которые до сих пор держались в секрете. Меняются оценки многих событий. А нашим детям предлагается заучивать следующее: «Коллективизация сельского хозяйства была самым глубоким революционным преобразованием. Особенность ее заключалась в том, что эта революция против кулака была осуществлена сверху по инициативе государства и при непосредственной поддержке миллионов и миллионов крестьянских масс, ратующих за свободную колхозную жизнь и социалистический труд» (стр. 85).

О нелепости подобных утверждений в последнее время говорилось много. Так, политический обозреватель «Известий» публицист А. Бовин в одной из своих статей писал о том, что коллективизация сельского хозяйства должна была стать подлинно социалистическим мероприятием как часть ленинского плана кооперации. Ее следовало проводить только на основе добровольности. На практике же никакой «доброй воли» не было. На класс крестьян и его середняцкую прослойку обрушились репрессии. Процесс коллективизации превратился не в средство изменения деревни на социалистической основе, а в средство обеспечения города материальными ресурсами деревни на основе принуждения — тот же налог. За результаты этой сталинской политики приходится платить до сих пор. И платим. Американцам, канадцам, австралийцам, аргентинцам, теперь даже Саудовской Аравии. Платим дорогой ценой за мясо и зерно...

Учащиеся сегодняшней школы вовсе не так глупы, как, видимо, полагают составители учебника. Он нет-нет да и заглядывает в газеты. Вот и требуйте потом от этого ученика уважения к урокам литературы, да и к литературе вообще! В самом деле, что может сказать юный человек, прочитав в разделе, посвященном творчеству Хамида Алимджана, следующие строки: «Ударный творческий труд советских людей воспевают Хамидом Алимджаном в стихотворении «Видела ли история?» с особой силой. Он с огромной верой славит самый передовой, самый демократичный,

самый жизнеутверждающий строй, в котором он сам живет, в котором творит; говорит о новой жизни, к которой идет, преодолевая любые преграды» (стр. 12). Не знаю, как быть с совестью авторов пособия, если о времени, когда в стране развернулись массовые репрессии, когда истинные сыны ленинской партии подвергались преследованиям, без суда и следствия погибали тысячи честных, убежденных коммунистов, пишется именно таким образом. Я не хочу оскорбить память Х. Алимджана, понимаю, что ряд произведений Гафура Гуляма, Уйгуна, Хамида Алимджана и многих других авторов нужно рассматривать в историческом контексте. Ведь любовь к «отцу народов» ослепила многих, слишком многих... Возможно, литераторы были искренни — опять же с поправкой на время. Однако сегодня, в конце двадцатого века, печатать в учебниках произведения пятидесятилетней давности и давать им столь несовершенную теоретическую оценку? Извините, сомнительно. Неужели авторы не понимают, что отношение к поэтам, о которых они пишут, становится двойным? Разве творчество Уйгуна исчерпывается стихотворением «Бригадир Карим»?

Внимательно ознакомившись со всеми учебниками литературы на узбекском языке для средних школ, я не обнаружил там ни строчки о культе личности, о его последствиях, о той тяжелой и сложной борьбе, которую вели тысячи настоящих коммунистов. Все выглядит так, словно мы постоянно двигались «вперед и выше». Нет ни слова о судьбе Абдуллы Кадыри и Максуда Шейхазаде. Как же это расценить? Мы теперь знаем произведения, по 20-30, а то и больше лет пролежавшие в столах. Но когда же наши узбекские школьники узнают о поэмах А. Твардовского «Суд памяти», А. Ахматовой «Реквием», романе А. Платонова «Чевенгур», повести М. Булгакова «Собачье сердце», когда они прочтут В. Дудинцева, А. Рыбакова? И если не учебник литературы, то кто же еще поведает им о многогратной судьбе этих книг и их авторов? А вместо этого десятиклассникам предлагается образчик «романтики тридцатых»:

*Вот мы за короткие сроки
Так быстро разогнались,
Таких добились гигантских побед,
Которые не снились даже Фордам...*

К сожалению, таких примеров можно привести очень много.

«История узбекской литературы» для 8-го класса тоже дает немало поводов для удивления. Вот фрагмент из анализа эпоса «Алпамыш». «Подобно тому, как существуют плохие аристократы рода — Вайбури, Кукальдаш, так есть и хорошие — Байсары, Алпамыш, Барчиная и другие. Классовая борьба не показана вообще».

Между тем, во время создания этого эпического произведения о понимании сущности классово-вой борьбы не могло быть и речи.

Справедливости ради нужно сказать, что учебники по литературе для пятых и седьмых классов написаны неплохо. Уверен, семиклассники с волнением и вниманием читают страницы, посвященные устному народному творчеству, жизни и творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, (Правда, когда читаешь строки о народных сказителях в учебнике пятого класса, то остается только улыбнуться: «Бахши в основном проживают в кишлаках. Петь свои дастаны они учатся у отцов и дедов».)

В своем докладе на съезде работников народного образования председатель Государственного комитета по народному образованию Г. Ягодина подчеркивал, что учебники — большая проблема. Сейчас многие из них переписываются, в следующем году будут изданы новые учебники математики и неорганической химии. А в 1991 году уже будут изданы новые пособия еще по десяти предметам. Но это на русском языке.

Когда же узбекские дети получат возможность заниматься полноценно и быть всесторонне развитыми людьми? Время неумолимо движется вперед. А вдруг они не успеют усвоить необходимые истины?

В. И. Ленин завещал: «Все лучшее — детям!» Многие его заветы до сих пор не выполнены, в том числе, увы, и этот. В противном случае разве стали бы мы допускать, чтобы половина жизни наших детей проходила на хлопковом поле, учебные программы урезались как только можно, учебники составлялись людьми недалекими?

В последнее время много дискутируется проблема хотя бы частичного ознакомления учащихся со старой узбекской графикой. Думаю, было бы неплохо ознакомить их с азбукой старой письменности именно на уроках узбекского языка и литературы. Ведь все классическое литературное наследие написано арабским шрифтом.

Хорошо, если бы получила развитие новая форма — «Урок ведет писатель», и этот урок можно было бы смотреть по телевизору или с помощью видеотехнических средств. Скажем, тот же Абдулла Арипов проводит урок в какой-либо школе Ташкента, а телевидение транслирует этот урок во все школы республики, записывает его на видеопленку.

И все же ничто не заменит учебников, написанных грамотно, живо, ярко. Откладывать их создание — значит обворовать собственных детей, недодавать им духовной пищи. Положение дел надо срочно менять, ибо в данном случае время работает против нас.

Х. СУЛТАНОВ.

Читы, Самарканда, Коканда поступает в порядке распределения и далеко не отовсюду хорошего качества. Только недавно в результате реконструкции изменилась технология на Самаркандском кожзаводе. Однако магазины по-прежнему не радуют, а руководящие товарищи полны устойчивого оптимизма.

— По-моему, дела на обувной фабрике № 2 идут неплохо, — говорит начальник производственного отдела Управления республиканского промышленного объединения «Узкожобушпром» Рустам Талатович Газиназаров. — Полностью решен вопрос с кадрами, нет текучести. Улучшается технология производства, старое оборудование заменяется новым. Например, устанавливаются агрегаты австрийской фирмы ЛИМ для прямого литья под давлением. Таким образом, техническое перевооружение отразится и на качестве выпускаемой продукции.

Как бы хотелось, наконец, дождаться этого! А пока у прилавка очередного обувного магазина очередные разочарованные реплики:

— Очень тяжелая обувь, и в основном устаревшие модели, — говорит миниатюрная студентка и обиженно уходит. Действительно, берешь в руки ташкентские туфли и думаешь, что их авторы вполне достойны попасть в книгу рекордов Гиннеса — по самой громоздкой, неудобной и грубой обуви.

И вертится колесо устаревшего оборудования, и пожирает неэффективно использованное рабочее время, и выдает бракованную продукцию. Последняя тем не менее поступает в торговлю, занимает там свое законное... простите, незаконное место, а затем возвращается обратно на фабрику, где ее отдадут в руки «родителей» — бракоделов.

— Может, попробовать каждому на рабочем месте добросовестно относиться к своим обязанностям? А потом взять и вызвать на соревнования... — ну, не будем мелочиться — японских рабочих... Чем мы хуже? — впрямую спросила я одного из рабочих пошивочного цеха.

— Нет, мы лучше. Нам принадлежит и фабрика, и все остальное, — лукаво улыбнулся он, оценив иронию. — У нас можно часами курить в рабочее время, путешествовать по родному предприятию в поисках того, что плохо лежит... Не-ет, куда до нас Японии!

Он выразительно показал рукой на стену — вот, доскать, наглядная агитация. Вывеска гласила: «Совесть рабочего — лучший контролер».

С жильем на фабрике так туго, что многие уже перестали надеяться. Жилые дома строятся по долевному участию с райисполкомом, и обувщики в течение года получают 5-6 квартир. Стимул для доблестного труда, что и говорить, мощный. Равно как и дурманящий запах клея, устойчиво держащийся в цехе, вызывающий интоксикацию организма...

— Рабочие получают бесплатно молоко, дополнительные дни к отпуску, вредные условия труда компенсируются завышенными расценками на продукцию, — бодро говорит парторг фабрики № 2, опять-таки оговаривая свое инкогнито. Средняя

заработная плата на сегодняшний день составляет 197,6 рублей в месяц.

Как удобно и привычно сбиваться на радужные показатели! И как не хочется признавать, что носить нам, в итоге, все-таки нечего.

— Ну почему, — обижаются молодые модельеры фабрики, — есть модели, которые понравятся самому придирчивому покупателю. Вот образцы моделей, которые сойдут с конвейера на следующий год.

Да, все так. Я придирчива, но то, что показывают, мне безусловно нравится. Однако скепсис пока что берет верх: сколько уже было смотрено-пересмотрено «перспективных моделей», «новинок», планируемых к выпуску вот-вот, «малых серий» и прочего — а до магазинов это великолепие с завидным упорством не доходит.

Немалую роль в формировании ассортимента должна играть торговля, — сейчас она может влиять и на количество, и на качество выпускаемой продукции. Однако влиять не торопится. Видимо, потому, что боится остаться без товара вообще — хотя бы плохонького...

...На фабрике № 2 много молодежи. Справедливо было бы думать, что комсомольское начальство не обходит стороной предприятие, где дела пока что идут не блестяще. (Кстати, Чиланзарский райком комсомола находится достаточно близко.)

Уютный кабинет, цветы на окне, широкий стол... — Как, по-вашему, можно поправить дела на второй обувной фабрике?

— Наверно, для того, чтобы их обувь реализовалась, нужна реклама, — говорит Исмадулла Нигматов, инструктор рабочего отдела Чиланзарского райкома комсомола.

— Была бы хорошая реклама, если бы все комсомольские вожаки носили туфли второй обувной фабрики.

Исмадулла чуть усмехается. Я украдкой смотрю под стол. Комсомольское начальство явно предпочитает импорт...

Л. МАШУРОВА, Б. ГЕРШГОРИН.

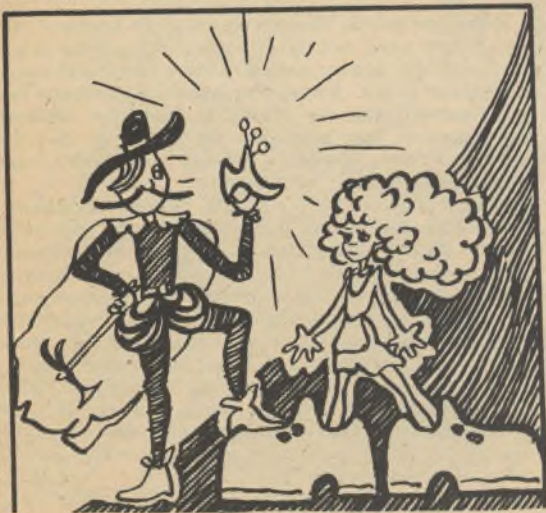

Рис. С. СПИРИХИНА.

У пругий веселый ветер влетел в кабину и, словно флаг на мачте, рвал белую тонкую занавеску. Впереди серой змеей извивалось шоссе с белой полосой посередине, с бегущими навстречу яркими машинами, что торопились в кемпинг, расположенный у подножия. Его палатки выглядели отсюда, с высоты, игрушечными домиками на детской площадке. Но вот и они остались где-то сзади и сбоку. Внизу потянулись виноградники. Кипарисы воззлись в небо, и белые высокие корпуса санаториев соперничали с ними. Под ослепительным солнцем, врезаясь в синеву неба и моря, они казались ему кадрами кинофильма, мелькавшими перед ним, как на экране. Все было нарочитым, нахально красочным и неестественным. Эта неестественность красок и солнца настораживала, и за несколько лет он так и не привык к ним по-настоящему.

Но он шофер. Руль, педаль, дорога и руки, чутко улавливающие малейшее движение машины.

Он шофер. И никогда не променяет свою жизнь ни на что другое. Поворот, снова поворот, еще поворот.

Автобус с глазами по сторонам туристами упорно лезет вверх. Далеко внизу — море, и сверху видна его ребристая поверхность, на которой играют солнечные пятна. А здесь поворот, еще раз поворот, и из-под заднего колеса летят в ущелье маленькие камешки. Обычный рейс, обычная дорога, знакомая до мельчайших подробностей. Повороты он узнает по надписям на скалах. Они издали бросаются в глаза: «Здесь был Петя. 15.VII.—78 г.». Эта старая надпись от солнца и дождя стала менее различимой, читается с напряжением, но все же служит достаточным ориентиром. Вот эта сразу лезет в глаза своей свежестью: «Гая, Сережа, 23.III.86 г.». Написана она высоко,

пустота. Он роняет голову на руль. От красных кругов перед глазами и внезапной тишины еще долго не может прийти в себя, только чувствует, как его вытаскивают из кабины, куда-то несут, белое пятно приобретает наконец облик врача «скорой помощи». На дороге уже суетятся сотрудники ГАИ. Яркое солнце отражается на спицах единственного уцелевшего колеса велосипеда.

Он проснулся от толчка, испуганно и внезапно. Поезд остановился на какой-то станции. Спросонок не расслышал название, а узнать ее не мог, так как ночью они казались ему все похожими одна на другую, хотя был он здесь третий или четвертый раз.

Несмотря на лето, ночь была холодная, и он натянул на себя одеяло. На соседних путях тяжело скрипел товарный состав. По селектору кто-то громко и сонно бранился, и ругань его в ночи слышалась ясно и разносилась далеко, пока колеса вновь не начинали отсчитывать километры.

До того случая он не выделял себя из жизни, не чувствовал отчуждения от нее, несаясь в общем потоке. Она казалась ему безграничной, и с инстинктом здоровой души он шел по ней легко и весело, как человек, еще не переживший своей боли и потому не понимающий всей глубины чужой. Отрезок жизни, который он успел пробежать, был не слишком длинен и измерялся тридцатью двумя годами. Возраст, когда человек приближается к своей вершине. Прыжок и... Только тридцать два. И точка. Одна усталость, чернота в душе и бесконечные дороги.

Он сдержал стон, но боль в душе не исчезала. И через шесть лет ему снился один и тот же сон, ощущение подавленности и вины не уходило и именно во сне теребило сердце с какой-то непонят-

Наталья Шапошникова живет и работает в Ташкенте. Рассказы пишет давно, но публиковать их не торопилась. Закачивает Литературный институт имени М. Горького.

Наталья ШАПОШНИКОВА

Рассказ

большими четкими буквами. Сразу видно, что выводила опытная, тренированная рука. Метров через сто, на высоком склоне, выложена из камня и окрашена белой краской еще одна надпись: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

Руль, педаль, шоссе...

По кабине носится свежий ветер. Нежно гладит шею, напоминая ласковые руки жены. Небо все выше, и все ослепительнее южное солнце.

Он шофер, и как приятно чувствовать власть над машиной, а дорога так и летит под колеса, принося ему ощущение своей силы и свободы. В зеркале кабины он видит любопытные и веселые глаза пассажиров. В салоне — порядок, экскурсовод развлекает людей смешными историями, то и дело слышится хохот.

Руль, педаль, шоссе...

...и поворот, из-за которого вдруг вылетает велосипедист в желтой майке и красном кепи. Его лица не видно, голова низко склонена к рулю, так что шофер видит перед собой только красно-желтое пятно.

Велосипедист несется посреди шоссе, и руки его не собираются вывернуть руль к скале, чтобы дать путь автобусу, которому теперь остается дорога только туда, где за редкими дорожными столбиками она уходит в ущелье, куда заглянешь — и долго кружится голова. Шофер видит в зеркале сорок испуганных глаз, и чей-то обезумевший, отчаянный крик страха врывается в кабину. Он пытается протиснуть машину между велосипедистом, все еще не уступающим дороги и ограждением, за которым... Он наверняка знает, что это ему не удастся. Правое заднее колесо на какое-то мгновение провисает над пропастью, сердце теряет точку опоры. Его охватывает злость, даже ненависть, он поворачивает руль влево, зная, что собьет велосипедиста. Машина выкарабкивается на шоссе, прижимает гонщика к скале и успевает освободить место встречному автобусу, не спеша выползающему из-за поворота. Машины проходят в сантиметре друг от друга.

Слышно, как что-то ударяется о корпус, визжат тормоза, вспарывая наступившую вдруг тишину, а лобовое стекло разлетается от удара на сотни мелких бусинок. Крик велосипедиста и крики в салоне — все сливается в единый вопль. Еще тарахтит мотор, подрагивает автобус, а внутри у водителя, под самым сердцем, начинает разливаться

ной остротой, наваливаясь по ночам тяжестью, и каждый раз, с новой силой, пыталось его раздавить окончательно. Казалось, что после пяти лет колонии, из которых каждый день был пыткой или кошмаром, он, наконец, начнет забывать хоть немного, хоть ненадолго свой последний рейс. Но куда там, сны-воспоминания оглушили его и по-прежнему не давали покоя, правда, снились теперь реже, но тем большее и пронзительнее ныло после них сердце.

Он выглянул в окно: под луной на путях блестя лужи мазута и нефти. Где-то у вокзала, под слепящим светом прожектора, сутились спросонок одинокие пассажиры, ожидая ночных поездов. Ему не удалось прочесть название станции: слишком далеко стоял его вагон. Попутчики спали: напротив, на верхней полке, свесив руку, похрапывал майор — ехал к жене на юг с Дальнего Востока. Под приподнятой во сне верхней губой блестя металлические зубы, последнее достижение отечественной стоматологии. Майор был еще молод, лет сорока, но седые редкие волосы жидко свисали со лба, и сам он имел вид преждевременно состарившегося молодца, весь во власти усталости, измученный даже во сне.

Костас перевел взгляд на нижние полки: внизу спали розовощекая старушенция и студентка, катившая в гости в Феодосию. Он презрительно отвел от нее взгляд, осторожно спустил вниз ноги и, стараясь не шуметь, вышел в коридор. У соседнего окна стоял пассажир и пристально разглядывал товарный состав напротив. Костас встал рядом с пассажиром и от нечего делать пересчитал количество «Жигулей» на платформе. «Кому-то они достанутся? — подумал он. — И кто из счастливых обладателей этой машины окажется тем несчастным...» Нет, об этом ему не хотелось думать, но глаз шофера продолжал изучать машины, а руки вновь почувствовали себя на руле.

Руль, педаль, шоссе...

— Не спишь? — спросил мужчина и протянул пачку сигарет. — Пока проводник спит, можно покурить и здесь.

— Спасибо, я не курю, — не слишком любезно отозвался Костас. — Опять стоим, что-то не похоже на скорый поезд.

— Тише едешь, дальше будешь, — мужчина с удовольствием вдохнул порцию табачного дыма. — Отвыкаем от поездов, от ожидания. Я давно забыл,

что такое поезд, и решил съездить в отпуск, как в прежние времена. А иногда хорошо вот так, ни о чем не думая, полежать, отдохнуть от вечной гонки...

«Тебе, может быть, и хорошо, — раздраженно мелькнуло в голове у Костаса, — иногда прокатиться от нечего делать, но ты никогда не попадешь во власть дороги. А я не могу, с ума схожу по ней. Хочу за руль и не смогу сесть, даже если бы мне разрешили. Знаю, что не смогу, будет все время маячить перед глазами гонщик в желтой майке и красном кепи...»

Мужчина несколько раз бросал на него косые взгляды и, видно, поняв, что собеседника в лице Костаса не найти, ушел в свое купе. Костас заглянул к проводнику. Тот бессовестно спал, храп колол в его глотке, с присвистом вырываясь наружу. Одеяло валялось на полу, похожее в темноте на свернувшегося зверя. Поезд дернулся, вздрогнули и зазвенели стаканы на столике, но проводник не проснулся, и Костас, улыбувшись такой беззаботности, вернулся к своему окну. Он простоял еще с полчаса, а поезд все набирал и набирал скорость: теперь верилось, что он способен лететь по рельсам, будя своим гудком ночь.

Лежа на полке, Костас со страхом ожидал сна, ведь тогда снова всплывет в подсознании тот день... Выходит, что боится он его, боится всего, что ранит и берedit душу. Вчера в порыве откровения рассказал старушке все о себе, — наверное, поэтому и не спалось ему эту ночь. От рассказа не стало легче; наоборот, осталось чувство раздетости перед чужими и оттого — неловкости.

И не только эту ночь... Видно, судьба бросила ему жребий и всю жизнь придется за него расплачиваться. И так, что же случилось после того рокового дня? Нелепость, случай или осознанное деяние? Именно последнее и поставил ему суд в вину. Да и он не отпирался, потому что видел перед собой в зеркале кабины сорок расширенных от страха глаз. Он так и сказал на суде, что сознательно, в одно мгновение принял решение и повернул машину на гонщика... Сорок и один. Сорок... и один.

— Сорок и один, — закричал он зубами и со стоном уткнулся в подушку, замерев от боязни, что соседки услышат его.

Над ухом, как и шесть лет назад, гудел голос судьбы — пожилой, замотанной жизнью и внуками

тетки, смотревшей на него как на нечто уже не существующее в природе.

— Обвиняемый Мамедов Костас Мамедович, признаете ли вы себя виновным?

— Нет, не-ет! — закричал Костас, и лица в зале поплыли перед ним и скрылись за пеленой слез. Он открыл глаза. Значит, снова кричал (стоит ему задремать, как тут же просыпается от своего крика).

Последний рейс обошелся ему в пять лет. В больнице он узнал, что сбил девушку. Двадцати лет. Приехала в Симферополь из Новосибирска. Единственная дочь...

Из зала суда уходили свидетели, любопытные, друзья и недруги. И ее родители, которые ни в чем его не винули, но он не мог смотреть на них. Мать еще держалась: моложавая женщина, немногим за сорок, чуть рассеянный взгляд из-под очков в модной оправе. Современная деловая женщина... За внешней сдержанностью этой породы все так же бушуют бури, присущие только женщинам. Отец — пятидесятилетний мужчина, с более мягким лицом, чем у жены. Голова его странно дергалась, и он постоянно отводил от Костаса глаза, но они, помимо его воли, снова и снова возвращались и растерянно блуждали по Костасу.

В колонии из письма соседней он сначала узнал, что жена его пустилась в загул, а потом, что вышла замуж за нового водителя из их же автопарка. Он не винил ее ни в чем. Для его красивой, веселой, любящей общество Раи, при ее живости и чувственности, соломенное вдовство было невысказано. Одиноким дня она вытягивала с трудом, если не было рядом мужчины, а тут пять лет... Он все понимал, он продолжал любить ее, и все же было в этом что-то горькое, донельзя обидное, будто обманули его как малого ребенка в надежде на его наивность.

«Жинка твоя пошла по рукам, — писала квартирная хозяйка. — Мужики липнут к ней, как мухи на мед. По вечерам съезжается чуть ли не весь автопарк. Ничего, Костя, не поделаешь: природа требует. Ты уж не сердчай на нее», — сердобольно заканчивала она свое послание, обругав вначале Раю словами, которые он никак ранее не мог представить в лексиконе своей хозяйки. А если припомнить хорошенько, то тетя Шура никогда не чуралась крепкого словца...

— Черт с ней, с вашей природой, — сказал он вслух, повернувшись на правый бок. — Носитесь с ней, как с писаной торбой.

Колеса громко стучали на стыках рельс, и, хотя он лежал на верхней полке, ему чудилось, что грохочут они под самым ухом. Сыну уже тринадцать. Ласковый мальчик с веселыми глазами матери. Они иногда видятся, да что толку, пацану одно расстройство, да и Рая недовольна. Женюсь, сразу женюсь, как только приеду, у других «природа», а у меня что? И он посмотрел на свое стройное мускулистое тело.

Катя, Катя, Катя... Она недавно появилась в Джанкое. Живет с ребенком, хилым мальчишкой. Приехала из Заполярья подлечить его: ему было необходимо срочно сменить климат. Он мгновенно увидел перед собой белообрисого пацана в очках, вечно шаркавшего от всех. Катя работала в привокзальном киоске «Союзпечать», а он там отирался почти все свободное время, за что она его нещадно ругала.

Костас, наконец, заснул, утомленный мыслями, и снилось ему опять не разбери-поймешь что. То Катя, то Рая, то обе вместе, они уходили от него по очереди, как бы ульвали и растворялись. Исчезали неизвестно куда, трансформируясь в совершенно невысказанные предметы, как это часто бывает во

сне, оставляя после себя только чувство неясной и шемящей грусти.

Резкий толчок разбудил его, он едва не свалился с полки, но успел все-таки зацепиться за сетку для полотенца. Лежал не шевелясь, продолжая держаться одной рукой, хотя поезд стоял. В окно бил фонарь, освещающий купе и лица спящих. Соседи беспокойно заерзали, то ли снова заснули, то ли каждый делал вид, что спит, продолжая досматривать, додумывать сны.

Чей-то спокойный, уверенный и приятный баритон разносился по станции:

— Двадцать четвертый, у вас все готово? Отвечайте!

Его тут же перебил другой голос, тоже мужской, более тонкий, с истеричными нотками:

— Анатолий Иванович! Почему не уходит тринадцатый? Отправляйте скорее!

— Отправляем двадцать четвертый, — раздался в ответ баритон.

— Как двадцать четвертый? У него десятый вагон без тормозов, расцеплен. Вы что, крушение хотите? — взвизгнул неприятно второй голос.

— Машинист говорит, что все в порядке, — начал было баритон.

— А я вам говорю, что десятый вагон расцеплен. Дайте мне немедленно машиниста!

— Понятно, понятно, — чуть задумчиво произнес Анатолий Иванович, покоровившись от воплей начальника. — Машиниста двадцать четвертого... — щелкнул динамик, и голоса уже звучали так, что понять ничего нельзя было.

В голове у Костаса продолжал звенеть истеричный голос, привыкший к повышенным нотам, и по ним можно было представить себе того, кто им обладал. Человек был, несомненно, начальством, конечно, за многое отвечал, а на транспорте работа какая — каждый знает, но это отнюдь не оправдывало его. Наоборот, говорило об ограниченности, несдержанности, а то и матоках, которыми он, вероятно, награждал подчиненных. Костас ждал, что еще раз услышит спокойный, уверенный голос неведомого ему Анатолия Ивановича, чем-то ему понравившегося.

Было тихо, если можно считать тишиной далекие крики служащих, сцепщиков и дежурных, ляг составов на соседних путях.

Их состав тронулся и сразу пошел мягко.

«Очевидно, сменилась бригада, — подумал Костас, погружаясь в дремоту. — А до этого vez сапожник или грубиян, за ночь раза три чуть не упал с полки...»

В это самое время что-то происходило в мире. Но что? Костас не мог этого припомнить, знал: творится невероятное для человеческого ума и чувства, но что, что? Все ускользало от него многие годы, не только в мире, а даже совсем рядом. И это ничуть не тревожило его, события пробегали, как пейзаж за окном поезда, не утруждая душу.

Равномерное покачивание вагона постепенно усыпляло, но не отдавало его полностью во власть сна и не отпускало окончательно из жизни. Никарагуа, самосовские банды, Ливан, испытания в Неваде, «Челленджер», Чернобыль... Что-то еще страшное, совсем близко, какая-то катастрофа нависла над ним, над всеми, но что? Ослабевало тело, туманилась голова, и хотелось вытянуться, устроиться поудобнее. В такие минуты он как бы слышал шелест травы в степи и засыпал под него.

И точно так же засыпал в дальних рейсах, когда ночью, усталому, ему не повиновалась машина. Вдрагивая в последнюю минуту, он вцеплялся в руль, пытаясь пересилить сон, и отгонял ее на площадку отдыха, вытягивался, сколько позволяло сиденье, и засыпал на короткое время.

Этот легкий сон нес в себе ясность его души, спокойствие и уверенность сытой жизни, определенной, без каких-либо лишних волнений, целей, взлетов и падений, как бывает иногда у иных. Работа, усталость, снимаемая диваном у телевизора, жена — женщина бойкая, с масляными темными глазами, ярким смеющимся ртом. Что еще?

...Кто-то толкает его в бок или ему кажется во сне? Костас встает и выходит на тормозную площадку, на которой дремлет овчарка. Она поднимает голову, но, узнав его, снова опускает морду. Над их головами темнеет небо, нервно вздрагивает далекая и равнодушная звезда, ежась от холода Вселенной.

Знает ли она, кто такой Костас, есть ли ей дело до него, до его жизни, перевернувшейся в мгновение ока?! Друзья смеются: он же теперь виноторговец. Целыми вагонами развозит по стране вино. «Массандра», «Абрау-Дюрсо». От одного аромата начинает кружиться голова. Но Костас не пьет абсолютно и тем нелепее выглядит в своей роли, особенно после выхода Указа. И надо искать новую работу.

Состав заскрипел, заколыхался всей своей массой, звякнул буферами и остановился при въезде

Рис. С. СПИРИХИНА.

“... За которой приходит весна”

Каролина ПАВЛОВА
1807—1893

* * *

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!
Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

1854

Елизавета ДМИТРИЕВА
(Черубина де Габриак)
1887—1928

* * *

Это все оттого, что в России,
оттого, что мы здесь рождены,
в этой темной стране,
наши души такие чинные.
Две несродных стихии они...
И в них — разные сны...

И в них — разные сны... Только грозы,
только небо в закате — всегда.
И мои и твои...
И не спящие ночью березы,
и святая в озерах вода,
и томленье любви и стыда,
только больше любви...

Только больше любви неумелой
и мучительной мне и тебе...
Две в одну перелитых стихии —
они в нашей судьбе...
Пламенеющий холод и белый,
белый пламень, сжигающий тело
без конца,
обжигающий кровью сердца
и твое, и мое, и России.

1922

Анна АХМАТОВА
1889—1966

Все как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег.
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы.
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю, его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

на станцию. Далеко, у головного вагона, мигал красный свет светофора.

Ему снятся осторожные шаги на крыше вагона. Вот тихий стук, скрежет металла, как будто кто-то вскрывал большую металлическую бочку. И в ту же минуту лай и неистовое рычание Цаны, дикий крик человека и снова, уже злобные, стоны овчарки. Костас хватает свое ружье, дверь вагона распадается, он стреляет. Мимо! Звон разбитых бутылок и голос: «По голове бей его, по голове! Грузите быстрее!» О, сволочи, алкаши, подонки, убить вас мало... Цана, Цана... — пронесется в голове. И еще раз: «Цана...» — но это беззвучно шепчут разбитые губы. «Проклятая собака...» — с ненавистью произносит кто-то осипшим голосом, и фраза обильно ввинчивается в его мозг. «Проклятая собака...» Что-то тяжелое ухаеется на него, и теплым и липким обволакивает живот. «Цана», — рука безвольно скользит по мокрой густой шерсти. Потом в глаза бьет яркий свет. Его поднимают под руки.

— Жив! — кричит кто-то звонко в темноту и, наконец, отводит фонарь от его лица. — Собака убита.

Костас вертится на своей полке, не хочет думать об этих днях, но головная боль не дает забыть, так и подсовывает ему то одно, то другое.

По вагону плывет запах вина, ароматная и терпкая «Массандра» продолжает капать из разбитых бутылок. Его о чем-то спрашивают, врач бинтует ему голову, потом он кричит, вцепившись в ошейник мертвой Цаны.

Он сует руку под подушку, нащупывает там широкий крепкий ремешок с пряжкой и впивается в него зубами, грызет в каком-то беспамятстве, кажется, еще мгновение — и сойдет с ума или бросится куда-то, да вот хоть под этот поезд, что с грохотом пронесется навстречу.

Руль, педаль, шоссе...

Снова ветер влетает в кабину и ласковой рукой

женщины шевелит ему волосы, гладит шею. Ослепительное солнце...

Он открывает глаза; в купе их осталось трое. Майор вышел ночью, студентка за дверь что-то верещит крепкому артиллерийскому прапорщику, старушечка с утра пораньше пьет чай. И никому до него нет дела.

— Через два часа станция Джанкой. Граждане пассажиры, кто выходит в Джанкое, просьба сдать белье.

Джанкой! Жаркий, горячий городок, небольшие белые домишки на старых улочках, тихих и скромных, как бы смущенных оттого, что на них напирают первые в городе современные бетонные многоэтажки и широкие улицы с неустанным роением машин.

В этом городке пролетало его беззаботное детство в большой и суровой семье, и сюда же, как блудный сын, он вернулся после своих дорог и перепутей, наверное, для того, чтобы остановиться возле прабабкиного дома и стоять в нерешительности, долго выбирая, по какой же бежать улице, ведь их три отходит от дома в разные стороны. На каждой живут родственники... Но безоглядное, бесстрашное детство, когда тобою движет мальчишеская дерзость и отвага, позади.

Костас начинает медленно собираться, но под пристальным взглядом старушечки чувствует неловкость — оттого ли, что был впечатлительным и не терпел, если у него стояли над душой, как это делала часто его жена, когда хотела вывести его из себя, то ли от того, что был со старухой слишком откровенным, до самого дна вывернул себя перед посторонним человеком. Впервые он обнажил свои болячки, а до этого никому ни слова, ни полслова, только улыбался беспомощной улыбкой, совсем ему не свойственной и придававшей жалкий и униженный вид.

— Да... — думая о чем-то своем, бормотала старуха. — Не сладко с вами...

Все понимая, как большинство старых людей, она сверлила его спину взглядами, и ему даже

показалось, что понемногу там начинает жечь и вот-вот образуется дырка.

— Подъезжаем, — кивнул он ей и посмотрел за окно, за которым был простор да белое солнце.

— А перешеек увидим? — подала голос студентка, вернувшись в купе. — У меня там прадед погиб.

— Далеко очень, только полоска воды блеснет, и все, — следом протиснулся прапорщик и застыл у двери, опершись обеими в мощных бицепсах руками на верхние полки.

Костасу не хотелось поддерживать разговор, и он отвернулся к окну; хотя видел эту дорогу уже в сотый раз, но внимательно разглядывал все, что несло навстречу.

Студентка напротив строила ему глазки, не бывая и прапорщика. Костаса раздражала ее крупная, обтянутая белой майкой грудь с пальмой в центре. Избыток жизненных сил так и выливался на окружающих, но при его оцепенении души только прорабкиного дома и стоять в нерешительности, долго выбирая, по какой же бежать улице, ведь их три отходит от дома в разные стороны. На каждой живут родственники... Но безоглядное, бесстрашное детство, когда тобою движет мальчишеская дерзость и отвага, позади.

Костасу не хотелось поддерживать разговор, и он отвернулся к окну; хотя видел эту дорогу уже в сотый раз, но внимательно разглядывал все, что несло навстречу.

На привокзальной площади стоит газетный

Эта весенняя поэтическая страница задумана как антология одного стихотворения и — дань поклонения, благодарности, любви прекрасным поэтам, которым выпало родиться женщинами, а значит, не только

Марина ЦВЕТАЕВА
1892—1941

Тебе — через сто лет

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, как на смерть осужденный,
Своей рукой — пишу:

— Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! Через Летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад, —
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречах женщин — тех — живых,
счастливых, —
Горжусь — как смотришь, и ловлю слова:
— Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила,
Тебя не дождалась!

принять в сердце горести и чаяния своих эпох, но воплотить в творчестве всю боль, горечь и чудо женской судьбы. Ну, а выбор имен и стихотворений подсказан вкусом составителя.

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний — так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, — и навстречу
Тебе — через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям, во мглу могил:
— Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! — Нет, я корыстна!
Раз не убьешь — корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц —
Во имя той — костей.

1921

Мария ПЕТРОВЫХ
1908—1979

Из стихотворения «Завещание»

...Не ведайте, поэты,
Ни лжи, ни клеветы.
О нет, куда живы,
Запечатлеть должны вы
Грядущего приметы,
Минувшего черты —
Невиданной эпохи
Невиданный размах,
Ее ночные вздохи
И застарелый страх.

Рис. С. СПИРИХИНА.

Приподнятые речи,
Ссутуленные плечи —
Примеры недалече,
Живете не впогьмах, —
И громкие дерзання,
И тайные терзания,
И слезы на глазах.
Пускай душа забита,
А все-таки жива,
Пусть правда позабыта —
Она одна права.
Напоминать про это —
Священный долг поэта.
Священные права.

70-е годы

киоск, раскрашенный белой и голубой краской, сливающийся с бледным небом. В нем суетилась Катя, раскладывая газеты и сортируя журналы. Костас стоял поодаль и ждал, когда растает небольшая очередь и он сможет поговорить. Улучив момент, он просунул голову в окошко.

— Привет от путешественника. Вот пришел преклонить голову у родного порога.

— Все хохмишь, — устало подняла на него взгляд женщина. — Знаешь, у меня радость, в школе место освободилось, меня берут. Уже районо дал согласие.

— Это дело... — Костас обрадовался, и надо прямо сказать, что из чисто мужских эгоистических побуждений. Хотя он не был ревнивцем, несмотря на кавказскую кровь, но все-таки Катина работа у всех на виду, возле вокзала, где вокруг нее столько крутятся мужики, жаждущих развлечений на короткое время, никоим образом не устраивала его.

— Это дело... — повторил он.

— У тебя что-то случилось? Лицо странное и усталое, — легким движением она поднимает руку и трогает ссадину на его виске. — Больно?

— Да так, ничего, — неопределенно мычит Костас. — Ерунда, чего в дороге только не бывает. Не бери в голову, лапонька. — Он протискивается в киоск и пытается зажать Катю в углу, облапив ее бедра.

— Ты с ума сошел, — шипит она ему в ухо. — Не сошел, десять дней в дороге...

Женщина выталкивает его из киоска, а Костас снова занимает свой пост у окна.

— Ждать вечером?

Он не успел ответить: в эту минуту его оттесняет своим пузом толстый мужик и, пыхтя, отсчитав копейки, берет пару газет, зло и завистливо осматривает Костаса с головы до ног.

Крутя в руках ошейник, Костас не двигался с места, еле сдерживая себя, чтобы не дать в похотливую физиономию толстяка.

— Да иди же, иди, — умоляет женщина.

И как только он двинулся прочь, пузан снова

прилип к киоску. Но Костас шел не оглядываясь, не замечая никого вокруг. Хотя знал, что женщина сейчас обижена и встревожена его непонятностью, внезапной враждебной замкнутостью.

Ох, Рая, Рая... Почему Рая? Катя!

«Катя» — повторил он еще раз про себя ее имя. Катя. Рая больше не существует в его жизни. Есть Катя, которая не сможет так беззаботно ко всему относиться, не сможет все обернуть в простую шутку, расхохотаться в самый неподходящий момент. А будет мучиться вместе с ним, переживать, изведется, издергается от его неприятностей, порой ища свою несуществующую вину. Но это... это, наверное, все же лучше, чем сидеть одному в четырех стенах сурком и видеть другого человека одиноким и заброшенным, а ведь стоит ему протянуть твердую руку...

Его ужаснула способность привязываться к людям, как ласковая бездомная собака. Костас был из тех мужчин, кто не переносил одиночества ни в каком виде, кто никогда не смог бы жить один, без дома, без семьи, без женщины, которая тебя ждет и которую ты можешь обнять в любой момент: она твоя.

Рядом с ним притормозил автобус, и вихрастая голова соседа высунулась из кабины.

— Хелло, коммерсант! Как ваша фирма виноводочных изделий? Друзей не замечаешь, господин виноторговец. Или миллионером заделался?

— Фирма в порядке, — буркнул Костас. Встреча с шоферами его всегда коробила, и он долго потом не мог успокоиться. — А чего хочет Эдик? — спросил он в свою очередь.

— Эдик от вас ничего не хочет, — шофер обиженно захлопнул дверцу кабины, и машина резко взяла с места.

— Костас тоже ничего не хочет, — сказал он вслед автобусу.

На перекрестке, у старого прабабкиного дома, стоял тощий, бледный и взъерошенный, словно воробышек, мальчишка и дергал по сторонам головой, кого-то высматривал.

— Дядя Костя! — завопил он своим слабым голосом и кинулся на шею, повис, обняв худыми, неподдающимися загару руками. — Дядя Костя, вы задержались на целых три дня. Я здесь медленно умираю с тоски. Ой, а где Цана? Что это?

— Такой маленький — и такая большая тоска?

— Да, — мальчишка смутился. — Ужасная тоска, я вас даже во сне видел. — Наступила неловкая пауза, потому что признание этого маленького человека повергло Костаса в оторопь. — Я вас ждал с Цаной.

— А Цаны нет больше. — Костас постарался произнести это как можно спокойнее. — Ушла она, встретила друга и ушла. Вот, оставила на память. — И вложил в руку мальчишка ошейник.

— Ты врешь, врешь, — губы его вдруг скривились, и неожиданно для себя мальчишка громко заплакал, уткнувшись Костасу в живот. — Я ей друг, она не могла...

Костявые плечики затрепетали от плача. И этот трепет проник в Костаса, передаваясь ему, словно ветер, что начинает качать вначале одну ветвь на дереве, затем другую, потом и весь ствол.

Последнее время, как заучившаяся истеричная баба, он копался в своем прошлом, которое только тянуло его за черту жизни. Но ведь была же и сама жизнь, и звала к себе, и властно требовала, чтобы пригляделись к ней и встретили ее по-мужски, лицом к лицу.

— Что это мы разнюнились с тобой, как слабые девчонки-плаксы? А ну, — Костас ласково и решительно повернул мальчишка в ту сторону, где находился Катин домик.

Дорога была вымощена старым булыжником: он здесь сохранился еще с давних времен. Она круто поднималась вверх. Обнявшись, двое мужчин пошли вперед, заручившись сейчас самым сильным, что было у них, — дружбой.

На какое-то мгновение перед взором Костаса мелькнул желто-красным пятном гонщик, оглянулся на них и, преодолевая подъем, унесся прочь, как видение давнишнего сна.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

ПРОТИВ БЕЛЫХ ХАЛАТОВ

Недavno мне пришлось обратиться к врачу: опухла и сильно болела ступня. Я прошу у читателя прощения за сугубо медицинские подробности, но они имеют отношение к теме разговора. Врач «Скорой помощи» долго рассматривал, постукивал и ощупывал. Спросил, были ли боли и неприятные ощущения когда-нибудь раньше. «Нет, но сейчас очень болит», — простонала я, быстро теряя надежду на то, что помощь окажется скорой. «К хирургу надо», — сказал по размышлению доктор. «Ну, а сейчас что-нибудь можно сделать! Может быть, перевяжем пока, — мазь Вишневского, говорят, помогает...» — «Это есть», — кивнул эскулап, и повязка была наложена. В больнице, куда меня привезли, дежурный врач и медсестра долго и тщательно осматривали ногу и около четверти часа вполголоса совещались. Звучали слова «отек», «инфильтрат» и еще что-то страшное. Потом была вызвана вторая медсестра, и обсуждение продолжили втроем. Общими усилиями установили диагноз — рожистое воспаление стопы, и теперь, после получения экстренной медицинской помощи, меня ждало амбулаторное лечение.

Ну что же, хоть немного, но к нему меня морально уже подготовили, и я благодарна за это. Ведь вскоре мне предстояло у врача районной поликлиники вновь пройти процедуру ощупывания, постукивания и раздумчивого молчания, не дрогнув выслушать пугающие предположения относительно диагноза и способов лечения и ненавязчиво убедить доктора, что он не совсем прав.

Несколько перевязок, несколько напоминаний врачу и медсестрам, что и где у меня лечат, — и история закончилась, в общем, благополучно... И оставила у меня смутное, но теплое чувство к... медицине...

ШАХОДАТ, год окончания института 1983-й

«...А я, когда вспоминаю о нашем студенческом хлопке, сразу ту трубу представляю... Вообще-то меня предупреждали, когда еще только собиралась поступать в ТашМИ: с сельхозработами у них там люто, загремишь на хлопок, так хорошо, если к Но-

вому году вывезут. Так и оказалось: на первом курсе, не учились около двух месяцев. Умножьте на шесть лет обучения... Так эти хлопковые месяцы сказались сразу, уже когда интернатуру проходила, да и сейчас сказываются... Господи, а вшивые какие мы все были — там ведь даже руки перед едой негде было помыть. «Зараза к заразе не липнет» — это шутка наша хлопковая. Шутить еще были силы... Заставь меня сейчас в дождь на поле грязь месить (только в снег разрешали из барака не выходить), мокрую одежду сушить у костра прямо на себе, так что пар от тебя столбом валит, или по трубе той пройти...

Мы в тот день собирали на каком-то дальнем поле — хлопка уже совсем не было, — и надо было перейти по трубе большой арык, а внизу вода ледяная, а я плавать не умею. Мальчишки кричат: «Давай, Шаходат, в случае чего вытащим!» Сейчас бы под дулом автомата не прошла. А тогда прошла.

Ну вот... Возишься, значит, в холодной мокрой земле, а дней через десять суставы на руках так опухнут, что пальцы не согнешь. А нам все равно не верили, гнали на поле, говорили — притворяйтесь. Мы, помню, натягивали хирургические перчатки, чтоб суставы хоть немного защитить...

А циститом сколько наши девочки там болели!.. Я в следующем году хлопка, как пытки ждала. Врачи нашли у меня сколиоз — это искривление позвоночника, — освободили на втором курсе от сельхозработ. А Манап Атаматович, тогдашний декан нашего 2-го лечфака, как раскричится: «Что мне с ваших справок! Когда поступали, все здоровые были. Нам больные студенты не нужны!» Ну и поехала опять...

Вот еще помню: учили нас все время — если приедут на стан Рашидов или Худайбердыев, отвечать хором, бодро и с улыбкой, что у нас каждый студент обязался сдать по две тонны хлопка и обязательство выполним!!! А я, например, физически не могу собрать две тонны... И знаете, надзирали за нами преподаватели — мужчины. Покрикивали все время, чтобы мы не разговаривали на поле, спину чтобы не разгибали, — да, не разрешалось.

Вы не думайте, что я нарочно одни ужасы рассказываю, спросите кого угодно из тех, что учились в те годы... Правда, Ахрор?»

АХРОР, год окончания института 1981-й

«...Однажды ребята из политехнического увидели наши грядки и говорят: «Вы что, вылизываете их?» Их-то никогда так не заставляли пахать. Вы про «лунную бригаду» когда-нибудь слышали? Дело в том, что каждому сборщику у нас ежедневно устанавливали план, чаще всего завышенный. А городские ребята, конечно, не могли угнаться за теми, кто из области, план не выполняли. И тогда их оставляли на поле после семи, а нередко и до ночи. Заведут трактор, включают фары и гонят ребят работать при их свете. Штрафбат, одним словом, ловушка. Я когда поступил в семьдесят шестом на лечфак, была у нас на первом курсе девочка одна, Эля. До сих пор помню, как она ходила с фартуком и выпрашивала

у всех по килограмму-полкило, чтобы до ночи на поле не остаться. Ее потом отчислили, хотя училась неплохо. Не удивляйтесь, отчисления и академотпуска за невыезд на сельхозработы были обычным делом. Младшие курсы — те вообще все время учились под страхом отчисления. Отличник, неважно показавший себя на поле, лишался стипендии — не сдал дифференцированный зачет, называлось. Зато иной раз стипендию давали троечникам...

Фартуки нам выдавали специальные полиэтиленовые для работы в дождь, — чтобы хлопок не намочить! Один раз во время дождя бригадир велел сворачиваться; думали, пожалел наших девочек, а он: «Такой хлопок не примут»...

Преподаватели? Да что вы, конечно, они сами не собирали, только за нами наблюдали. Вот мы и старались, даже победителями соцсоревнования между факультетами были несколько раз. Вручали нам и вымпелы, и флажки, — руководству, конечно... Вы извините, заговорили мы вас, — накипело... Раньше никто про это не спрашивал...»

АСЫЛБЕК, год окончания института 1981-й

«...Я понял ваш вопрос. Все правильно, работаю сейчас в Республиканском научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии и могу рассказать достаточно случаев из своей практики, когда приходилось поминать недобрым словом тех, кто, освободив от сельхозработ, скажем, консерваторно, не счел нужным распространить это на студентов-медиков. Знаете, что представляла собой

Дамы разгружают кавалеров.

учебная программа, когда мы снова возвращались в аудиторию? Только начав самостоятельно работать, я понял до конца, как многим нас обделил институт. Выпускникам ТашМИ катастрофически не хватает — нет, не знаний, а умений, практики. Поверьте вы, что меня, молодого специалиста с дипломом врача-травматолога, впервые научила накладывать гипсовую повязку медсестра травмопункта, где я начал работать после распределения?! Ведь вспомнить, как принимались у нас экзамены и зачеты, — смех и грех... Если экзаменатору известно, что на хлопке студенты были, скажем, месяц, — пару вопросов тебе еще зададут. Ну, а отпахали на полях полтора-два, — получишь оценку с потолка (либо по результатам своей добровольной трудовой деятельности). Так что выпускники нашего института — по крайней мере так было в мое время — лучше разбирались в тонкостях хлопководства, чем в секретах собственной профессии.

Только понял я все это далеко не сразу. Не могу сейчас вспомнить без стыда свой первый прием в районном травмопункте, где, как я уже сказал, стал работать после окончания учебы. Пока ждал больного, нервно перелистывал учебник... Упаси бог от такого конфуза, о котором со слезами на глазах рассказывала моя бывшая однокурсница. Ее послали на медобслуживание хлопкоробов, и когда один из рабочих решил посоветоваться с ней о здоровье жены, девушка честно ответила: «Я посмотрю в справочнике и завтра скажу вам, что из лекарств ей лучше принимать». «А-а, — махнул рукой ее собеседник. — В книжке я и сам могу посмотреть. Я думал, в самом деле — доктор...»

Я вспоминал этот случай, когда появился мой первый пациент. У мальчика, как я сейчас понимаю, был простенький подвывих, вправить который было делом нескольких минут. А тогда я растерялся. Чтобы скрыть растерянность и выиграть время, направляю больного на совершенно ненужный рентген. И тут пришла на помощь Марья Тимофеевна, та самая медсестра. Какой понимающей улыбкой подбодрила она меня, как спокойно и словно между прочим подсказала, что нужно сделать! И вот что подумалось сейчас: окончится первая самостоятельная работа неудачей, быть может, трагической, — как жить, как работать после этого? Как ощущать себя исцелителем людей, если много элементарного со стыдом приходится добирать в процессе работы, практически учиться на своих больных?! Заметьте, я говорю не об опыте, который действительно приходит лишь со временем, — о навыках необходимых, каждодневных. Почему не научили меня в институте вправлять вывихи, накладывать повязки и многому другому? Может, потому, что вместо практических занятий мы совершали трудовые подвиги на полях Джизакской области и скандировали молодецкие приветствия высокому начальству?..

Так что сложные, болезненные отношения у медицины и медиков с хлопком... А, да что толковать о студентах, когда в нашем НИИТО столько лет, и без всякого обсуждения в печати, забирают на сельхозработы врачей (!), да не на медобслуживание, а в фартуке хлопок собирать! Что толку от этих ваших статей, если ничего они изменить не могут!.. А впрочем... Вообще-то в прошлом году врачей у нас не трогали, забрали только санитаров... Может быть, и в самом деле?..»

Трое бывших выпускников ТашМИ, знающие одну из главных проблем родного института изнутри, три горьких монолога, которые я передаю так, как услышала. Но прокомментировать их все-таки должна.

Что я видела в Пахтакоре

В конце октября прошлого года я выехала в Пахтакорский район, куда, по многолетней традиции, направляются для помощи хлопкоробам студенты-медики. Ехала, достаточно наслышанная о «хлопковых ужасах» в ТашМИ.

Я рада сообщить читателю, что со времени, когда учились в этом институте мои собеседники, многое, очень многое здесь изменилось.

Институт выехал на полевые станы 3 октября; где-то через неделю, сказали мне 27-го, начнется вывоз студентов.

«...А в прошлом году приезжал к нам сюда Усманходжаев. Сидел, где вы сейчас сидите, просил меня как представителя центрального штаба побеседовать лично с каждым студентом, чтобы увеличили выработку хотя бы на полкило. А мы уже были на хлопке 52-й день, поля голые, собирать нечего, я киваю и думаю: ничего не выйдет, и почему все это понимают, кроме руководителей!»

Ну что ж, если положение о допустимости пребывания студентов на сельхозработках не более

На хлопковой плантации.

Фото Б. РЯЗАНЦЕВА.

Что разъяснили мне в ТашМИ

тридцати дней, которое не выполнялось до сих пор никогда, обретает наконец реальную силу, о переменах и впрямь стоит сказать. Правда, все проблемы и организмомы по-прежнему приходится решать собственными силами, потому что говорить пока о резкой перестройке в хозяйствах — гм... Какие, например, проблемы! Главная из них все та же: по-прежнему куда больше внимания уделяется ежедневной выработке, чем условиям быта, организации труда и отдыха и пр. И все-таки, и все-таки: я видела цветные телевизоры, установленные почти в каждом бараке, гигиенические — действующие! — палатки для девушек, слышала от ребят, с каким нетерпением ждут они дискотеки и танцев по вечерам после работы и киносеансов дважды в неделю. 29 октября, рассказали мне, завершится смотр-конкурс агитбригад всех четырех факультетов.

Девочки с пятого курса санитарно-гигиенического факультета — они начали учиться в 1984-м — жалуются на то, что очень нужна горячая вода, но взять ее негде, с баней очень плохо, раз в 10 дней, и то приходится уже раздетыми по полчаса ждать горячей воды: «Кричим, кричим...»

Но — ни слова о голоде и холоде, о каторжной работе в поле и ежевечерних разносах в штабе. Образ преподавателя-надсмотрщика чуть ли не с хлыстом в руке, так прочно врезавшийся в память студентов ТашМИ прежних поколений, им незнаком, и о «луной бригаде» они никогда не слышали. Режим дня у них такой: подъем в семь утра, выход в поле в восемь, с часу до двух перерыв и в начале седьмого вечера — последнее взвешивание собранного хлопка.

Разговор в штабе:

«А в этом году даже сельских школьников почти не трогали, и самаркандские студенты вообще на «постоянку» не выезжали, учатся спокойно. (Правда, там первого секретаря обкома партии сняли три дня тому назад... Шутка)».

С чем связаны перемены, о которых рассказывали с гордостью преподаватели и как о само собой разумеющемся — студенты!

«Во-первых, перестройка, — искренне удивился вопросу Дамир Заретдинов, старший преподаватель кафедры радиационной гигиены. — А во-вторых, самоуправление! На четырех курсах из пяти! Только перваши до него пока не доросли, но в следующем году попробуем перевести на самоуправление все курсы и все бригады».

«Если бы было так демократично, когда мы учились, — не без завистливой нотки добавил Асалиддин Камиллов, руководитель 5-го курса. — Но тогда и не слышали об этом...»

Ну что ж, на одно из гневных обвинений, с которых началась эта статья, ответ получен: условия труда студентов ТашМИ на хлопковых полях стали более сносными. Но как же быть со вторым вопросом: почему у нас в Узбекистане, где уровень медицинского обслуживания и без того достаточно низок, сельхозработы должны отнимать ежегодно по месяцу учебы у будущих врачей? Может быть, руководство института называет мне веские причины, и мне нужно только открыть вот хотя бы эту дверь с табличкой «Проректор по лечебной части Ходжибаев М. Х.», чтобы их понять!

— Мумин Ходжибаевич, студенты вашего института, как известно, ежегодно в сезон уборки хлопка одними из первых среди вузов выезжают на поля. Какие перемены произошли в последние годы!

— Я уже три года не выезжаю со студентами на хлопок, поэтому вам лучше обратиться не ко мне. Могу только сказать, что в январе планируется собрание-встреча сотрудников и студентов института с руководителями хозяйств, которым мы ежегодно оказываем помощь. В программе — отчет о проделанной работе, премирование лучших сборщиков, а заодно обсудим и планы на будущее: может быть, в следующем году наши студенты вообще не поедут на хлопок.

Второй год мы составляем предварительные договоры с хозяйствами, и это помогло значительно улучшить условия быта студентов. Да и партийные и советские органы на местах стали уделять этому вопросу больше внимания. В течение всей хлопкоуборочной кампании больницу в Пахтакорском районе, где дислоцировались наши бригады, возглавляла, как и ежегодно, консультативная группа из ТашМИ, которая оказывала медицинскую помощь не только горожанам, но и местному населению.

— Я убедилась в том, что студентов хозяйства принимают сейчас гораздо лучше, чем раньше. Но не считаете ли вы, что будущих медиков вообще не стоило бы ради сельхозработ ежегодно отрывать от учебы!

— Хлопок — наше богатство, вы согласны? Если ЦК партии найдет нужным отменить выезд ТашМИ на помощь хлопкоробам, — прекрасно. А пока нужно ездить — будем ездить. Если, скажем, в Ферганской долине ручного сбора почти не требуется, то, например, в Сырдарье и Джизаке, где не хватает рабочих рук, помощь горожан очень нужна.

Временно, еще несколько лет, пока конструкторы не разработают более совершенные хлопкоуборочные машины, — будем выезжать. Студенты наши дисциплинированные, недовольных, жалобщиков нет.

— Не совсем. В «Комсомольце Узбекистана» в октябре было опубликовано письмо родителей одного из ваших студентов, где они, видимо, исходя из печального опыта прошлых лет...

— Ну, знаете, это люди, которые не понимают свой долг! А пресса иногда перебарщивает: вместо того чтобы учитывать настроения большинства, извлекает на свет только недостатки, и такие вот публикации создают неблагоприятное общественное мнение. Вы согласны, что все-таки подавляющая часть врачей в нашей республике — хорошие, а плохих — единицы?

— С тем, что хорошие врачи у нас есть, я, разумеется, спорить не стану — хотя бы потому, что к моей маме, которая 30 лет проработала детским врачом и сейчас давно уже на пенсии, до сих пор идут и идут люди за помощью...

— Ну, что вы хотите — сравнивать врача молодого с опытным! Опыт ведь не приходит в один день. Возьмите молодого специалиста в любой отрасли —

у нас или, скажем, в Америке, — разве доверят сразу сложную работу недавнему выпускнику? Вот вас, например, ведь не пошлют на пресс-конференцию в верхах, как знаменитых журналистов-международников!

— Нет, конечно. Но как раз в Америке, по-моему, никому не придет в голову делать скидку на неопытность или некомпетентность молодого специалиста.

— В общем, так: если будет решение руководства обойтись на полях без студентов — не поедем. Целесообразно ли отрывать будущих медиков от занятий и прочее, — это им решать, им виднее...

— А вам!..

— ...а не придут в ЦК партии к положительному решению — тогда, значит... Тем более если студенты сами просят послать их на хлопок... Наши, например, часто выступают с инициативой. В этом году, правда, не выступили, но поехали на мобилизацию с удовольствием. Да и на что им жаловаться, если уж разобраться? Вот я окончил ТашМИ в 1951 году. Так мы оставались на хлопке до 25 декабря, мало того — жили в коровниках, где даже нар не было, спали на охапках соломы вместо постели! Днем собирали курак, а потом вручную его чистили до часу ночи; машин сельскохозяйственных не хватало, время-то послевоенное... Строгости с хлопком были в нашем институте и тогда большие, но был и энтузиазм!..

Кстати, в нынешнем сезоне пятый курс стоматологического и шестой курс санитарно-гигиенического факультетов к хлопкоуборочной кампании не привлекались, а шестые курсы обоих лечфаков выезжали не на сбор хлопка, а на медобслуживание. Совместная работа студентов и сотрудников института с местными врачами дает хорошие результаты: наши медики приходят на помощь в сложных случаях, их советы помогают врачам районных стационаров повысить свою квалификацию. О плодотворности такого сотрудничества говорят почетные грамоты, которыми ежегодно награждают райздравы наших врачей.

— Если я правильно вас поняла, помощь консультативной группы из ТашМИ районным больницам необходима, так как профессиональное превосходство столичных врачей над местными подражаете само собой. Вправе ли я предположить, что одна из причин этого — все та же повальная мобилизация на сбор «нашего богатства», в числе прочих, медицинских работников и будущих медиков — за счет их знаний и здоровья пациентов?

— Я вам свое мнение уже изложил. Если в ЦК партии найдут такую мобилизацию излишней — ездить не будем. Ну, а если нет... А сами вы как думаете?

— Твердо убеждена, что препятствовать каким-либо образом полноценному образованию врачей, тем более в нашей республике, — где уровень медицинского обслуживания и без того низок, — нельзя. И ожидала, честно говоря, что здесь вы со мной согласитесь.

— Я согласен, а как же...

— Но об этом как раз не сказали.

— Нет, я действительно за, но — если позволяет обстановка, условия, нужды республики, словом — если руководство найдет нужным...

В одном из корпусов Ташкентского государственного медицинского института, в окружении дверей комитета комсомола, профкома, штаба ССО и др. висит объявление:

**УВАЖАЕМЫЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СТУДЕНТЫ
ПРОСИМ ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УЧЕБНО-
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ
РАБОТЕ.**

Что ж, будем надеяться, что дельные, конструктивные, смелые предложения действительно вскорости поступят, и не от одних «преподавателей» и студентов, но и от вышестоящих инстанций, от которых зависит не только методическая работа в отдельном институте...

Я боюсь только одного: что предложения снова будут касаться улучшения быта студентов на хлопке, сокращения сроков сельхозработ и так далее, словом, что как снова попытаются лечить припарками. Довольно уже нам возглавлять график детской смертности в стране, довольно быть рассадником «убийственной заразы». Не должны в Узбекистане студенты-медики терять для учебы ни одного дня — хотя бы и во имя «белого золота», — вот в чем рассчитываем мы, я и «Молодая смена», на поддержку вышестоящих инстанций, вот какой вопрос, поднятый уже давно, все еще ждет кардинального решения. И если такое решение все-таки будет принято, и, может быть, даже воплощено в жизнь, — тогда останется только исправить ошибки в объявлении у дверей комитета комсомола ТашМИ.

Л. ШАХНАЗАРОВА.

Алимбай! Недавно мы с вами говорили о совести, об убежденности. Разговор получился несколько сумбурным. Видимо, двух мнений недостаточно: дела в этом мире настолько запутались, что их можно решить только объединившись, всем вместе. Ведь недаром же говорят, что от одного коня и пыли нет.

Вот так произошло и с нами: большинство занялись только своими проблемами — и перестали чувствовать чужую беду. Привыкли мы к тому, что долго управляли нами личности, не имеющие за душой ничего святого; формировали ум и душу — люди нечестные. Безразличие вошло в нашу кровь. А там, где царит безразличие, не может быть торжества справедливости, самопожертвования ради великой идеи.

Кто-то из мыслителей Востока сказал, что любовь к родине — это признак веры, убежденности. И вправду, чтобы любить родину — со всеми ее бедами и горестями, не всегда могущую обласкать и одарить своих детей, — человек должен быть элементарно совестливым.

Древние говорили, что тот, кто помнит себя, помнит и своего бога. В современной интерпретации это прозвучало бы так: пока человек не осознает себя как личность — он не может любить ни своей родины, ни своего народа. Образованный человек живет не догмами — он непрестанно постигает культурные ценности, не исключая из общего ряда обычаи и обряды народов, даже историю религии. У нас, к сожалению, до сих пор все складывалось иначе. Нашу историю, жизнь великих ученых, нашу литературу мы по сей день изучаем односторонне, зажатые в тесные рамки перестраховочных ограничений. Между тем, в журнале «Огонек» — а об авторитете этого издания спорить не приходится — высказываются мысли о том, что никакое событие или явление из истории человечества, в том числе и религия, не могут быть обойдены. Доцент С. И. Жук с кафедры научного коммунизма

Днепропетровского университета в одном из номеров журнала пишет, что евангелие — это такой исторический памятник, без которого затруднительно изучать не только историю религии, но и этапы человеческого развития. Мы же боимся не то что выяснить значение корана как памятника культуры средневековья, но даже заглянуть в него, поинтересоваться его содержанием опасаемся. Когда же родился этот страх? Почему представителю одного народа не поговорить со своими земляками так же искренне, как говорит со своими другой представитель другого народа? Что препятствует этому? Все тот же страх.

Это чувство свойственно человеку со слабой верой, человеку без убеждений. Из истории известно, что такие гении, как Махмуд Кашгари, Юсуф Хас Хаджи, Ибн Сина, Аль-Хорезми, Навои, создали свои бессмертные произведения потому, что имели твердые убеждения. К сожалению, мы никак не можем стать достойными наследниками своих предков. В

результате и личности наши, и литература дальше посредственного уровня не поднимаются.

Один из этапов истории нашей страны — приходится это с горечью признавать — обогреть кровью. Лучшие люди подвергались преследованиям, арестовывались, ссылались, расстреливались... Вспоминаю изречение одного из мыслителей Востока Джами Тирмизи. Смысл его таков: если люди, все видя и зная, дадут волю злодею, не предпримут мер, чтобы укоротить его руки, то останутся пребывать в мучениях.

Конечно, по истечении времени осуждать людей легче. Неизвестно, как повел бы себя каждый из нас в тридцатые годы... И все же, листая страницы периодической печати тех лет, не перестаешь поражаться. Столь большие поэты, как М. Исаковский, М. Рыльский, А. Сурков, Х. Алимджан, Г. Гулям посвящали Сталину такие оды, что даже сам господь, существуй он реально, поморщился бы от лести... Композитор Исаак Дунаевский в одном из своих писем называл Сталина великим человеком в масштабе всей мировой истории. Что было дальше с этим замечательным композитором, удостоенным к тому же Сталинской премии, известно: он покончил жизнь самоубийством. И «отец народов» не предотвратил этого шага. Ученый Гусейнов, написавший историю Кавказа, повесился на дереве у себя в саду после того, как получил премию, пожалованную ему «солнцем человечества»... Фадеев — застрелился. Имена Чулпана, Фитрата, Эльбека были преданы анафеме, Абдулла Кадыри, Усман Насыр погибли в сталинских застенках, Максуд Шейхзаде страдал до самой смерти, Хамид Сулейман пятнадцать лет провел в ссылке... А те, кто был причастен ко всему этому, и по сей день живут припеваючи. Получив причитающиеся высокие награды, почетные звания, они сидят в президиумах, говорят речи с трибуны. Ночью спят вполне спокойно. Они не страдают, подобно вам, из-за таких пустяков, как потеря убеждений у людей.

Ленин учил коммунистов оставаться верными своим идеалам, чистыми во всех отношениях, с уважением относиться к людям верующим. Как хранили заветы вождя его «последователи», мы все хорошо знаем.

Сталин оказался преступником, а Жданов, Молотов, Берия, Ежов, Ворошилов помогали ему достаточно усердно.

Пришедший после Сталина на вершину власти Хрущев оставил страну в полном разброде, обескровил сельское хозяйство, особенно животноводство, поставил людей в длиннейшие очереди за хлебом.

В достопамятные годы застоя мы славословили полуживого «вождя», заверяя его в том, что, воодушевленные его идеями, летим в космос, открываем новые земли, пишем книги, — а без его, Леонида Ильича, отеческого благословения это невозможно. У «выживших» вдохновителей тогдашнего массового идиотизма и сейчас все отлично. Поменяв лозунги, они теперь якобы включились в перестройку — и сами

НЕ ГОЛЫЙ?

Открытое письмо писателю
Алиму Атаханову

создали себе целый сонм богов, а в республиках божков; поклонялись им, когда те стояли на вершине власти, а как только те падали с верхоуры или умирали — обливали их помоями.

Советское государство первое на земле отвергло бога. Однако, отвергнув, испытываем острую потребность в новом его создании. (Возможно, все это в природе человека, который должен кому-то поклоняться, верить в чью-то непогрешимость.) История повторяется: подобно грекам, которые причислили Александра Македонского к богам, мы стали обожествлять партийных деятелей. Александр Македонский изумился, принимая скорострительную смерть: «Если я бог, то почему умираю?» Миллионы советских людей, зная о болезни Сталина, иступленно повторяли: «Нет, такой человек не может умереть, ведь это он продолжатель дела Ленина, без него мы бы не победили фашизм». В том, что ценой великих жертв спасли страну именно они, мало кто признавался даже сам себе.

Далеко не все писатели, так называемые «инженеры человеческих душ», стояли в стороне от всеобщего фанатизма и слепого восхваления власть имущих.

Вспомните, что творилось в Узбекистане до пятидесятих годов: подвергались репрессиям люди, знавшие арабскую грамоту. В шестидесятые годы запрещалось играть на свадьбах на карнаях и сурнах (их относили к пережиткам прошлого). В семидесятые родители, делавшие детям обрезание, получали взыскания. В начале восьмидесятых тех, кто допускал на похоронах чтение молитвы или плакал по ушедшим в мечети, клеймили позором. Все это исходило прежде всего от высокопоставленных чиновников. Они даже додумались до того, что запретили людям встречать праздники весны. Литераторов, возражавших против этого, обвинили в политической слепоте. А разве в тот момент такой уважаемый писатель, как Аскад Мухтар, не мог возразить против неверных действий, защитить своих братьев по перу? Хотя бы попытаться это сделать. Вы меня простите, но я не удивляюсь тому, что ни Мирмухсин, писавший произведения о Шарафе Рашидове; ни Хамид Гулям, который этого же человека делал прототипом своих героев и был обласкан его щедротами; ни Тураб Тула, удостоившийся счастья написать предисловие к его «Кашмирской легенде» («Поэма двух сердец»); ни многие другие писатели совершенно ни в чем не раскаиваются. От каждого нужно требовать только по его совести. Разве не так?

Никак не могут преодолеть привычного страха наши узбекские писатели. Это в то самое время, когда их русские братья по перу делают все, чтобы оправдать репрессированных в тридцатые годы литераторов, познакомить широкие массы с их творчеством. Среди нас все еще много таких, кто препятствует оправданию Чулпана и Фитрата, умудряется со своей «точки зрения» принизить такого мыслителя, как Бабур, жившего и творившего пять веков назад.

Частые ныне выражения типа «рвач», «хапуга» употребляются только по отношению к работникам торговли. Между тем, сравнения подобного рода так и просятся на язык, когда слышишь в очередной раз, что книжка молодого литератора «вылетела» из издательского плана (ибо, как я догадываюсь, запасы бумаги рассчитаны исключительно на маститых и именитых). Мы много слышали, что Айбек оказывал молодым безвозмездную помощь; что Пришвин уже в преклонном возрасте звонил директору издательства и просил вместо двух томов своих избранных произведений выпустить книжки четырех молодых писателей; о том, как А. Твардовский на свой страх и риск печатал произведения В. Тендрякова, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, многим молодым литераторам оказывал как материальную, так и моральную поддержку... Но скажите, кто сегодня из ныне здравствующих писателей похож на этих людей? Неужели совесть уже устарела как понятие?

Очень люблю рассказ Хулио Кортасара «Шаги по следу». Герой пишет о поэте — классике прошлого. Его произведение молодило шума. И в тот самый момент, когда его, героя, вот-вот должны обласкать и наградить, он вдруг узнает, что классик, которого он так возносил, был страшно подлым и мерзким человеком. Отказавшись от всех привилегий, герой начинает заниматься разоблачением собственного персонажа.

Я вспомнил об этом рассказе потому, что в нашей жизни полно историй, подобных этой. Только вчера он — редкий талант, не знающий себе равных организатор, а сегодня оказывается государственным преступником. Однако ни один из наших писателей, подобно герою рассказа Кортасара, не пошел против самого себя, не повернул общественное мнение пусть даже во вред себе, но в соответствии с голосом совести. Нет, я вовсе не хочу, чтобы эти литераторы встали на колени и проливали потоки слез. Но убежден: они должны на собственном примере предупредить молодежь о том, к чему ведет корыстолюбие и низкопоклонство.

Алимбай, во время нашей последней беседы вы взволнованно говорили о лицемерном выступлении одного из известных ученых-историков. Вашу горячность я отнес на счет вашей молодости, максимализма. Алимбай, что же вы хотите от человека, живущего только надеждами на высокие должности и стремлением кому-то понравиться? В Узбекистане все знают о попытках академика Атабая Эшанова заново открыть зачеркнутые, страницы нашей истории... Разве он, историк, не мог бы написать труд на основе документов, рассказывающих о жестокой политике русского царизма в Средней Азии? Мог бы. Однако не напишет. Не потому ли многие молодые люди плохо знают историю и к древнейшей культуре Востока относятся высокомерно? Не потому ли они не имеют ни малейшего понятия о десятках талантливых поэтов, творивших в одно время с Хамзой?.. И пусть сегодня народ

буквально отравляют десятками химических препаратов для обработки хлопчатника, пусть резко снизится рождаемость — этому человеку все равно. Уважаемый академик на все будет закрывать глаза — лишь бы быть при должности и в почете!

Когда у человека умирает совесть, он лишается своих убеждений. В результате наступает оцепенение, апатия. Разве сейчас в нашей литературе не наблюдается подобное явление? Ведь никто из нас не отваживается сказать, что произведения некоторых писателей, которых мы считаем классиками, не имеют никакой художественной ценности. А сколько докторов и кандидатов наук бьют себя в грудь, называя свою персону именем ученого! Я очень радовался вашему выступлению в Союзе писателей на годовом совете по прозе (хотя вы и не договорили по причине регламента и председатель собрания вас прервал, сказав, что сначала нужно стать лауреатом Нобелевской премии, а уж потом учить других уму-разуму...). Тогда вы сказали критику Умурзаку Ульджабаеву: «Свой рассказ я написал в подражание новелле Кортасара «Слюни дьявола». Она переведена на десятки языков и с удовольствием всеми читается, а специалист в области литературы ее элементарно не знает. Если б вы сказали, что я украл рассказ, я бы хоть мог с вами поспорить, а так... Мы до сих пор мыслим в духе когда-то написанных учебников по литературе. Это результат безответственного отношения к великой просветительской миссии, возложенной на наши плечи».

Браво, Алимбай!

Почему же у нас так низок уровень литературной критики? Или наша литература ниже критики?..

Алимбай, помните сказку Андерсена «Новое платье короля»? В ней абсолютно голого простофилю водят за нос словесами: «О, какая у вас красивая одежда, как она идет вам!» И никто не осмеливается сказать, что на нем ничего нет. Но в конце концов ребенок во всеуслышание изрекает истину... Не попадем ли и мы вскоре в подобную ситуацию?

Прочитав в последнее время публикации народных писателей Узбекистана Мирмухсина, Ибрагима Рахима, профессора Хафиза Абдусаматова, я был поражен до глубины души. Гласность они, кажется, поняли как средство для сведения личных счетов. Неужели у людей столь почтенного возраста нашлось сокровенных мыслей, надежд, которыми необходимо поделиться, неужели они не видят больших проблем нашей литературы, не строят планов на будущее?

Думаешь об этом — и на сердце становится тяжело. К сожалению, не думать никак нельзя.

Есть такая поговорка: пока на земле остается хоть один человек, у которого есть совесть, конец света не наступит. Я в это верю.

С уважением Эмин УСМАН.

Сон

I

Ты хмур и душой занедужил.
И я нынче не налегке.
Луна расплылась, как медуза,
Дрожит на лихом сквозняке.

Сполохами сизого цвета
Туман салютует в ночи.
Не надо щемлящим фальцетом
Со мной... Лучше так помолчим.

Не надо лютующих взглядов.
Реку повернуть разве вспять?
Вдвоем не сыскали мы клада.
Вдвоем нам больней горевать.

Ты той же невзгодой измучен...
Молчим. Только шире зрачки.
В лесу, беспросветно дремучем,
Царапают душу сучки.

2

В огороде пробилась ярутка.
Пол сплошными щелями пошел.
Руки, пальцы заломлены хрустко...
Плохо мне. А тебе — хорошо?

Грядки в росах, костры георгинов,
В окнах свет, в поцелуях рука —
Все, все в прошлом. Наш дом был из глины.
Не построили мы на века.

Рухнул дом. Ни к чему пустословье,
Запалишь ли сырые дрова?
Отчего ж над моим изголовьем
Кто-то шепчет мои же слова:

«Обопрись на меня, если трудно,
Нет сильней моих худеньких плеч.
Верь: не сломят и хмурые будни,
Если сможем любовь уберечь...»

Мне от слов этих ночью не спится.
В лунном свете вновь глину я мну.
Рассыпаются крошки по ситцу...
Не исполниться б этому сну.

Млечный Путь

Я вновь одна. Увы, который день...
И вновь грущу, особенно под вечер.
Молю, чтоб стихла ливня дребедень,
Молю судьбу ускорить нашу встречу.

Я прокляла, я разлюбила ночь
За бесконечность ожиданий тяжких.
Гоню предчувствия и ревность прочь,
Раскрыла ставни — вдруг мелькнет
фуражка

За гривой тала около столба?..
Сквозь тучи рвется Млечный Путь из мрака.
И снова в ночь летит моя мольба,
Чтоб ты на стрельбищах и на биваках,

Тревожась, чаще думал обо мне.
И, посреди дороги бесконечной,
Пусть для тебя и в мыслях, и во сне
Тропинкой к дому Путь ложится Млечный.

* * *

Цыплят по осени считают.
А мне бы сосчитать зимой.
Но кто судьбы предначертанья
Предскажет женщине земной?

...И хрустнет льда нагая кромка,
Сметя условности в сугроб.
И снится: празднично и звонко
Любви восходит небоскреб.

Он все торжественней, все выше
Один растет, невинно бел.
И я боюсь венчанья крышей,
Чтоб небоскреб имел предел.

Страшусь ветров, землетрясения...
С опаскою люблюсь им,
Во сне ищу ему спасенья,
Чтоб не исчез, как сон, как дым.

* * *

Так устроена жизнь...
От истины горькой не легче.
Но и сказкой о бессмертной душе меня не
согреть.
Могут ношу любую выдержать мамыны
плечи.
Могут ношу любую... Только не смерть.

Рядом с мамой и взрослый
Ощущает себя ребенком,
«Мама!» — рвется из детского лепета, как
восторг.
А губам моим впредь не знать этой радости
звонкой.
А глазам не увидеть с родинкой легкой
висок...

Сжаты губы от боли.
Ко мне обращаются дети.
Ты сгорела кометой, впервые к себе не маня.
Как могла я усталость и тревогу твою не
приметить?
Как сумела ты боль и предчувствие скрыть от
меня?..

Так бывает, когда
Олениха почует матерого.
Олененка спасая, стремглав не бросится
вспять,
На матерого кинется, оттеснив олененка в
сторону...
Если б вовремя дети щадили мать...

* * *

Поэзия тоскует о поэте,
О гении, чье редкое перо
Сравнится разве с пушкинским, и этим
Заслужит восхищенное: добро!

Поэзия мечтает о таланте,
Что с книжных полок вытеснил бы хлам.
Она скорбит: так много дебютантов
И мастеров — а воз и ныне там!

Корит, ворчит, как древняя старуха,
Ей все не так...
А я хочу сказать:
Пусть наделит планету тонким слухом,
Таким, чтоб пушкинскому был под стать.

И мир услышит голос поколений,
И шум с ресниц скатившейся слезы,
И звездопад, влюбленных дум томленье,
И легкий шорох крыльев стрекозы,

Как тяжело вращается планета,
Как солнца луч стремглав к земле летит...
И в каждом заболит душа поэта,
По-пушкински тревожно заболит.

* * *

В толпе он — спесивый, чванливый,
Едва снизошедший до взгляда.
Где надо кричать — молчаливый,
Примером зажечь где — тирадой
Ударит (вмиг душу своротит)
О гибнущем хлопке, о долге...
Вон сколько их — сбоку, напротив —
И пеших, и в собственных «Волгах».
Чванливых, напыщенных, важных,
В себя бесконечно влюбленных.
Из зданий многоэтажных
Им мнится: среди преклоненных
Живут... А по сану ль величье?
Давно мир для них мал и скучен.
Их гимн — пустозвонства двуличье...
А что как собьют с мнимой кручи?!
Мне жаль: археолог отыщет
Останки и, долго сличая,
Всех в круг современников впишет —
От гения до негодяя.

Рубежи

Ты освежи росой, люцерна,
Прохладой лица освежи,
Чтоб легче было офицерам
Брать полковые рубежи.

И, мнимым боем распаленный,
Полк обогнет посеви ржи.
Вы тенью приголубьте, клены,
Тех, кто идет на рубежи.

Ускорьте бег по кругу, стрелки,
Развейте пыль степей, стрижи.
В каких он будет переделках,
Полк, что идет на рубежи?

Но шире шаг, но плечи круче —
Круты у жизни виражи!
...А жен судьба годами учит
Брать расставаний рубежи.

Солистка Альфия Шаймудина.

Света Оскирко — синтезатор, Мила Караулова — ударник, Лариса Пипкина — бас-гитара.

А это Света Печура и Лена Чарикова.

АНСАМБЛЬ «ИРИНИЯ»

За одним исключением в ансамбле — только девушки.
(Ансамбль «Ириния» Ташкентского педагогического училища им. В. И. Ленина.)

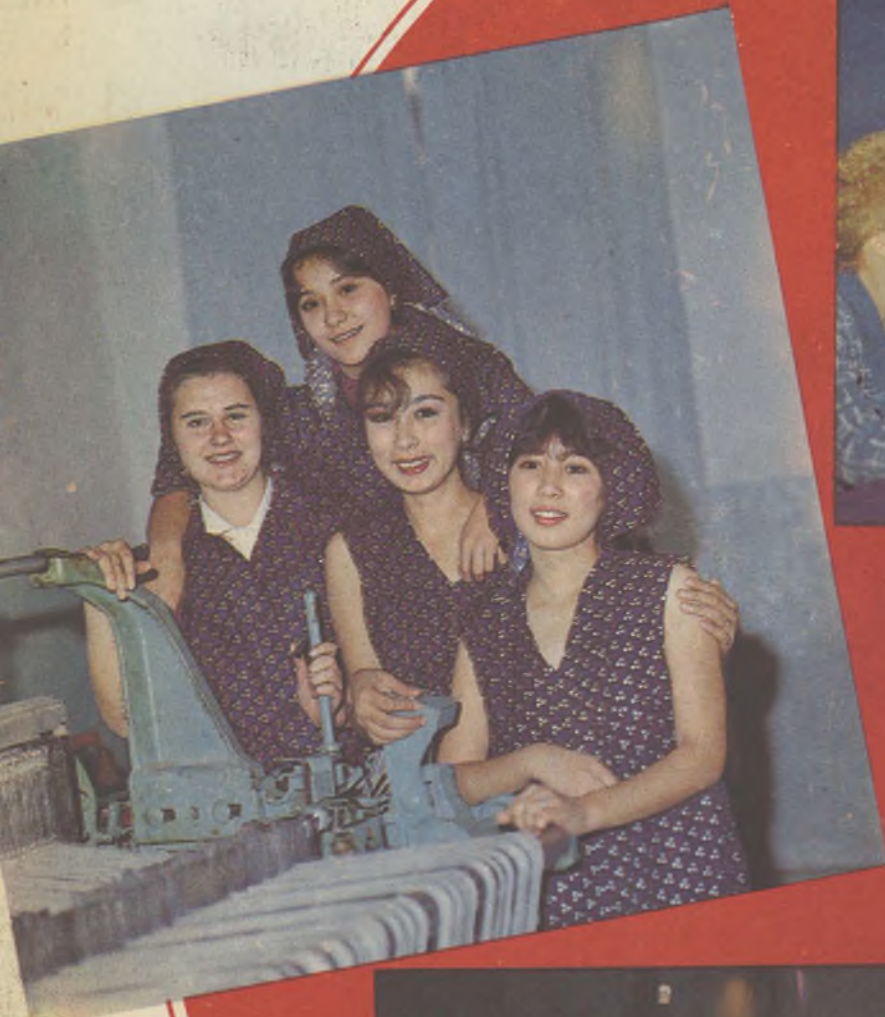
Фото А. Кудряшова.

Рано Ризаева — автор и исполнитель песен об Афганистане.

В двенадцатом номере «МС» за 1988 год появилась рубрика «Фотокор пришел в школу». «А почему бы ему не пойти в ПТУ?» — решили сотрудники редакции. И вот незадолго до чудесного мартовского праздника фотокорреспондент А. Кудряшов отправился в Ташкентское СПТУ № 45, готовящее специалистов для текстильной промышленности республики.

В кабинете профориентации. Выступает директор училища Наталья Альбертовна Симонова.

Сегодня — мастерские, завтра — фабрика...

Директорское кресло заняла Женя Хирная, ее внимательно слушают три заместителя директора, военрук и физрук училища... Вы удивлены? Все очень просто: сегодня день самоуправления.

Сколько таких девчонок «вывела в жизнь» Герой Социалистического Труда Лидия Павловна Казанцева.

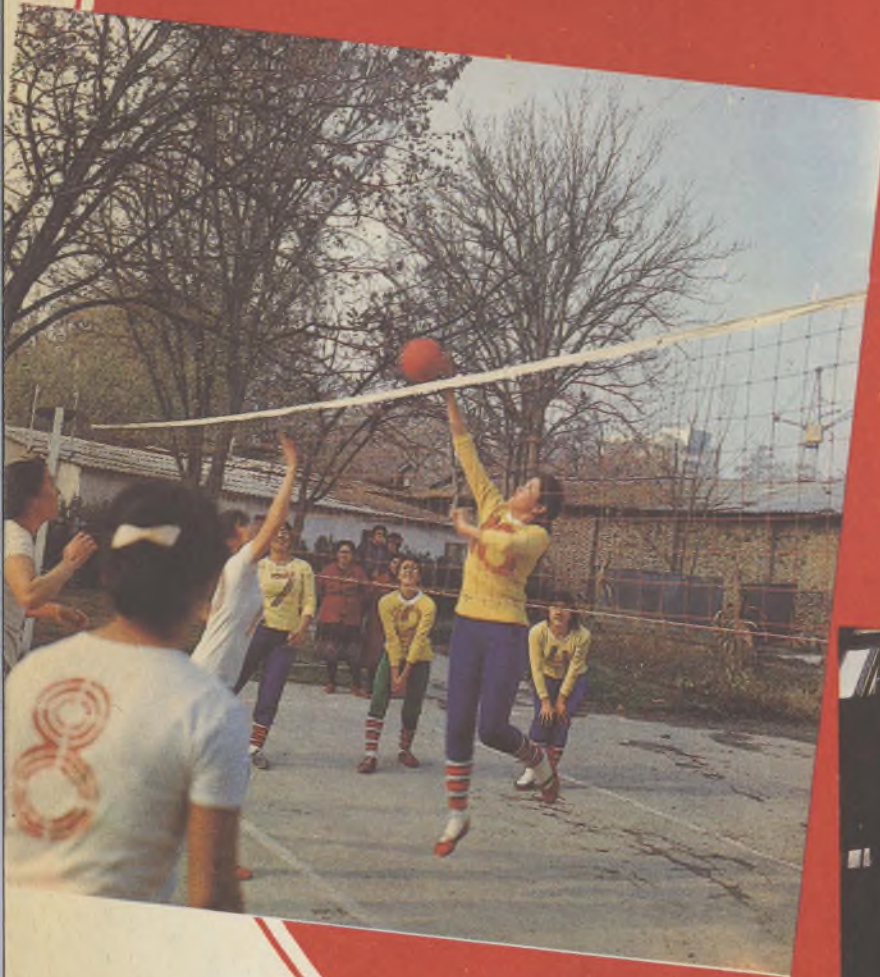
Агитбригада и ее руководитель Георгий Наумович Гольдман.

Идет первенство училища по волейболу.

Местные энтузиасты ритмической гимнастики.

В ткацком цехе Ташкентского текстильного комбината. Со своими подопечными — Шоирой Мирзараимовой и Гунчай Курбановой — мастер Лариса Борисовна Конобрицкая.

Фото А. КУДРЯШОВА.

...Еще предстоит получить диплом об окончании медучилища. Но в душе они давно уже медики.

Фото А. Кудряшова.

КОГДА
ВИНОВАТЫ
РОДИТЕЛИ...

Ребенок должен воспитываться в здоровой семье. Это истина, которую не нужно доказывать. От того, как протекает детство, отрочество, во многом зависит, каким станет человек в дальнейшем. Хорошие взаимоотношения родителей, их чуткость, внимание друг к другу, к ребенку — все это, попадая в его душу, впоследствии дает добрые всходы: он вырастает настоящим человеком, хорошим семьянином, достойным членом общества. И наоборот: нездоровая семейная обстановка зачастую плохо влияет на неокрепшую психику ребенка, развивает в нем вредные привычки, формирует неуважение к интересам других людей и, в конечном счете, нередко приводит его к преступлению. Не случайно, как свидетельствует статистика, большинство несовершеннолетних правонарушителей росли и воспитывались в так называемых «неблагополучных» семьях.

Для того чтобы вовремя помочь ребенку, вырвать его из нездоровой семейной обстановки, Кодекс о браке и семье Узбекской ССР в качестве последствий неисполнения родителями обязанностей относительно детей предусматривает такие меры, как отобрание детей, лишение родительских прав, принудительное взыскание средств на содержание детей.

Отобрание детей производится по решению суда. Оно возможно без лишения родительских прав. В исключительных случаях орган опеки и попечительства может временно, до решения суда, отобрать ребенка у родителей или других лиц, если пребывание детей у таких лиц опасно для них.

Так, суд вынес решение отобрать четырехлетнего ребенка и передать на воспитание его бабушке З. Каримовой, так как супруги Аслановы страдали психическим заболеванием и оказывали отрицательное влияние на воспитание своего ребенка.

Лишение родительских прав применяется при особо злом уклонении родителей от своих обязанностей перед детьми и обществом.

Родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей по воспитанию детей и злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на них аморальным, антиобщественным поведением, а также если они являются хроническими алкоголиками и наркоманами.

Лишение родительских прав влечет тяжкие последствия для родителей. Согласно ст. 83 КоБИС УзССР, лишенные родительских прав утрачивают свои личные и имущественные права, основанные на факте родства.

Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей, гласит статья 84 Кодекса законов о браке и семье Узбекской ССР. Родитель, лишенный всех прав в отношении своего ребенка, обязан уплачивать алименты в том же размере, что и другие родители.

Уже в первые годы Советской власти были изданы законодательные акты, направленные против вовлечения взрослыми подростков в преступную деятельность.

Так, 4 марта 1920 года был принят декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях». На основе этого декрета в 1920 году была издана инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, которая прямо обязывала комиссию привлекать к уголовной ответственности взрослых: за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и соучастие с ними; сводничество; склонение несовершеннолетних к проституции и половым извращениям; эксплуатацию труда несовершеннолетних и жестокое с ними обращение.

В Уголовном кодексе Узбекской ССР, принятом Верховным Советом Узбекской ССР 21 мая 1959 года предусмотрены специальные статьи, регулирующие ответственность родителей за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и другие антиобщественные занятия.

Что же имеет в виду закон, когда говорит о вовлечении и склонении несовершеннолетнего к преступной деятельности? Может ли преступление иметь место там, где лицо не совершает активных действий? Может, поскольку некоторые виды преступлений, например, уклонение от выполнения воинских обязанностей, совершаются путем бездействия, т. е. несовершения таких действий (поступков), которые субъект обязан совершить.

Вовлечение же несовершеннолетнего в преступную деятельность путем бездействия осуществить нельзя, но порой оно случается и тогда, когда на первый взгляд взрослый не совершает никаких активных поступков. Среди методов вовлечения подростков в преступную деятельность есть такие:

предварительное спайвание их, которое снижает способность подростков к сопротивлению и способствует тому, что в нетрезвом состоянии они совершают преступления;

рассказы, как бы незначай, о способах совершения преступлений, о том, где можно сбыть похищенное и т. д.: внешне эти разговоры как будто бесцельны, но на самом деле подстрекают незаметно дают несовершеннолетним весьма подробный инструктаж;

стремление поставить подростка в материальную зависимость;

оказание физического и психического давления не собственными действиями, а через других подростков;

использование обмана.

В судебной практике известно дело гражданки М., которая подстрекала 15-летнего сына красть чужое белье, развешанное на веревках для просушки. Похищенные вещи мать продавала на толкучке. Впоследствии эта женщина была привлечена к уголовной ответственности и осуждена за вовлечение сына и других подростков в преступную деятельность.

Предположим теперь, что взрослый подстрекает несовершеннолетнего к совершению преступления, скажем, к избиению кого-либо, но подросток отказывается это сделать. Хотя преступления и не было, однако умысел виновного был направлен на его совершение, и поэтому взрослый несет за это ответственность по ст. 218 УК УзССР.

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией также квалифицируется как тяжкое преступление. Оно может выражаться в уговорах, обещаниях каких-либо выгод. Нередко ему предшествует моральное разложение девушки виновным.

Вовлечение несовершеннолетней в занятие проституцией путем принуждения выражается в запугивании потерпевшей и жестоким с ней обращении, отказе в материальной помощи и в других действиях, ухудшающих ее положение, а также в использовании виновным материальной или иной зависимости потерпевшей или родственников с ней отношений.

Совершение подростком преступления — самое тяжкое следствие того нравственного вреда, который причиняется обществу в результате вовлечения молодых людей в пьянство.

Вряд ли необходимо говорить о том, какую опасность для организма и психики несовершеннолетнего имеет привычка к спиртному.

Верховный суд СССР в своем постановлении от 3.12.76 указал, что уголовно наказуемым вовлечением несовершеннолетнего в пьянство признаются умышленные действия взрослого, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков, независимо от того, совершил ли последний под влиянием

алкоголя преступление, наступили или не наступили для него тяжкие последствия (смерть, увечье и т. д.). Шестнадцатилетние Исмаил и Рустам помогли соседу Каримову убирать с приусадебного участка созревший чеснок. Им помогал и сын Каримова — двенадцатилетний Эргаш. После работы, вечером, Каримов дал Исмаилу и Рустаму по 10 рублей и пригласил ребят на ужин, выставив на стол 4 бутылки вина. Поужинав и распив вино, ребята, в том числе и сын хозяина дома, пошли в клуб, где на почве пьянства совершили злостное хулиганство.

За вовлечение своего сына и других несовершеннолетних в пьянство, в результате чего подростки привлекли тяжкое преступление, Каримов был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовная ответственность родителей по ст. 216-5 УК Узбекской ССР наступает и в случаях склонения ими несовершеннолетних детей к потреблению наркотических веществ.

«Отец размял какое-то вещество темно-коричневого цвета и смешал с табаком сигареты, потом всю эту смесь затолкал в гильзу от сигареты и закурил. К небу поднялись маленькие круги белого дыма, я почувствовал неприятный запах. Все начали курить эту сигарету. Потом отец дал сигарету и мне, я отказывался, но он говорил: «Кури, мужчина должен и это уметь!» После этих его слов я закурил и сразу закашлялся, потом почувствовал какую-то легкость в теле. Через некоторое время мне снова дали покурить догоравшую сигарету. После второй затяжки я почувствовал еще большую легкость в теле. Отец и его друзья над чем-то смеялись, наверно, надо мной, я тоже вместе с ними смеялся, сам не зная чему. Потом сильно захотелось есть, но никакой еды не было, кроме двух луковиц. Отец сказал мне, чтобы я пошел в парк и где-нибудь поел. Я тут же встал и побежал, ноги сами несли меня, попадавшиеся на пути палки, камни, арыки я с легкостью перепрыгивал, а каких-то бегущих навстречу маленьких чудовищ криком отгонял. Что было потом, не помню...»

Это — из рассказа 14-летнего Самата Закирова, уже в больнице. За совершенное преступление его отец, Закиров-старший, был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

На территории одного из совхозов Каракалпакской АССР было обнаружено небольшое поле, засеянное, как оказалось при проверке, опийным маком (кукнармом). Засеял его самовольно рабочий совхоза Ж., причем, как установило следствие, активную помощь в посеве и выращивании мака оказывал Ж. его семнадцатилетний сын. Ж. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 217 УК Узбекской ССР, а также осужден за вовлечение сына в посев и выращивание запрещенных к возделыванию культур, содержащих наркотические вещества.

Статья 136 Уголовного кодекса Узбекской ССР предусматривает ответственность родителей за воспрепятствование получению их детьми всеобщего среднего образования, особенно получению этого образования девушками местной национальности.

К сожалению, на практике эта норма уголовного закона нашей республики применяется крайне редко, хотя примеров, свидетельствующих о фактах ненадлежащего исполнения Закона о всеобщем среднем образовании, достаточно.

Родители А., ученика 5-го класса одной из школ Джизака, запретили ему посещать школу, чтобы он дома присматривал за младшими братьями и сестрами, пока родители на работе.

Другой несовершеннолетний, имея шестиклассное образование, в течение трех лет нигде не учился и не работал; попав под влияние уголовной среды, совершил в Ташкенте ряд преступлений.

Характерно уголовное дело гражданина А., нарушившего закон об отделении церкви от государства и школы. Служитель мечети, он организовал у себя дома «школу» по обучению как своих детей, так и детей соседей, конечно, за определенное вознаграждение. Дети посещали «школу» в вечернее время. Занятия по религии с детьми А. проводил лично.

Проведенное по данному факту расследование показало, что родители принуждали своих детей посещать религиозную «школу», иногда применяя физическое давление, даже избивали их в случае уклонения. А. и ряд его соучастников привлечены к уголовной ответственности и осуждены к различным срокам наказания.

Таким образом, Кодекс о браке и семье — суровое оружие в руках государства, но и надежное средство защиты этих важнейших общественных институтов, средство борьбы за воспитание полноценных людей, достойных членов общества.

Ф. КЛЫЧЕВ,
А. КУРБАНОВ.

Иссыккульские зори.

Внимание,
снимаю!

Соседушка.

Семиклассница. Отличница. Занимается музыкой. А еще не расстается с фотоаппаратом. Фотографирует и публикует снимки в республиканских газетах и журналах уже два года. Ученица школы № 67 Ольга Губенко участвовала в фотосъемках Фестиваля Индии в СССР, десятого Международного кинофестиваля стран Азии, Африки и Латинской Америки в Ташкенте, дружеских встреч жителей городов-побратимов Ташкента и Сизтла.

Персональная фотовыставка Ольги Губенко открылась 29 сентября прошлого года в доме культуры Издательства ЦК КП Узбекистана под эгидой Ташкентской организации Союза журналистов Узбекистана.

Детская экспозиция ее фотовыставки в городе Мелитополе на Всесоюзном семинаре по

Ольга ГУБЕНКО.

детской фотографии удостоилась высокой оценки специалистов.

В настоящее время Ольга пробует новую форму творческого общения со зрителем — устраивает авторские фоторевю по школам Ташкента и городам республики со сбором средств в фонд Мира. Первая такая встреча состоялась во Дворце культуры Ташкентского тракторного завода с учениками школ Куйбышевского района.

Представляемые в журнале снимки являются частью персональной фотовыставки Ольги Губенко «Рядом с тобой», содержащей 96 фоторабот в четырех разделах: «Моя школа», «Пионерское лето», «Среди гостей» и «Ответственное задание». Выставка не является окончательной, постоянно дополняется.

Сестры Дэвис.

В тысяче солнц.

Близнецы.

Докупался.

СЕМЬ ОСТАНОВОК

Рассказ

Необыкновенное рядом. Нужно только внимательно присмотреться. Но Юрка некогда было присматриваться. Мимо него пролетали необыкновенные дни, необыкновенные события, необыкновенные люди... а он сбегал с лекций, брэнчал на шестиструнке, крутил транзистор и неотступной тенью ходил за Эркином. Эркин тоже сбегал с лекций, тоже с трудом выкручивался на сессиях, но был он — сам фейерверк. Все, что делал Эркин, делалось легко и весело.

И все-таки необыкновенное настигло Юрку.

Автобус желтой гусеницей подполз к остановке. Толпа студентов атаковала двери. В этой веселой толчее Юрка подсуетился и успел занять освободившееся сиденье. Уселся поплотнее, победоносно глянул на протискивающихся в толпе Эркина, Шавката и Димку и повернулся к соседке.

Вот оно — необыкновенное! Сидит на обычном сиденье автобуса, держит коричневый портфель, но как необыкновенно прислонилась головой к стеклу... и какой нежный профиль...

Эркин и Вовка уже пробилась к нему и глазами призывали к действию. Это всегда было так просто. «Девушка, как вас зовут?» — начинал кто-нибудь из них, а остальные подхватывали ниточку разговора и наматывали ее на яркий, многоцветный клубок юношеских приключений.

Но сейчас... Вместо того, чтобы вступить в разговор, Юрка подсчитывал остановки. Вот еще одна. Еще несколько минут... и доползет до ее остановки этот автобус-гусеница, девушка поднимется... и все. Захлопнется невидимая дверь, которая впустила ее на эти несколько мгновений в обычный Юркин мир.

— Девушка, как вас зовут? — наконец выпалил он.

Эркин и Шавкат с Вовкой показали ему знаками, что превратились в слух.

Девушка внимательно осмотрела веселых парней и ответила:

— Так же, как и раньше.

— А как звали раньше?

— А это вам знать не стоит.

Юрка только успел заметить, что у нее зеленые глаза и длинные стрелочки-ресницы, и отметил про себя: «Весна».

А «Весна» опять прислонила голову к стеклу, но в выражении ее глаз Юрка уловил искорки интереса.

К Эркину пробилась кондукторша:

— Билетики?

— Дальше.

Это тоже был проверенный маневр. Пока она добиралась до тех, кто дальше, они почти всегда успевали выйти. Если же это не удавалось, начинали сосредоточенно рыться во всех карманах, имеющих и воображаемых. Правда, кондукторы этого беспокойного маршрута относились к своим безденежным пассажирам довольно снисходительно, хорошо зная, что несколько дней после стипендии проезд даже одной остановки будет ими подчеркнуто честно оплачиваться.

Еще две остановки. Народ схлынул. В автобусе стало свободнее, и многие с улыбкой прислушивались к разговору. А ребята наседали на незнакомку с вопросами уже втроем.

Девушка тоже улыбалась, но на вопрос об имени по-прежнему отвечала:

— Так же, как и раньше.

А Юрка... Он уже твердо знал, что это — ОНА. Та, которую встречаешь раз в жизни. Он уже мысленно сфотографировал и спрятал в самый дальний и сокровенный уголок своей нетронутой души и ее волнистые волосы, и жест, которым она от-

кидывала их, и тонкий девичий профиль, и руки, лежащие на коричневом портфеле.

Димка крикнул:

— Выходим! Быстрее! — и соскочил с подножки. Друзья последовали за ним. А Юрка все стоял, не в силах отвести от девушки глаз.

— Ну же, скорей!

И он шагнул к двери. Выскочил, когда автобус уже тронулся. Дверцы за ним захлопнулись, и милое, улыбающееся лицо проплыло за стеклом.

Шли почему-то молча. И вдруг Шавкат сказал:

— Хорошая девочка.

Рис. В. ЛУНЕВА.

— Кто? — спросил Димка. Этот вообще никого кругом не видел, кроме своей Динки.

— Да эта — Такжеакираньше.

Юрка промолчал. Он был не здесь. Он продолжал ехать в автобусе и все задавал свой глупый вопрос: «Как вас зовут?»

Как будто это главное! Нужно было идти за ней. Нужно было добиться, чтобы она поверила ему! А он: «Как вас зовут? Как вас зовут?» — и ушел ни с чем.

Как когда-то в детстве от мятной конфеты холодело во рту, так теперь холодело все внутри от сознания непоправимости случившегося.

Необыкновенное всюду? Глулости!

Необыкновенное приходит однажды... Оно

коснется твоей души, и сам ты словно тоже становишься необыкновенным. Юрка понял это тогда, когда вечером отказался идти с Эркином на «пятачок».

«Пятачок» — это маленькая цементированная площадка, похожая на дно колодца, стены которого — высокие зеленые тополя. Там собирались вечерами ребята и девочки из соседних домов и «девятитажки», в которой жил Юрка. Брэнчали на гитарах, пели и очень много спорили.

Потом он все-таки пришел... но смотрел весь вечер только на Динку с Димкой. «Димка и Динка — карась и сардинка», — подшучивали над ними ребята. Этот неуклюжий очкарик предстал перед ним в новом свете. Динка любит Димку... Они не просто «балдеют». У них — любовь. Значит, они необыкновенны.

И вдруг Эркин:

— Я посвящаю свою песню удивительной девушке! — Он посмотрел на Динку. Динка порозовела и слегка подалась вперед. — Такжеакираньше!

— Кому?

— Такжеакираньше!

— Не понимаю.

— Этого вам знать не стоит. — Эркин выразительно посмотрел на Юрку и под бешеные аккорды гитары зачастил:

Я помню чу-чу-чу-чудное мгновенье!

Пе-пе-пе-передо мной явилась ты!

Как ми-ми-мимолетное виденье!

Как гений чи-чи-чи-чистой

красоты-ты-ты-ты-ты!

Он дрыгался, танцуя какой-то сумасшедший по ритму танец, а Юрка снова почувствовал остро шевельнувшуюся боль. Эх, Такжеакираньше!

Время шло. Прошла пора напрасных поисков Такжеакираньше, бесполезных поездок по ее маршруту. Жизнь опять становилась обыкновенной. Обыкновенные лекции, обыкновенные сессии, обыкновенный «пятачок».

Но иногда...

Иногда Юрка закрывал глаза и снова переносился в свой необыкновенный мир.

Там полз по улицам Ташкента желтый «Икарус», у окна сидела девушка, и весенняя зелень отражалась в ее зеленых глазах. Из сокровенных уголков Юркиной памяти извлекались драгоценные частицы знакомой боли: жест, голос, взгляд, рассыпавшиеся по плечу волосы... И он ехал, ехал... Семь остановок! Как быстро летит время! А он... едва ли он проедет их за целую жизнь.

На привычный небрежный вопрос друзей: «Как дела?» — он отвечал, деланно улыбаясь:

— Так же, как и раньше.

Благодаря тому, что Юрка теперь носил в себе, он стал мягче, восприимчивее. Состояние обостренного внимания к людям, к их взаимоотношениям позволяло ему замечать в них то, что раньше было скрыто от его глаз. Он научился читать в книгах написанное между строк. Стихи поражали его тем, что кто-то выразил его мысли, — так стройно, значительно, будто известно было этому кому-то... о его, Юркиной, великой потере.

Значит тот, кто писал...

Он вдруг понял, и это подбодрило его, — что у КАЖДОГО человека есть... свои «Семь остановок». И каждый когда-то из сокровенных уголков своей памяти достает драгоценные частицы знакомой боли: жест, голос, взгляд, прикосновение... В сотый, в тысячный раз склоняется над ними... вдыхает не подвластный времени аромат ушедшего... сожалеет и благодарит... и едет, едет свои «Семь остановок»... — всю жизнь!

О. ИБРАГИМОВА.

К. ДУСТМУХАМЕДОВ.

Т. КАРАБАЕВ.

А. СИКИОТОВ.

Рубрику «Шкатулка изобретений», открытую первым номером журнала за прошлый год, заметили многие. Проектами и идеями, в большинстве рациональными и вполне осуществимыми, порой фантастическими, а то и забавными, поделились с редакцией учащиеся и студенты, молодые рабочие и колхозники. Об их предложениях, о состоянии технического творчества молодежи нашей республики в целом беседуют корреспондент «МС» К. Дустмухамедов, директор республиканского Дворца пионеров и школьников О. Ибрагимова, директор Центральной станции юных техников Т. Карабаев и заместитель начальника организации РИТМ А. Сикиотов.

К. Д. — Авторы писем высказывают много научно-технических идей, достойных применения в народном хозяйстве. Принципиально новую хлопкоборочную машину предлагает создать С. Каландаров из Бухарской области, «вертушку» для сбора и пакетирования мусора в многоэтажных домах придумал студент ТашПИ З. Бабаджанов, а приспособление для сбора яблок — студент Ташкентского ирригационного института М. Сапарбеков.

Идей, заслуживающих внимания проектов приходит как будто достаточно. Но... посмотрите в зарубежных журналах изобретения тамошней молодежи: мотоциклы, автомобили, даже самолеты невероятных конструкций! А кто же прищипывает фантазию нашей молодежи? Неужели у нее меньше способностей? Что нужно делать для развития научно-технического творчества молодежи?

Т. К. — У нас в республике 118 станций юных техников, в которых около 55 тысяч учащихся занимаются авиа- и судомоделированием, автоконструированием, фотографией, созданием музыкальных инструментов, компьютеров и так далее.

О. И. — В наш Дворец пионеров и школьников ходит заниматься около пяти с половиной тысяч подростков. Здесь работают 89 кружков и клубов. Только в отделе науки и техники функционирует 24 кружка. В других городах нашей республики, районных центрах также имеется большое количество дворцов.

А. С. — Есть и еще одна организация. Сокращенно мы называем ее РИТМ, что означает — «Реализация идей творческой молодежи». Есть у нее и еще более полное название — «Координационный центр научно-технического творчества молодежи», но мы будем называть ее просто РИТМ. Так вот, с момента образования РИТМа прошло только два года. Но эта организация уже подстегивает научно-техническую деятельность молодых, претворяет их идеи в жизнь. Работает на хозрасчете.

При РИТМе мы хотим открыть любительский клуб техники для молодежи. Позднее у нас будет создана собственная производственная база.

Т. К. — Организаций, таким образом, немало, но вот уровень их отдачи довольно низок. Только 8 процентов

школьников республики участвуют в работе технических кружков. И, как это ни грустно, не идут дальше создания простых моделей.

А. С. — Пока еще никто из молодых не пришел к нам со своим изобретением или научно-технической идеей. Работы в РИТМе ведут в основном ученые, специалисты. А молодежь в лучшем случае в этой работе участвует.

К. Д. — В чем же причина такого неудовлетворительного положения?

Т. К. — Причин много. Неважное обеспечение, нехватка сырья. Нас, собственно, устроили бы и отходы промышленных предприятий, но и этого мы не можем получить из-за самых разнообразных препон.

О. И. — Большая проблема с руководителями кружков. Хотя в педагогических институтах и готовят учителей по техническим дисциплинам, но, как правило, они не подготовлены для работы именно в Домах пионеров и школьников. В нашем Дворце нет автокружка, не говоря уже о самодельном автодроме, какой есть в Самарканде. А вот в Карши построили очень красивый Дворец пионеров, а войдешь — ничего нет!

И еще одно обстоятельство оказывает отрицательное влияние на развитие технического творчества молодежи: неважно, на мой взгляд, преподают в школах физику и математику, которые очень нужны для овладения техникой. Ведь именно наука и техника определяют перспективное развитие общества в будущем. Вот этого-то и не понимают многие родители, когда раздумывают, в какой бы из внешкольных кружков отвести ребенка.

Т. К. — Органы народного образования разработали широкую программу развития творчества молодежи и представили ее на утверждение в Совет Министров Узбекистана. В марте 1988 года было вынесено решение по этому вопросу. В нем указывалось, что преподаваемые в школе технические дисциплины должны быть тесно увязаны с практикой на производственных предприятиях. Поставлены задачи по строительству новых зданий для станций юных техников, улучшению их материально-технического снабжения, повышению квалификации руководителей кружков, указаны ответственные за эту работу организации. В общем, по развитию технического творчества молодежи мероприятий намечено достаточно.

К. Д. — Кстати, Александр Леонидович, многие еще не знают, чем занимается РИТМ.

А. С. — РИТМ в своей работе имеет в виду и школьников, и рабочих, и студентов, и молодых ученых. От предприятий к нам поступают заказы на разработку различных научно-технических проблем. Работники центра определяют организацию или отдельных исполнителей, способных выполнить заказ, занимаются посредничеством между двумя сторонами, в результате которого они заключают договор. Исполнители приступают к решению данной технической проблемы без отрыва

от своего непосредственного производства. Оплата за посредническую деятельность РИТМа, конечно, предусматривается. Собранные средства тратятся на оказание безвозмездной помощи молодежным организациям, на проведение различного рода научных экспериментов. Так, например, РИТМ бесплатно установил и наладил ЭВМ на Центральной станции юных техников; взял на себя финансирование и выделил 40 тысяч рублей на разработку научно-технических исследований по проблеме ускорения созревания хлопчатника. Этой работой, которую возглавляет Дж. Хамраев, уже заинтересовались руководители нескольких хозяйств.

Сейчас в портфеле РИТМа имеется научно-технических разработок и проектов на сумму около 3 миллионов 200 тысяч рублей. А в первом полугодии 1988-го было выполнено работ на сумму в полтора миллиона рублей.

Центры, подобные РИТМу, работают и в братских республиках: в Белоруссии — «Новатор», в Латвии — «Спектр», в Литве он называется просто Центр НТТМ.

К. Д. — Вы сказали, что молодежь приходит к вам сама со своими изобретениями. А если к вам обратятся авторы изобретений, чьи письма опубликованы в «Молодой смене», вы можете им осуществить их идеи: найти заказчика, обеспечить деньгами и материалами?

А. С. — Это возможно. Мы даже смогли бы выплачивать деньги. У автора была бы возможность работать над опытным образцом без отрыва от собственной службы, в свободное время.

К. Д. — Если такое сотрудничество наладится, это скажется не только на народном хозяйстве, но и приведет к определенным сдвигам в жизни общества в целом. Можно было бы экспонировать новые образцы на Выставке достижений народного хозяйства, организовать кооперативы по производству таких изделий, — в общем, перспективы большие. Пользуясь случаем, приглашаем всех молодых изобретателей обращаться со своими идеями и проектами в РИТМ...

А. С. — ...по адресу: Ташкент, улица Дзержинского, 19.

К. Д. — А теперь позвольте мне, ненадолго отвлекшись от темы нашего разговора, рассказать два случая, которые кажутся довольно поучительными.

В начале века молодой американец Генри Форд, приделав в своей мастерской мотор к детской коляске, создал первый автомобиль. Ободренным успехом, он расширил свою мастерскую и сделал еще один автомобиль, более усовершенствованный. Продал его и на вырученные деньги смастерил автомобиль еще больше и лучше, потом еще и еще. Так был создан один из крупнейших автомобильных концернов двадцатого века.

Другой американец, Стив Джобс, в юности любил возиться в отцовском гараже, разбираясь в переплетениях разноцветных проводов и всевозмож-

ных железок. Прошло всего лишь пять лет, и Стив стал владельцем предприятия по выпуску ЭВМ с миллионными прибылями. В 1987 году его компьютерная компания продала продукции на два миллиарда долларов!

Зачем я рассказал об этом? Затем, чтобы спросить: что плохого, если и наши дети уже со школьной скамьи научатся добросовестно относиться к труду, ценить заработанную копейку? Разве обязательно им стучаться головой об стенку, когда придется самим отвечать за дело? Сейчас, когда разрешена индивидуальная трудовая деятельность, мы, встречая на выставках-продажах симпатичные вещицы, сделанные руками детей, уже понимаем, что детский труд — не забава, а вполне действенный метод воспитания будущих хозяев страны.

Судя по словам Александра Леонидовича, в РИТМе молодежь сможет получать зарплату и делать приносящую прибыль работу. А разве нельзя делать то же самое во Дворцах пионеров и на станциях юных техников?

Т. К. — На станциях ЮТ выполняются некоторые работы, приносящие доход. Например, идут в продажу сделанные руками ребят авиамодели, миниатюрные копии музыкальных инструментов. Правда, денег ребята за это не получают. Большая часть прибыли идет в фонд зарплаты и на закупку сырья, остальное остается в распоряжении станции.

О. И. — Дети приходят во Дворец пионеров только три раза в неделю, занимаются в общей сложности лишь 6 часов. Хорошо, если за это время они хотя бы чему-нибудь научатся, а о получении ими денег за свой труд говорить вообще рано; это будет только сбивать ребят с толку.

Поощрять детей — это другое дело. Ежегодно мы отбираем из наших ребят самых достойных и посылаем на всесоюзные соревнования, смотры, в туристические поездки. Раз даже побывали с ребятами за границей. Верно и то, что 3—4 раза в год мы устраиваем распродажу сделанных ребятами вещей прямо во Дворце. А полученную прибыль перечисляем в Фонд мира и Всесоюзный детский фонд имени В. И. Ленина. Есть и еще добрая традиция: сделанные руками детей редкие вещицы мы дарим иногда иностранным гостям, часто выставляем их в нашем музее.

К. Д. — Возможно, вы правы, и все-таки я остаюсь в этом вопросе при своем мнении. Почему бы не открыть при Дворцах пионеров и станциях юных техников производственные цеха, почему не поощрять материально работающих в них детей? Конечно, ученик не сразу сможет сделать кондиционную вещь. Сначала он будет учиться в кружке, потом, после того как освоит азы, перейдет в цех. Естественно, слово «план» здесь неуместно, ребята работают, что смогут, и получать будут по труду. При этом само собой подразумевается, что такая работа не будет отрывать детей от учебы.

Только в этом случае, я уверен, наша советская молодежь вырастет предприимчивой и обладающей творческой смекалкой, ничуть не хуже фордов и джобсов.

Конечно, все высказанное — всего лишь частное мнение, но я надеюсь, что оно найдет сторонников среди читателей «Молодой смены». И уж совсем замечательно, если со мной согласятся организации, непосредственно связанные с техническим творчеством молодежи.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы вместе с К. Дустмухамедовым рассчитываем на отклики заинтересованных организаций, а пока напоминаем, что секретариатом ЦК ЛКСМ принято решение о проведении конкурса «Шкатулка изобретений». О его условиях вы читали в первом номере «МС» за 1989 год.

АУТОТРЕНИНГ ДЛЯ МОЛОДЫХ

Рис. Л. МАКСИМОВА.

Аутогенная тренировка — один из самых популярных методов современной практической психологии. О нем слышали все, читали очень многие. И все больше становится тех, кто решаете практически овладеть аутотренингом. Созданная полвека назад для нужд медицины, сегодня аутогенная тренировка шагнула далеко за пределы врачебных кабинетов. Распространение этого метода как действенного психогигиенического и психопрофилактического средства, безусловно, связано с ускорением темпов жизни, возрастанием нагрузок на нервную систему современного человека и ростом его общей осведомленности в вопросах психогигиены.

Сегодня на многих производствах создаются комнаты психологической разгрузки, специалисты по регуляции психологического состояния появляются в спортивных командах, аутогенная тренировка становится общепризнанной и незаменимой, «психогигиеной быденной жизни». Связано это прежде всего с тем, что задачи аутотренинга, такие как снятие нервно-психической напряженности, быстрое восстановление сил, управление своими эмоциональными состояниями и другие, необходимо решать сегодня в самых различных сферах деятельности и в любом возрасте.

С 1986 года я регулярно провожу цикл лекций-занятий по аутогенной тренировке и саморегуляции в Ташкентском городском Доме знаний. Примерно половину моих слушателей составляют молодые (самому юному в аудитории было 12 лет). Почти каждая лекция заканчивается беседой и ответами на вопросы занимающихся. Оказалось, что молодых моих слушателей прежде всего интересует возможность применения самовнушения для снятия волнения и напряжения перед ответственными проверками, серьезным разговором на личные темы, публичным выступлением и т. п. Много вопросов задают и о возможности применения аутогенной тренировки в спорте для быстрого восстановления сил и, опять-таки, снятия предстартового напряжения. Интересует слушателей также возможность самопрограммирования сна с заданной продолжительностью (вспомните способности Штирлица), получения полноценного отдыха за короткое время, когда чело-

век после пятнадцатиминутного аутогенного расслабления чувствует себя отдохнувшим, как после долгого освежающего сна. Многие пытаются использовать аутотренинг для самоизучения, самопознания. Это стремление свойственно именно молодым.

Часто интересуются юные и возможностью улучшить память с помощью аутогенной тренировки. Несколько реже ко мне обращались молодые слушатели, страдающие какими-либо хроническими заболеваниями. Действительно, аутотренинг необходим как составная часть лечения почти всех хронических заболеваний.

Замечу в скобках, что существуют некоторые болезни, которые свойственны именно молодым. Особенно много страданий доставляет юношам и девушкам заикание, и аутотренинг здесь незаменим.

Наблюдается интересное, но вполне закономерное разделение интереса людей разного возраста к аутогенной тренировке. Пожилых слушателей интересует применение аутотренинга для снятия головной боли, избавления от бессонницы и т. п. Молодежь больше привлекает использование самовнушения для коррекции и совершенствования своих личностных, духовных, эмоциональных и волевых качеств. Действительно, аутотренингу под силу и такая сложная задача, как изменение отдельных (но не всех) черт характера и коррекция некоторых привычных поведенческих штампов. Юноша самовнушением культивирует в себе смелость, собранность, оттачивает быструю реакцию. Девушка использует аутогенную тренировку, чтобы выработать плавность походки и женственность осанки, воспитать выдержанность и умение контролировать себя.

Все же основной задачей аутогенной тренировки является оказание действительной помощи человеку в его взаимоотношениях со стрессом. Стресс — это реакция нашего организма на сильные и зачастую неприятные внешние раздражения. Вас оскорбили — и вы краснеете, сердце начинает колотиться. Вы испугались — и вдруг перехватывает дыхание, потеют руки. Все это — стрессовые реакции. Стрессу, как и любви, все возрасты покорны. Напряженность, волнение, тревожность иногда проявляют себя ярко, а иногда подбираются исподволь. Человек, находящийся в состоянии тревоги, волнения, растрчивает попусту запас энергии своей нервной системы. Снять состояние тревоги — очень важная задача.

Вы можете проверить уровень своей тревожности следующим простым способом. Взгляните на часы с секундной стрелкой и постарайтесь запомнить пятисекундный интервал времени. Затем, не глядя на часы, постарайтесь отсчитать 10 пятисекундных интервалов, то есть 50 секунд. Когда вам покажется, что это время прошло, взгляните на часы и сравните ваше внутреннее чувство времени с реальным его ходом. Если этот отрезок времени прошел для вас быстрее, чем на самом деле, — вы находитесь в тревожном состоянии. Снова засеките время и, не глядя на часы, постарайтесь отсчитать для себя 20 секунд. Взгляните на часы. Если на самом деле прошло менее 16 секунд, ваша тревожность действительно повышена.

Эта проверка основана на следующем факте. Для человека, находящегося в состоянии напряжения и тревоги, время летит быстрее. Вспомните литературное описание напряженного ожидания: «...ему показалось, что прошла вечность». Аутогенная тренировка помогает снять тревожность и позволяет нашей нервной системе работать адекватно ситуации, более рационально тратить запасы энергии организма. А ведь любые запасы энергии в нашем организме ограничены...

«Отцом» аутотренинга называют немецкого психотерапевта Иоганна Генриха Шульца. Он предложил этот метод в законченном виде в 1932 году. Некоторые приемы аутогенной тренировки, особенно ее высшей ступени, имеют много общего с упражнениями йогов, однако лишены той мистической

основы, на которую опирается учение о йоге. В нашей стране развитие аутотренинга началось в конце 50-х годов и окончательно оформилось после 1963 года. В популяризации же метода большую роль сыграли книги В. Лобзина, В. Леви, Х. Линдемманна и других.

Аутогенная тренировка представляет собой комплексный метод саморегуляции психики. Это видно уже из заповедей аутотренинга, которых должен придерживаться каждый занимающийся. Прочтите их и подумайте — под силу ли это вам?

Заповеди же эти следующие.

Тренируйтесь регулярно и последовательно. Не переходите к следующему упражнению, не освоив полностью предыдущее.

Золотое правило тренировки — ни одного слова без мысли, ни одной мысли без ощущения, ни одного ощущения без образа, ни одного образа без эмоции.

Навыки аутотренинга реализуйте в повседневной жизни. Аутотренинг — средство, а не самоцель. Всегда помните, для чего вы тренируетесь.

Поставьте себе за правило:

не валяться в постели, вставать сразу; одеваться и «к лицу» и «к спектаклю», т. е. соответственно тому, куда вы идете; приучать себя к ритму и в движениях, и в жизни; не тратить времени на спешку: не бегать ни за вчерашним днем, ни за транспортом; не уклоняться от того, что не дается сразу, любое дело доводить до конца; не подавлять эмоции, но управлять ими; смотреть вперед, а не назад; ни одного дня без тренировки!

Соблюдение этих заповедей требует определенной силы воли. Но ведь аутогенная тренировка и позволяет развить в себе волевые качества! Отлаженный ритм жизни, управление эмоциями, максимальная собранность в напряженной ситуации и максимальное расслабление в минуты отдыха, саморегуляция в спорте — как все это необходимо молодым!

Предела самосовершенствованию нет, и если вы чувствуете потребность в нем, — аутотренинг окажет очень большую помощь на этом пути.

Аутогенная тренировка начинает приносить результаты с первых же дней занятий. Сначала вырабатывается способность быстро и полностью расслабляться и сбрасывать лишнее напряжение. В дальнейшем тело становится все более и более послушным. Все движения делаете точно, экономично и внешне красиво. Тело может собираться в пружину в напряженный момент и полностью расслабляться в минуты отдыха. Постепенно начинают проявляться и новые качества психики. Занимающиеся аутотренингом расскажут вам о том, как быстро они научились подавлять в себе раздражение, нервозность и даже страх. Способности не упасть в уныние и всегда сохранять жизнерадостность тоже вполне можно научиться.

Аутогенной тренировке под силу улучшить и ваши волевые качества. Это требует интенсивных занятий, зато и результаты налицо. Самообладание людей, владеющих аутотренингом, их спокойная уверенность в себе заметны даже внешне. Один из моих слушателей рассказывал, что ему удалось заметно улучшить свою плохую память на имена после того, как он стал целенаправленно внушать себе: «Имена интересны». Запрограммировав себя таким образом, он действительно стал обращать внимание на имена и хорошо запоминать их. А другой смог справиться с заиканием, внушая себе фразу: «Мой мозг говорит автоматически». Больше всего радости доставила мне моя слушательница, которой удалось справиться с сильной аллергией, внушив себе полное равнодушие к пыльце растений...

Аутотренинг таит в себе широкие возможности. Если научиться обращаться с этим могучим средством — оно никогда не подведет.

М. ШТЕРЕНШИС,
врач-невропатолог.

К СОЗВЕЗДИЮ ИТИ

УРОК ПЕРВЫЙ: ЗАБАВА? НЕ ТОЛЬКО

КВН на лестнице МГУ им. М. В. Ломоносова.

Фото Н. ЧАНЫШЕВА.

Сплошные противоречия

Интеллект, творчество, игра. Так можно было бы определить тему нашего с вами, дорогие читатели, разговора. И сразу же столкнуться с массой противоречий.

Во-первых, тема нескудная, но понять ее без знакомства с элементами серьезной, а значит, на взгляд иных, скучной научной теории нельзя.

Во-вторых, перестав быть детьми, мы привыкаем считать игру делом явно несерьезным. Но некоторые солидные люди пытаются с помощью игр решать серьезные проблемы (правда, игры свои называют, на всякий случай, деловыми).

В-третьих, множество исследований такого явления, как интеллект, должно было бы внести полную ясность в понятие интеллектуально-творческих игр. И тем не менее, даже в определении самого понятия «интеллект» нет единства (их существует более 70).

В-четвертых, игра, интеллект, творчество требуют постоянных поисков нового, но существуют во времени лишь благодаря традициям.

В-пятых, несмотря на большое многообразие видов и форм интеллектуально-творческих игр сущность у них всех одна.

В-шестых...

Продолжать перечисление противоречий можно еще долго, но — пора переходить к делу.

Десять лет спустя, или...

Попробуйте догадаться, о какой игре идет речь в этом отрывке:

«...Знаете ли вы, что:

У кузнечика уши на ногах?

У молекулы нафталина такой же состав, как у молекулы кокона моли?

Может быть справедливым равенство $3 \times 3 = 11$?

Не знаете? Ничего страшного.

А интересно узнать, не правда ли? В школе такого не узнаешь, там даются только самые необходимые сведения. Разве что в институте, да и то если на скучной лекции найдете под рукой журнал «Наука и жизнь» или что-нибудь вроде «Техника — молодежи», а профессора про такое редко говорят. Можно, правда, еще услышать любопытные вещи по радио или по телевизору в еженедельнике «Знание».

Но сразу обо всем этом можно узнать только в одном месте .....! И там все подается в занимательной и увлекательной форме».

Почти каждый, кому я задавал этот вопрос, отвечал что это телевикторина «Что? Где? Когда?». Не огорчайтесь, если и вы совершили ту же ошибку. Просто в своей основе эти игры схожи. А взят отрывок из книги «КВН» раскрывает секреты», вышедшей еще в 1967 году.

Не правда ли, это похоже на телевикторину, появившуюся лишь десять лет спустя и столь любящуюся зрителям? Действительно, и здесь, и там главным становятся вопросы, способные подтолкнуть участников игры к интеллектуальному творчеству.

...Шесть человек сидят за круглым столом, в центре которого вертится волчок. «Знатки» должны за одну минуту найти ответы на любой заданный им вопрос. Атмосфера интеллектуальной раскованности, звучат шутки...

Конечно, это телевикторина «Что? Где? Когда?».

А если участники не сидят, а стоят? Их не шестеро, а чуть больше? Думают не минуту, а 30 секунд? И позволяют себе шутить чаще? Это уже познавательный конкурс в «КВН».

Ограничьте возраст участников 16-17 годами, а вопросы — одной темой: «Литература», и вы сразу догадаетесь, что это литературная викторина для школьников «Автограф».

Вот и давайте поговорим о скрытых пружинах этих и других игр — схожих, ибо

определяются не режиссерскими вариантами, не задумками сценаристов, не гениальной находчивостью и феноменальной эрудицией игроков, а законами интеллектуально-творческих игр. Ведь именно эти законы так или иначе влияют на режиссерские варианты, на задумки сценаристов, на гениальную эрудицию игроков. Без одних тщетны другие, они просто не появятся, не разовьются. А если законы ИТИ влияют слабо, то и популярность падает, и смотреть скучно, и даже хорошо организованные грандиозные шоу, дорогая реклама, шикарные призы помочь здесь, увы, не в силах.

Информация к размышлению

«Информация — отраженное разнообразие». (Из книги по информатике.)

Если спросить организатора молодежного досуга в каком-нибудь клубе о том, какие игры и конкурсы можно провести, то скорее всего он назвал бы четыре, считая, что этим исчерпывается палитра игровых форм: «А ну-ка, девушки!», «А ну-ка, парни!», «Что? Где? Когда?», «КВН». Телевизионный стереотип довлеет над нами.

Но ведь даже в нашей стране проводилось разных игр и конкурсов великое множество, и интересны вовсе не только те из них, что запомнились благодаря блестящему таланту их ведущих, участников, организаторов.

За круглым столом встретились три единомышленника, три старых «кавээнщика», три создателя популярного «Клуба веселых и находчивых» — врач-реаниматолог А. Ю. Аксельрод, начальник ОКБ Московского завода электровакуумных приборов М. Я. Яковлев и критик, доцент Московского университета С. А. Муратов. Вот фрагмент их беседы:

Аксельрод: — ...В той или иной форме такая передача не могла не появиться. Турниры и состязания продолжают жить, обретая другие формы: «Что? Где? Когда?», «ЭВМ», «Веселые ребята», «Спор-клуб». Три варианта, которые предлагались в свое время — интеллектуальный, зрелищный и публицистический, — в какой-то степени сами пробили себе дорогу на экран.

Муратов: — Много последователей у «КВН» и на местных студиях... Одна выпускница МГУ на Норильском телевидении сделала импровизированный спектакль для детей... У ведущей был пунктирный сценарий, рассчитанный на импровизацию, со-

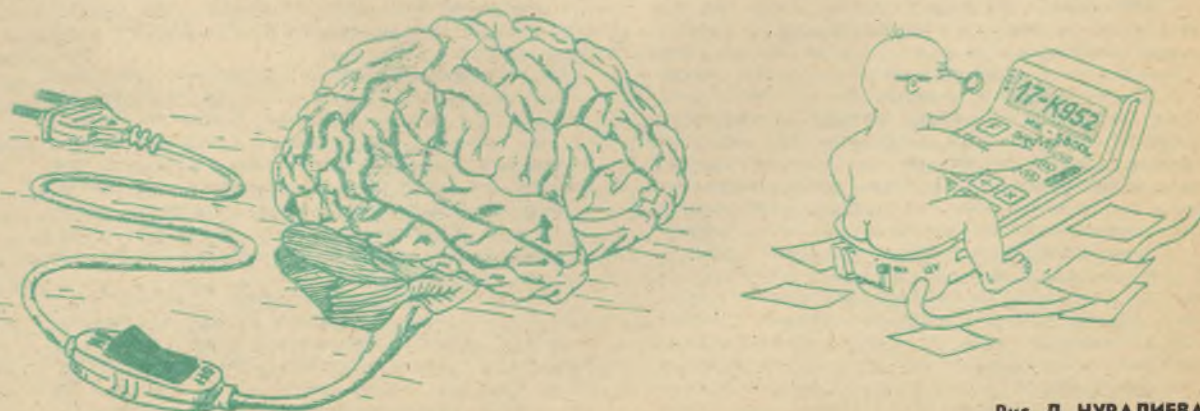

Рис. Л. НУРАЛИЕВА.

В Ташкентском клубе знатоков.

творчество детей. Существовали персонажи, которые подыгрывали ребятам в различных ситуациях. В результате получился целый цикл великолепных импровизированных передач...

Яковлев: — Конкурс эрудитов под названием «Кто есть кто?» проводился на Таллинской студии телевидения. Два соперника в течение часа состязались друг с другом, демонстрируя поистине энциклопедический кругозор. И оказалось, что такой интеллектуальный поединок способен захватить аудиторию не меньше, чем иной детектив.

Это мнение «зубров», не один год варившихся в котле «КВН», прекрасно знающих стихию интеллектуальной игры и преданных ей; с этим мнением знакомит нас сборник «Телевидение вчера, сегодня, завтра».

Каждая игровая традиция имеет свои истоки. Одно цепляется за другое. Нет такой игры, конкурса, которые были бы оригинальны на 100 (а чаще и хотя бы на 50 процентов). Но не в натужной оригинальности смысл любой новой викторины, а в воспроизведении на экране, клубной сцене, в молодежном кафе атмосферы интеллектуального сотрудничества и творчества, психологических основ игры, в демонстрации истинной нравственности, присущей по-настоящему мыслящим людям.

Разве так уж плохо, что чехословацкая передача «ГТГ» («Гадай, гадай, гадалщик») подтолкнула в 1956 году Муратова, Яковлева, Донатова и других энтузиастов молодежного телевидения к созданию нашего «ВВВ» («Вечера веселых вопросов»)? А тот возродился в 1962-м в «КВН», восстановленном через двадцать лет для нового поколения веселых и находчивых.

«Аукцион» конца 60-х, «Автограф» предпоследнего десятилетия XX века, новороссийские «Клуб веселых мореходов» и «Теплоход «Эрудит», одесские «Эрудит-лото» — вот далеко не полный перечень отечественных исканий в ИТИ.

А двадцать лет идущие игры «знатоков» в США, а более 15 лет — в Финляндии? А зародившаяся в начале 70-х в Великобритании телеигра «Ума палата» (19 миллионов британцев, почти половина всех телезрителей «туманного Альбиона», следят за этим конкурсом на эрудицию)? А Эдисон венгерских телевикторин Янош Эгри, столько их создавший за последние два десятка лет, что все и не перечислишь. Огромной популярностью пользовались его телепередачи «Игра с буквами», «Можно еще вопрос?», «Интеллектуальное пятиборье», «Перекрестный допрос».

Но дело не в обилии названий. Пусть разнообразие викторин и конкурсов подтолкнет вас, уважаемые читатели, к смелому поиску игровой формы, приемлемой именно для вас, к конструированию собственной модели, выбранной из этого набора. Главное при этом — идти в направлении «созвездия ИТИ» — трех далеких и близких друг другу звезд «Интеллект», «Творчество», «Игра». А уж какую дорогу вы выберете — зависит от вас самих.

Поразмыслим об основах

Знатоки, эрудиты — такова, быть может, главная характеристика участника интеллектуально-творческой игры. Но заглянув в энциклопедию, обнаружим, что интеллект — это, прежде всего, способность мышления и рационального познания. А творчество обязательно предполагает создание чего-то качественно нового и отличающегося неповторимостью, оригинальностью. Конечно, результатом творчества могут быть и отнюдь не новые для человечества, но новые для данного конкретного человека знания, если они получены в результате решения им той или иной творческой задачи, удачно найденного решения проблемы. Однако далеко не каждая проблема, не любой вопрос дает творческую основу для интеллектуальной игры. Но об этом мы поговорим позже. А пока разберемся с самой игрой.

Почему телевикторина «Что? Где? Когда?», «КВН», шахматный турнир — это игры, а конкурс «А ну-ка, девушки!», олимпиада по математике, конные соревнования играми не являются?

Дело в том, что игра — это вид непродуктивной деятельности человека, цель которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе.

Уверен, вы не сможете найти футбольного болельщика, который согласился бы не видеть матчей, узнавая только их результаты. Даже наоборот — с каким азартом многие любители футбола могут смотреть видеозаписи игры, даже зная уже итоговый счет.

А в интеллектуальной игре — тем более. Задания должны быть содержательными, и главную привлекательность должно составлять выполнение этих заданий, а не внешние формы вознаграждения. К этому склоняются как советские, так и зарубежные психологи. К примеру, немецкий психолог М. Вертгеймер, автор книги «Продуктивное мышление», считал, что «...дети должны получать радость от открытия для себя мира». Информационно-содержательную нагрузку задач он ставил выше интереса к призам, тем более дорогим, считая, что это «лишь отвлекает от содержательной работы».

В процессе познания нового взрослые ничем не отличаются от детей. Увы, мы часто забываем об этом. Игра известна с древних времен как способ проверки знаний и умения применять их на практике. Так когда-то появились военные игры, в которых солдаты и офицеры учились правильно ориенти-

роваться в обстановке, принимать решения и четко выполнять поставленные задачи. Интеллектуально-творческая игра обязательно дает человеку хоть небольшое, но новое знание. Таковы законы мышления, которое не может быть сведено лишь к функционированию старых знаний. Вспомним снова о секретах «КВН», раскрытых в уже упомянутой книге двадцать лет назад. Участники этой игры убеждены, что познавательный конкурс в «КВН» должен быть краток и увлекателен. «...И еще он должен не прикидываться познавательным, а быть таковым на самом деле, то есть сообщать зрителям и участникам какие-то новые сведения, неизвестные раньше. А то бывает так: увлекательности на рубль, а познавательности на грош!»

Кто-то может сказать, что познавательно-логические конкурсы в «КВН» составляют небольшую и не самую главную часть. Но послушаем лучше настоящего «кавээнщика»:

«...логические конкурсы (в молодежной редакции их называют еще интеллектуальными)... я считаю «солью» КВН. Больше того, мне кажется, что если выкинуть из соревнований логические конкурсы, то это уже будет не всамделишный КВН».

То же утверждает известный датский ученый, инженер, философ и изобретатель Пьет Гайн. Отвечая на вопрос венгерского журнала «Игра» (редактирует его, кстати, знаменитый Эрне Рубик — создатель всеми любимого кубика), чем объяснить, что, будучи ученым, поэтом, он занимается какими-то ребусами, головоломками, логическими играми, Пьет Гайн сказал: «Мой интерес к играм-головоломкам имеет свою историю. В тот период, когда я занимался математикой и физикой и имел возможность встречаться с такими замечательными людьми, как Нильс Бор, Альберт Эйнштейн, Норберт Винер, я пришел к мысли, что творческий процесс в науке точно таков, как и в любой из областей искусства. Если нам удастся сформулировать проблему, то нахождение решения — это уже вопрос простого бумаго-марания...»

Говорить не только о противоречиях этой интересной темы, но и о секретах интеллектуально-творческих игр можно много. И мы еще не раз поведем с вами об этом разговор. Но это будет в следующих уроках и в следующих номерах журнала. А сегодня закончим беседу отрывком из интервью венгерского психолога Магды Калмар все тому же журналу «Игра»:

«...Цель не в достижении результата. И мне кажется, что именно этим объясняется нынешняя мода на различные игры, которая покорила весь мир. В нашей ориентированной на успешный результат повседневности в конце даже с энтузиазмом выполненной работы со всей необходимостью должен стоять Результат... Возможно, что мышление, направленное на достижение «любой ценой» результата, загоняет логику на какой-то один и узкий путь, в то время как в лишенной риска игре свободно парящая фантазия может привести к совершенно неожиданным результатам».

Б. ЕРЕМИН,
председатель Московского клуба интеллектуально-творческих игр

У компьютера.

Фото Б. ЕРЕМИНА.

БЕСЕДЫ! ДЖАЗЕ

В этом цикле бесед мы публикуем выдержки из книги С. Гилева о джазе, готовящейся к печати в издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма.

Трудно пробивалось к свету настоящее искусство из-под тяжести парадных портретов и лозунгов «застойного» двадцатилетия. И если классическая музыка, несмотря на полупустые концертные залы, все же звучала в них, а литература — плохо ли, хорошо ли — была представлена в учебных аудиториях, то с джазом все обстояло несколько по-иному. Нет, его не ругали, но и не хвалили: о его существовании официальная пресса и ТВ, за редким исключением, просто умалчивали. А раз молчали — значит, считалось, что его у нас нет, да и вообще это не «наше» искусство.

В музыкальных учебных заведениях начальство и педагоги-консерваторы тоже боролись с ним каждый по своему разумению. Доходило до того, что «легкомысленных» студентов, увлекающихся этим жанром, отчисляли, как произошло в свое время с автором этих строк.

И все-таки вопреки всему в разных городах страны ежегодно проводились фестивали джазовой музыки, открывались джаз-клубы, организовывались коллективы, проводилась большая лекционно-концертная работа.

Так что же такое джаз? Вот несколько определений. Первое принадлежит известному теоретику, директору Института по изучению джаза в Нью-Йорке Маршаллу Стернсу: «Джаз — полумимпровизированная американская музыка, отличающаяся непосредственной экспрессией, характерная применением человеческого голоса и сложным пульсирующим ритмом. Джаз — результат двухсотлетнего перерождения в США европейских и западно-африканских традиций в музыке».

Второе определение дал известный джазовый критик, автор монографий о Д. Эллингтоне, Б. Кросби, а также «Истории джаза в Америке» Барри Уланов: «Джаз — это новая музыка с четко различимым ритмическим и мелодическим характером, непременно включающая (или подразумевающая) импровизацию по меньшей мере в перестановке акцентов и фраз в исполняемой мелодии, а по большей — в создании музыки экспромтом, без подготовки. Мелодия или ее гармония в джазе могут изменяться. Ритмические длительности нот — укорачиваться или удлиняться, и согласно обычным правилам, они могут быть синкопированными и не синкопированными». (Синкопа — смещение акцента на слабую музыкальную долю такта.)

Но, пожалуй, ближе всего к истине третья формулировка — И. Берендта, автора труда «Новая книга о джазе»: «Джаз — это характерный способ музицирования, возникший в США как результат встречи негров с европейской музыкой. Инструмент, мелодия и гармония джаза связаны по большей части с западными традициями европейского континента. Ритмика, способ фразировки и тонообразования, а также определенные элементы блюзовой гармонии происходят от африканской музыки и музыкального чувства американских негров».

Вспоминается и еще одно своеобразное определение: «Если ты возьмешь гром, молнию, адскую машину (имеется в виду паровой двигатель образца 1860 года) и пилу, а потом смешаешь все это и поместишь в женщине, то это и будет джаз». Это, конечно, шутка. А если серьезно — на современном этапе развития джаз представляет из себя синтез афро-европейских музыкальных традиций с музыкальными традициями различных народов мира с присущими им мелодико-гармоническими и ритмическими особенностями, с непременным свингом, импровизациями и характерным звукоизвлечением. Здесь надо помнить, что свинг (в переводе с английского — качание, взмах) — это характерный тип метrorитмической пульсации в джазе. Благодаря этому создается впечатление большой внутренней энергии, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия. Свингом называют также оркестровый стиль, сложившийся на рубеже 20-40-х годов. К отличительным признакам этого стиля относятся характерная свинговая пульсация и специфическое сочетание секционной техники.

Что я назвал бы главным достоинством джаза — музыкального искусства XX века? Пожалуй, его способность постоянно видоизменяться под воздействием стремительно изменяющегося мира, впитывать новые идеи и отражать их средствами музыкального языка.

Что же касается исполнителей, то каждый, кто посвятил себя этому искусству, по-своему воспринимает, понимает и интерпретирует его. Поэтому каждый исполнитель вносит в общую джазовую палитру свою индивидуальную манеру и свое отношение к окружающему миру, и, соответственно, сколько исполнителей, столько и стилистических направлений в джазе.

По поводу возникновения термина «джаз» также существует масса версий. Некоторые музыковеды считают, что слово возникло от французского глагола «жазе» (рассказывать, болтать), другие — что это звукоподражание специфическому звучанию тарелки ударных инструментов и т. д. Но так или иначе, это слово уверенно утвердилось в названии одного из первых джазовых ансамблей — «Ориджинел диксиленд джаз банд».

Итак, словом «джаз» стали определять новый тип музыки, возникший на рубеже двадцатого столетия.

Сами музыканты вряд ли серьезно ломали голову над тем, как называть музыку, которой они

посвятили себя; главным для них являлось, по-видимому, прежде всего мастерство, безупречное владение инструментом, умение ориентироваться в музыкальном материале и просто физическая выносливость, необходимая, чтобы выдержать работу по 12-14 часов в сутки. При этом каждый исполнитель должен был овладеть композиторским даром, искусством импровизации в сочетании с умением заставить слушателей сопереживать ему, окунуться в творческий процесс, в свой мир музыкальных образов и быть просвещенным свидетелем рождения новой музыки, ибо записать джаз на ноты практически невозможно, и каждое исполнение становится уникальным и неповторимым.

Без сомнения, джаз является самым поразительным видом музыкального творчества и дает интереснейшую пищу для размышления тем, кто следит за историей этого искусства.

По традиции весь исторический путь развития джаза делат на десятилетия, каждое из которых представлено новым направлением. Конечно, такое деление довольно условно и не имеет четких временных границ. Тем не менее примем его и мы.

Итак, период до 1900-х годов. Спиритчуэлс — первый музыкальный фольклор американских негров, т. е. церковное хоровое пение, сочетающее традиции христианской псалмодии белых переселенцев с характерными выразительными средствами и приемами афро-американской музыки. Блюз — светская музыка американских негров: тексты блюзов отражали события и проблемы повседневной жизни, а также описывали катастрофы, несчастья и т. п.

1900 — 1910-е годы — нью-орлеанский джаз, диксиленд. Основной период истории джаза, к которому относится и рэгтайм (буквально «рваный ритм»), фортепианная форма раннего джаза. Характерная особенность рэгтайма — чередование баса и аккордов левой руки с одновременным изложением синкопированного мелодического материала — правой.

Нью-орлеанский джаз — первая инструментальная полифоническая форма джаза, получившая в среде белых музыкантов название «диксиленд».

1910—1920-е годы — распространение джаза в США.

Джоани Стингрэй.

ЖЕНЩИНАХ

«... она обвела советскую таможню вокруг пальца, предъявив эти кассеты под видом чистых», — сообщил западногерманский «Шпигель» (кстати, тот самый, что выделил солидную сумму для Армении в трагические дни декабря прошлого года).

«Это мошенничеству в чистом виде, совершенное под видом «развития дружбы», — возмущалась «Комсомольская правда». И даже в либеральном «Огоньке» появилась ворчливая статья «Эти «доброжелательные» рок-меценаты». Словом, запахло скандалом.

И вдруг в редакции «Огонька» прозвенел телефон.

— Я из Лос-Анджелеса, Джоани Стингрэй, которую вы критиковали. Можно приехать?..

Через полчаса она была в редакции. Вместе с ней приехал руководитель «Аквариума» Борис Гребенщиков, или БГ, как его называют в рок-кругах.

— Я хочу принести извинения, — взволнованно начала иностранная гостья. — Эта писанина в «США сегодня» — просто ужас!.. Мои слова извратили до неузнаваемости. Говорила одно, напечатали совсем другое, а когда я обратилась с протестом, мне объяснили: все о'кей, это точка зрения тех, кто готовил интервью для печати... Но сколько мне пишут писем! И во многих при-

знаются откровенно: «Мы даже не подозревали, что в России может быть такой прекрасный рок...»

БГ покачал головой и глубокомысленно изрек: «Рок-музыка, видимо, продолжает оставаться универсальным языком общения молодежи всего мира...»

Ну, если БГ сказал... Во имя нашего прекрасного рока решено было считать советско-американский рок-конфликт исчерпанным, тем более что штраф за использование записей советских исполнителей без разрешения ВААП фирма «Стингрэй продакшн» уплатила.

Признаюсь, я тогда же подумал: а не притягивает ли молодую американку к нашей стране нечто большее, чем пылкая любовь к року? И не ошибся.

Избранником ее сердца оказался друг БГ, гитарист «Кино» Юра Каспарян.

История любви американской рок-леди и ленинградского рокера ярко вписывается в дотоле безрадостную, а ныне оживившуюся новыми красками картину советско-американских отношений. Фирма «Стингрэй продакшн», которую в единственном числе представляет Джоани, распространяет в США записи нашего рока. Именно благодаря ей БГ все-таки поехал в Штаты, где у «Аквариума» открылись столь блестящие перспективы. Вместе с тем, объединившись с ленинградскими

Рок-леди в черном

Джоани Стингрэй. В нашем журнале это имя уже появлялось: в майском номере за прошлый год, когда мы писали о ленинградском рок-клубе. Было там несколько слов о молодой американке, благодаря напористости и энергии которой вышла в США пластинка с броским названием «Красная волна». Четыре ленинградские группы вошли в нее: «Алиса», «Кино», «Странные игры» и, конечно, «Аквариум». В общем, весь цвет. Для всех четырех это был дебют в грамзаписи. И где: в Штатах! Шуму тогда было...

«Американская рок-певица посетила Ленинград и подпольно вывезла оттуда записи советских любительских рок-групп», — это журнал «США сегодня».

1920—1930-е годы — появление «чикагского стиля», который занимает промежуточное, переходное положение между нью-орлеанским джазом и свингом. Способствовал возникновению и развитию биг-бэнда, создал предпосылки для формирования свингового стиля и современного джаза.

1930—1940-е годы — стиль свинг, большие оркестры (биг-бэнды).

1940—1950-е годы — концертная форма. «Биб-боп» пришел на смену свингу, возникнув как новое экспериментальное направление негритянского джаза малых ансамблей.

1950—1960-е годы — «кул-джаз» (холодный, прохладный). Характерные черты — эмоциональная сдержанность, усиление интеллектуального начала, возросшее значение композиции, аранжировки и гармонии, изысканность тембров, тенденция к сближению с европейской академической музыкой.

1960-1970-е годы — «авангардный джаз», «фри-джаз», «новая вещь». Характеризуется отказом от прежних традиций в джазе, освоением новых, нетрадиционных выразительных средств и технических приемов.

1970-1980-е годы — стилевое направление джаз-рок», возникшее на основе синтеза джаза и рок-музыки. «Фьюжн» — современное стилевое направление, возникшее на основе джаз-рока, синтеза элементов европейской академической музыки и неевропейского фольклора.

«Играми», Джоанн Стингрэй (она и композитор, и автор текстов, и исполнительница) дала несколько концертов у нас в стране, и журналисты с восторгом писали о ее умении «держать публику» и прекрасных голубых глазах. В ходе разговора с самой певицей выяснилось, что Джоанн не придерживается ставшего уже банальным мнения о схожести русских и американцев. «Мы разные, — говорит она, — но есть то, о чем одинаково думают по обе стороны света». И это объединяющее начало, как она считает, — рок-музыка. Мама Джоанн, которая была танцовщицей в знаменитом нью-йоркском «Рокеттсе», и отец, заведующий музеем и, кроме того, страстный путешественник, вряд ли лет пять назад могли предполагать, что их зятем станет парень из далекой России. Да и кто тогда думал, что наш мир начнет меняться так стремительно...

Сейчас Джоанн уже немного говорит по-русски, хотя Юра и помогает ей как переводчик. В нашей стране у нее много друзей, и она сожалеет, что они все не могут приехать погостить к ней в Лос-Анджелес. Да и самой Джоанн не так часто, как хотелось бы, удается наезжать в Союз.

На сцене она выглядит весьма агрессивно. Вся в черном, темные очки... Но для тех, кто может увидеть ее без очков, открываются «беззащитные голубые глаза совсем юной девочки». Она нашла свое счастье в России.

«Металлическая» конфета в эстрадной обертке

В прошлогоднем турне несравненного Майкла Джексона по странам мира на европейской части маршрута его сопровождала эффектная блондинка, чье имя известно сейчас каждому любителю

Ким Уайлд.

Параллельно с джазом развивалось еще одно музыкальное направление, названное «коммерческим джазом». Само это явление не случайное. Дельцы музыкального бизнеса, исходя из коммерческой заинтересованности и потока вкусов нетребовательной публики, для которой негритянский джаз был слишком сложным, грубым, поставили своей целью «причесать» его, «пригладить» — словом, сделать все, чтобы он был наиболее приемлем для их восприятия. Это оказалось довольно прибыльным. Но можно ли назвать эту рафинированную музыку джазом? В ней отсутствовали самые важные свойства джаза: импровизация, свежесть восприятия, спонтанность изобретения, свинг. Далее, это музыкальное направление, позаимствовавшее у джаза достижения в ритме, гармонии, фразировке, манеру исполнения, было переименовано в «легкую», «эстрадную» или «поп» (т. е. популярную) музыку, ставшую основой массовой поп-культуры. Репертуар эстрадных оркестров (кстати, термин «эстрадный» принадлежит Л. О. Утесову), как правило, к импровизи-

рока. Ким Уайлд! Впрочем, говорить, что дама сопровождала кавалера, видимо, не совсем тактично, тем более что музыканты Джексона величают ее не иначе как «мейдж», что представляет собой непереводимую сокращенную форму от английского «ваше величество». Прекрасная пара для поп-короля Майкла.

Между тем мало кто знает, что настоящая ее фамилия Смит (столь же распространенная в Англии, как у русских фамилия Петров). Вся семья Смитов имеет к музыке прямое отношение: папа сочиняет, брат делает аранжировки, а мама ведет дела этой маленькой семейной фирмы.

Тем не менее в семье не очень хотели, чтобы дочь занялась рок-музыкой. Папа мечтал сделать из нее кинозвезду, считая, что для женщины такая жизненная роль подходит больше. Но... гены властно заявили о себе, и в 1981 году Ким Уайлд (уже Уайлд) стартовала на рок-орбиту со своим первым диском «Дети в Америке». Успех пришел сразу. Пластинка на несколько недель закрепились на втором месте в списках популярности Великобритании. Окрыленная удачей, семья Уайлд-Смит (так, наверное, будет точнее) запустила музыкальный конвейер. Один за другим с потока сходили диски: «Изменчивая любовь», «Вода на стекле» (широко известный в нашей стране), «Камбоджа», «Вид с моста», «Ребенок уходит», «Полюбить блондинку»... И с каждым из них популярность Ким... падала все ниже. За исключением, правда, последнего диска. «Блондинка» все-таки ненадолго попала в «двадцатку лучших». Картина вырисовывалась достаточно привычная: очередная звезда по принципу «скоротечного затухания» сходилась с рок-небосклона.

Ким Уайлд нужны были новые идеи. Их принесла «металлическая» волна. Экспансия «хэви-метал» дала заряд энергии многим музыкантам, хотя английская «Мелоди Мейкер» и заявила безапелляционно, что это всего лишь «обыкновенный рок-н-ролл, из которого выжато все самое ценное».

Переломным для Ким Уайлд стал 1985 год. Вместе с Дэвидом Эдмансом она пошла на второй круг. В ее новом стиле жесткость «металла» соединилась с легкомысленной сентиментальностью эстрады и ее звонкой мишурой. Вещи, казалось бы, несовместимые. Другими словами, Ким Уайлд удалось скормить публике «металлическую» конфетку в эстрадной обертке. Угощение пришлось по вкусу, а сама певица заявила, что ее любимая группа — «Металлика».

Концерты Ким Уайлд проходят сейчас с грандиозным успехом. На них собирается до 70 тысяч человек, как, например, было во время гастрольного турне по ФРГ.

Журнал «Ровесник» заявил, что Ким Уайлд — певица просто отменная, и последняя пластинка «Клоуз» («Закрытие») «не дает повода для сомнений в ее таланте». И наконец, прошлым летом наше ТВ показало без обычных сокращений выступление певицы в Сопоте...

Звезда Ким Уайлд светит уже восемь лет. Как пойдут дела дальше, покажет время. Сейчас ясно одно: вписать в историю рока свое имя ей удалось. Bravo, Ким!

В двух словах

Мадонна, по-видимому, сдержит обещание покинуть рок-сцену и посвятить себя работе в театре и кино. В фильме «Эвита» она сыграла роль жены аргентинского президента, которая после смерти мужа некоторое время управляла страной. Одновременно Мадонна получила роль в бродвейском спектакле «Мгновения удачи» и приступила к съемкам в фильме о Мэрилин Монро, где сыграет главную роль.

ровному джазу прямого отношения не имел и представлял собой аккомпанемент для различных вокалистов, исполнявших песни-однодневки или танцевально-развлекательные мелодии, за небольшим исключением, не имеющие эстетической ценности.

Таковы основные этапы истории развития джаза. В следующей беседе мы поговорим о «темных эпохах» и негативных явлениях этой истории.

С. ГИЛЕВ,
президент Республиканского джазового объединения.

Уитни Хьюстон.

У Уитни Хьюстон дела идут отлично

Весной прошлого года американка Уитни Хьюстон собрала замечательный урожай. По материалам опросов 1987 года она была признана журналом «Роллинг Стоунз» лучшей певицей. С этим согласилась и американская академия грамзаписи «Грамми», вручив ей Главный приз года. В Великобритании Уитни уступила всего одну ступеньку феномену 80-х Майклу Джексону. Одновременно «Мьюзик Экспресс-Саунд» сделал ей прекрасный комплимент, объявив Уитни в числе трех самых привлекательных исполнительниц года.

Не много ли? Все сразу! Оказалось, нет. Судя по спискам популярности зарубежных музыкальных изданий, дела у Уитни и в прошлом году шли отлично. Так что, надо полагать, результаты будут хорошие. Мы сообщим о них.

А. ПОПОВ.

Мадонна.

ХРУСТАЛЬНОЕ ЯЙЦО

Тод тому назад близ Севендайлса еще стояла маленькая, вся снаружи закопченная лавка, на вывеске которой поблекшими желтыми буквами было написано: «К. Кэйв. Набивка чуел и антиквариат». Набор вещей, выставленных в ее витрине, поражал своей пестротой. Там были слоновьи клыки, разрозненные шахматные фигуры, четки, пистолеты, ящик, наполненный стеклышками глазами, два черепа тигра и один человеческий, изъеденные молью обезьяны чуела (одно со светильником в лапе), старинная шкатулка, несколько засиженных мухами страусовых яиц, рыболовные принадлежности и на удивление грязный пустой аквариум. В то время, к которому относится наш рассказ, среди всех этих предметов лежал и кусок хрустального, выточенного в форме яйца и прекрасно отшлифованного. На него-то и смотрели двое стоявших перед витриной лавки: высокий худощавый пастор и смуглый чернорободый молодой человек восточного типа, одетый весьма неприятно. Молодой человек что-то говорил, энергично жестикулируя, видимо, убеждал своего спутника купить хрустальное яйцо.

Они все еще стояли у витрины, когда мистер Кэйв вышел в лавку из задней комнаты, дожидаясь на ходу кусок хлеба с маслом, отчего борода у него так и ходила ходуном. Увидев этих людей и догадавшись, что их заинтересовало, мистер Кэйв как-то сразу сник. Он виновато оглянулся через плечо и тихо притворил за собой дверь в заднюю комнату. Мистер Кэйв был старичок небольшого роста со странными водянисто-голубыми глазами на бледном лице. В волосах его мелькала желтоватая седина; на нем был поношенный синий сюртук, допотопный цилиндр и расшлепанные кровяные туфли. Он выжидающе смотрел на разговаривающих. Но вот пастор сунул руку в глубину кармана, посмотрел на вынутые оттуда монеты и блеснул зубами в приятной улыбке. Когда они вошли в лавку, физиономия у мистера Кэйва вытянулась еще больше.

Пастор спросил без всяких обиняков, сколько стоит хрустальное яйцо. Мистер Кэйв бросил тревожный взгляд на дверь в заднюю комнату и ответил: пять фунтов. Обращаясь одновременно к своему спутнику и мистру Кэйву, пастор запротестовал против такой высокой цены (она действительно была гораздо выше того, что хотел просить Кэйв, когда эта вещь попала к нему в руки) и начал было торговаться. Мистер Кэйв подошел к входной двери и распахнул ее.

— Цена пять фунтов, — повторил он, видимо, не желая утруждать себя бесцельным спором.

И тут в щелку над занавеской, которой была задернута застекленная дверь в комнату при лавке, показалась верхняя половина женского лица, глаза с любопытством уставились на покупателей.

— Цена пять фунтов, — дрогнувшим голосом проговорил мистер Кэйв.

Смуглый молодой человек пока что молчал, внимательно присматриваясь к Кэйву. Но теперь и он подал голос:

— Хорошо, платите пять фунтов.

Пастор посмотрел на своего спутника — не шутил ли он — и, переведя взгляд на мистера Кэйва, увидел, что тот побелел, как полотно.

— Это слишком дорого, — сказал пастор и, снова порывшись в кармане, стал пересчитывать наличность.

У него оказалось немногим больше тридцати шиллингов, и он стал урезонивать своего спутника, с которым был, видимо, на самой короткой ноге. Это дало мистру Кэйву возможность соблазнить с мыслями, и он начал взволнованно объяснять, что, собственно говоря, хрустальное яйцо не продается. Оба покупателя, естественно, удивились: следовало бы подумать об этом раньше! Зачем же тогда было назначать цену? Мистер Кэйв сконфузился, но продолжал твердить, что продать яйцо он не может, так как договорился с другим покупателем. Истолковав эти слова как попытку еще больше набить цену, пастор и его друг сделали вид, будто хотят уйти, но в эту минуту задняя дверь отворилась, и в лавку вошла хозяйка — обладательница черной челки и маленьких глазок.

Эта женщина, полная, с грубыми чертами лица, была моложе мистера Кэйва и гораздо крупнее его. Поступь у нее была тяжелая, лицо — красное от волнения.

— Хрустальное яйцо продается, — сказала она. — И пять фунтов цена вполне достаточная. Я не понимаю, Кэйв, почему ты отказываешься джентльменам?

Мистер Кэйв, крайне расстроенный этим внезапным вторжением, сердито посмотрел на жену поверх очков и стал — впрочем, не слишком уверенно — защищать свое право вести дела по собственному усмотрению. Между ними началась перепалка. Оба покупателя с интересом наблюдали эту сцену, то и дело подсказывая миссис Кэйв новые доводы. Припертый к стене, Кэйв все же не хотел сдаваться и нес что-то несурзное, путаное об утреннем покупателе хрустального яйца. Волнение дорого ему стоило, но он с необыкновенным упорством продолжал твердить свое.

Конец этому странному спору положил смуглый молодой человек. Он сказал, что они зайдут через два дня и, следовательно, у того покупателя, на которого ссылается мистер Кэйв, будет время воспользоваться такой отсрочкой.

— Но уж тогда твердо, — сказал пастор. — Пять фунтов.

Миссис Кэйв сочла своим долгом принести извинения за мужа, пояснив, что он у нее иной раз «чудит», и по уходе покупателей супружеская чета приступила к открытому обсуждению этого случая во всех его подробностях.

Миссис Кэйв изъяснялась напрямик. Дрожа от волнения, ее несчастный муж то твердил о каком-то другом покупателе, то сбивался с этой версии и говорил, что хрустальное яйцо стоит не меньше десяти гиней.

— Тогда почему же ты спросил с них пять фунтов? — возразила ему жена.

— Прошу тебя, предоставь мне вести дела по собственному усмотрению, — отвечал Кэйв.

В доме мистера Кэйва жили его падчерица и пасынок, и вечером, за ужином, случай в лавке снова подвергся обсуждению. Домашние мистера Кэйва и без того невысоко ценили деловые способности главы семейства, но последний его поступок показался им верхом безумия.

— По-моему, он и раньше придерживал это яйцо, — заявил пасынок, нескладный верзил лет восемнадцати.

— Но пять фунтов! — воскликнула падчерица, юная дева двадцати шести лет, большая любительница поспорить.

Ответы мистера Кэйва были жалки по своей беспомощности: он только невнятно бормотал, что ему лучше знать, как вести дела. Посреди ужина несчастного погнало в лавку — запереть на ночь дверь. Уши у него горели, слезы досады затуманивали стекла очков. «Почему я не убрал яйцо с витрины? Какое легкомыслие!» — вот что не давало ему покоя. Он не видел способа отвертеться от продажи хрустального яйца.

После ужина падчерица и пасынок мистера Кэйва принарядились и отправились гулять, а жена поднялась наверх и, попивая горячую воду с сахаром, лимоном и еще кое с чем, стала обдумывать, как быть с хрустальным яйцом. Мистер Кэйв ушел в лавку и оставался там довольно долго под тем предлогом, что ему надо делать маленькие гроты в аквариумах для золотых рыбок. На самом деле он был занят совсем другим, но об этом речь впереди.

На следующий день миссис Кэйв обнаружила, что хрустальное яйцо убрano с витрины и припрятано за стопкой подержанных книг по рыболовству. Миссис Кэйв переложила его обратно, на видное место. Говорить об этом с мужем она не пожелала, так как у нее разыгралась мигрень. Что касается самого Кэйва, то у него такое желание вообще никогда не появлялось. Время тянулось томительно. Мистер Кэйв был рассеян больше обычного (если только это возможно) и сверх того крайне раздражителен. После обеда, когда жена, по своему обыкновению, легла отдохнуть, он опять убрал яйцо с витрины.

На следующий день мистер Кэйв повез в одну из клиник морских собачек, которые требовались там для анатомических занятий. В его отсутствие мысли миссис Кэйв снова вернулись к хрустальному яйцу и к тому, как потратить неожиданно-негаданые пять фунтов. Она уже успела самым приятным образом распределить эту сумму — между прочим, имевшая в виду покупку зеленого шелкового платья и поездка в Ричмонд, — как вдруг звон ко-

локольчика у входной двери вызвал ее в лавку. Посетитель оказался лаборантом из клиники, который пришел пожаловаться на то, что лягушки, заказанные накануне, до сих пор не доставлены. Миссис Кэйв не одобряла этой отрасли торговых операций мистера Кэйва, вследствие чего джентльмену, явившемуся в несколько запальчивом настроении, пришлось удалиться ни с чем после краткой и вежливой — в той мере, в какой это зависело от него, — беседы с хозяйкой. Взоры миссис Кэйв, естественно, обратились к витрине: вид хрустального яйца должен был придать реальность пяти фунтам и мечтам, связанным с ними. Каково же было ее удивление, когда яйца в витрине не оказалось!

Она кинулась к тому месту за прилавком, где нашла яйцо накануне. Но его и там не было. Тогда миссис Кэйв немедленно приступила к обыску лавки.

Доставив морских собачек по адресу, мистер Кэйв вернулся домой около двух часов и застал в лавке полный разгром. Жена его, злая-презлая, стояла на коленях за прилавком и рылась в материале для набивки чуел. Когда колокольчик возвестил о приходе мистера Кэйва, она высунула из-за прилавка свою свирепую красную физиономию и с места в карьер обвинила мужа, что он «спрятал его».

— Кого его? — спросил мистер Кэйв.

— Хрустальное яйцо.

Выражая всем своим видом крайнее удивление, мистер Кэйв бросился к витрине.

— Разве его здесь нет? — воскликнул он. — Боже мой! Куда же оно делось?

В эту минуту из задней комнаты в лавку вошел с громкой бранью пасынок Кэйва, вернувшийся домой за минуту до него. Он работал на той же улице подмастерьем у краснодеревщика, торговавшего подержанной мебелью, но обедал дома и теперь изволил гневаться, что обед еще не готов. Однако, услышав о пропаже, мальчишка забыл о еде и перенес свой гнев с матери на отчима. Мать и сын, разумеется, сразу же решили, что мистер Кэйв спрятал хрустальное яйцо. Но он всячески отрицал это, не скупясь на клятвенные заверения, ни для кого не убедительные, и под конец сам стал обвинять сперва жену, а за ней и пасынка в том, что хрустальное яйцо спрятали они, решив тайком продать его. Ожесточенный, полный накала страстей спор привел к тому, что у миссис Кэйв начался нервный припадок — нечто среднее между истерикой и приступом бешенства, а пасынок на целых полчаса опоздал в мебельную мастерскую. Мистер Кэйв укрылся от разбушевавшейся жены в лавке.

Вечером спор возобновился, но уже с меньшей горячностью, и спорщики вели его под началом падчерицы обстоятельно, как судебное разбирательство. Ужин прошел невесело и закончился тяжелой сценой. Мистер Кэйв вскипел и выбежал из лавки, громко хлопнув дверью. Воспользовавшись его отсутствием, остальные члены семьи высказались о нем с полной свободой, а затем обшарили весь дом от чердака до подвала в надежде найти хрустальное яйцо.

На следующий день оба покупателя снова появились в лавке. Миссис Кэйв встретила их чуть не со слезами. Как выяснилось из ее слов, никто, ни один человек не может себе представить, сколько ей пришлось вытерпеть от Кэйва на стезе их супружеской жизни. Кроме того, она поведала им — в несколько искаженном виде — историю исчезновения хрустального яйца. Пастор и смуглый человек переглянулись между собой, внутренне посмеиваясь, но согласились с миссис Кэйв, что все это действительно очень странно. Они не стали задерживаться в лавке, так как миссис Кэйв явно вознамерилась изложить им всю свою биографию. Цепляясь за последнюю надежду, она все же успела спросить адрес пастора и пообещала известить его, если ей удастся добиться чего-нибудь от мужа. Адрес был дан, но потом, очевидно, утерян. Миссис Кэйв так и не могла сказать, куда он запропался.

К вечеру того дня страсти в семье мистера Кэйва несколько улеглись, и сам он, вернувшись из своей отлучки, поужинал в полном одиночестве, представлявшем приятный контраст с недавними бурями. Атмосфера в доме по-прежнему оставалась

напряженной, но ни хрустальное яйцо, ни покупатели так больше и не появились.

Теперь, чтобы не вводить кого-либо в заблуждение, мы должны признаться, что мистер Кэйв просто-напросто лгал. Ему было хорошо известно, где находится хрустальное яйцо. Его хранил у себя мистер Джекоби Уэйс, помощник демонстратора больницы св. Екатерины на Уэстборн-стрит. Прикрытое куском черного бархата, оно лежало у него дома на буфете возле графина с американским виски. От мистера Уэйса и были получены сведения, на основе которых написан этот рассказ. Кэйв принес хрустальное яйцо в сумке с морскими собачками и пристал к молодому человеку, чтобы тот спрятал его у себя. Мистер Уэйс согласился не сразу. У него были довольно своеобразные отношения с Кэйвом. Коллекционируя разного рода чудак, он частенько приглашал к себе старика выкурить трубочку, выпить стакан вина и слушал его не лишние занятия высказывания о жизни вообще и о миссис Кэйв в частности. Мистеру Уэйсу случалось иметь дело с этой дамой, когда мистера Кэйва не бывало в лавке. Он знал, что Кэйва притесняют дома, и, обдумав все как следует, решил приютить у себя хрустальное яйцо. Мистер Кэйв обещал объяснить свою странную приверженность к этой вещи, а пока что признался, что в хрустале ему открываются видения. В тот же вечер он опять зашел к молодому человеку.

Мистер Уэйс выслушал весьма путанный рассказ. Из него следовало, что Кэйв купил хрустальное яйцо заодно с другой мелочью на аукционе у одного разорившегося антикара и, не зная стоимости этой вещи, назначил наугад десять шиллингов. Яйцо провалялось в витрине лавки несколько месяцев, и он уже подумывал, не снизить ли цену, как вдруг ему открылось нечто странное.

Надо иметь в виду, что здоровье у мистера Кэйва плохое, а во время описываемых событий оно совсем расстроилось, чему немало способствовало также пренебрежительное и прямо-таки дурное отношение к нему жены и ее детей. Миссис Кэйв, женщина взыскательная, бессердечная, питала все возрастающую склонность к спиртным напиткам. Падчерица была заносчива и сварлива, пасынок не выносил приемного отца и пользовался каждым случаем, чтобы показать это. Хлопоты по лавке тяготили мистера Кэйва, и мистер Уэйс склонен думать, что старику тоже случалось иной раз грешить по части спиртного. В молодые годы Кэйв не знал лишней, получил хорошее образование, а теперь он по целым неделям страдал приступами меланхолии и бессонницей. Когда ему становилось невозможно от тяжелых мыслей, он тихонько, стараясь никого не разбудить, вставал ночью со своего супружеского ложа и бродил по дому. И однажды, часа в три ночи — было это в конце августа — случай привел его в лавку.

Эта грязная маленькая конура была погружена во тьму, и только в одном ее уголке теплился какой-то странный свет. Подойдя поближе, мистер Кэйв увидел, что свет исходит от хрустального яйца, которое лежало на краю прилавка, у самой витрины. Тонкий лучик, пробившийся с улицы сквозь щель в ставне, падал прямо на яйцо и словно наполнял его сиянием.

Мистер Кэйв сразу же понял, что это противоречит законам оптики, известным ему еще со школьной скамьи. Если бы луч преломился в хрустале и собрался в фокусе внутри него, это было бы понятно, но такое рассеивание света шло вразрез с основными законами физики. Мистер Кэйв подошел к яйцу поближе, взгляделся в самую его глубь, осмотрел его со всех сторон, вдруг загоревшись той любознательностью, которая помогла ему с молодых лет определить свое призвание. Он поразился, увидев, что свет растекается по всему яйцу, точно это был полый шар, наполненный светящимися парами. Разглядывая яйцо то с правой, то с левой стороны, он случайно заслонил его от луча света, но хрусталь и тогда нимало не потускнел. Потрясенный этим открытием, мистер Кэйв взял яйцо и перенес его подальше от окна, в самый темный угол лавки. Оно продолжало излучать сияние еще минут пять, потом стало медленно тускнеть и наконец погасло. Мистер Кэйв подставил его под луч света, и почти тотчас же сияние снова разлилось по нему.

Эту часть удивительного рассказа старого антикара мистер Уэйс мог подтвердить. Он сам не раз держал яйцо под лучом шириной чуть меньше миллиметра. И действительно, в полной темноте, накрытый куском черного бархата, хрусталь хоть и слабо, но все же фосфоресцировал. Однако в этой фосфоресценции было что-то странное, и видели ее не все. Так, например, мистер Харбинджер, — имя, известное всем, кто интересуется работой Пастеровского института, — вообще не заметил никакого свечения. У мистера Уэйса эта способность была несравненно ниже, чем у мистера Кэйва. И даже у самого мистера Кэйва она сильно колебалась, обостряясь в часы наибольшей усталости и плохого самочувствия.

Свечение в хрустальном яйце с первого дня словно зачаровало мистера Кэйва. И то, что он долгое время ни с кем не делился своим открытием, говорит о его глубоком одиночестве больше, чем мог бы сказать целый том трогательных описаний. Бедняга жил в атмосфере такого недоброежелательства, что вздумай он признаться, что вот такая-то вещь доставляет ему удовольствие, как его мигмом лишили бы ее. Он заметил, что с приближением утра, при рассеянном освещении, хрусталь перестает светиться изнутри. Какое-то время вообще удавалось наблюдать это свечение только по ночам в самых темных углах лавки.

Тогда мистер Кэйв решил воспользоваться куском старого бархата, служившего фоном для коллекции минералов. Сложив бархат вдвое и накрыв им голову и руки, он улавливал игру света в хрустальном яйце даже днем. Но тут ему приходилось быть начеку, чтобы не попасться жене, и он предавался этому занятию, залезая из предосторожности под прилавок, только в послеобеденное время, когда она отдыхала наверху. И вот однажды, поворачивая яйцо в руках, мистер Кэйв увидел нечто новое. В глубине хрустала словно вспыхнула молния, и ему показалось, будто перед ним открылись на миг бескрайние просторы какой-то неведомой страны. Он повернул яйцо еще раз и снова поймал в тускнеющем хрустале то же видение.

Было бы слишком долго и скучно излагать все подробности этого открытия мистера Кэйва. Достаточно сказать о результатах его опытов: держа хрусталь под углом примерно в сто двадцать семь градусов к лучу света, в нем можно было ясно и подолгу видеть широкую и чем-то совершенно необычную равнину. В пейзаже этом не было ничего фантастического, он казался вполне реальным, и чем сильнее был свет, тем живее и ярче обозначалась в нем каждая его деталь. Всю эту картину пронизывало движение, подчиняющееся размеренному ритму, и она непрестанно менялась в зависимости от направления луча света и той или иной точки зрения. Так бывает, когда рассматриваешь что-нибудь через выпуклое стекло: стоит его повернуть, и все предстает в ином виде.

Мистер Уэйс уверял меня, что мистер Кэйв описывал ему все это очень обстоятельно, без малейших признаков возбуждения, которое обычно наблюдается у галлюцинирующих. Однако все попытки самого мистера Уэйса увидеть сколько-нибудь четкую картину в бледной, опаловой глубине хрустала оканчивались полной неудачей. Видимо, разница в силе восприятия их обоих была слишком велика, и то, что представлялось одному четким, ясным, было для другого всего лишь туманным пятном.

По словам мистера Кэйва, видение, открывавшееся ему в хрустальном яйце, оставалось неизменным. Это была широкая равнина, и он смотрел на нее откуда-то сверху, точно с башни или мачты. На востоке и на западе, далеко-далеко, равнину замыкали высокие красноватые скалы, похожие на те, что он видел на какой-то картине; на какой именно, мистер Уэйс так и не добился от него. Скалы тянулись с севера на юг (направление можно было определить по звездам ночью), и теряясь в бесконечности, видимо, смыкались где-то в туманных далах. В первый раз мистер Кэйв был ближе к восточной цепи скал; тогда над ними всходило солнце и в воздухе парило множество каких-то существ, похожих на птиц. Против солнца они казались черными, а попадая в тень, ложившуюся от скал, светлели. Внизу, под собой, мистер Кэйв видел длинный ряд зданий, и чем ближе они были к темному краю картины, где преломлялся луч света, тем все более расплывчатыми становились их очертания. Сверкающий на солнце широкий канал окаймляли деревья с необычными по форме и цвету стволами — то темно-зелеными, как мох, то серебристо-серыми. Что-то большое и яркое пролетело в вышине над красноватыми скалами и равниной. В первый раз это зрелище открылось мистеру Кэйву на две-три секунды, не больше. Руки у него дрожали, голова тряслась, и неведомая равнина то возникала перед ним, то снова исчезала в тумане, стоило ему только потерять нужный угол зрения.

Второй раз удача пришла только через неделю. Промежуток не дал ничего, кроме нескольких мучительно неясных проблесков и некоторого опыта в обращении с яйцом. Теперь равнина открылась мистеру Кэйву в перспективе. Вид изменился, но у него была странная уверенность, неоднократно подкреплявшаяся в дальнейшем, что он каждый раз смотрит на этот странный мир с одного и того же места, но только в разных направлениях. Большое, длинное здание, крышу которого мистер Кэйв видел впервые внизу, под собой, теперь вытянулось в перспективе. По крыше он его и узнал. Вдоль фасада этого здания шла терраса поистине огромных размеров, а посредине ее, на равном расстоянии одна от другой, высились массивные, но стройные мачты, к верхушкам которых были прикреплены какие-то маленькие блестящие предметы, от-

ражавшие лучи заходящего солнца. О назначении этих предметов мистер Кэйв догадался гораздо позже, когда рассказывал о своих опытах мистеру Уэйсу. Терраса нависала над зарослями роскошных цветущих кустарников, а дальше начинался широкий луг, в траве которого возлежали какие-то странные существа, похожие на огромных, раздавленных в ширину жуков. За лугом бежала дорога, выложенная узором из розового камня, а еще дальше, вдоль цепи скал, сверкала зеркально-гладкая река, заросшая по берегам красной травой. Большие птицы тучами величественно парили в воздухе. По ту сторону реки, в чаще деревьев, покрытых мхами и лишайниками, высились дворцы, игравшие на солнце полноразноцветного гранита и металлической резьбой. И вдруг перед мистером Кэйвом что-то замелькало; это были словно взмахи крыльев или украшенного драгоценностями веера, и он увидел чье-то лицо, вернее, верхнюю часть лица, с огромными глазами, — увидел его так близко от себя, точно их разделял только прозрачный хрусталь. Испуганный и пораженный живостью этих глаз, мистер Кэйв поднял голову, заглянул за яйцо и, очнувшись от своих видений, увидел себя все в той же холодной, темной лавочке, пропитавшейся запахом метила, плесени и гнили. И пока он изумленно озирался по сторонам, сияние в хрустале стало меркнуть и вскоре совсем погасло.

Таковы были первые опыты мистера Кэйва. Рассказывал он о них обстоятельно, со всеми подробностями. Мелькнув перед ним в первый раз, пейзаж в хрустальном яйце поразил его воображение, а по мере того как он обдумывал увиденное, любопытство его перешло в страсть. Дела в лавке он вел теперь спустя рукава, помышляя только о том, как бы поскорее вернуться к своему новому занятию. И вот через несколько недель после странного открытия мистера Кэйва — приход в лавку двух покупателей, тревоги, вызванные их намерением купить хрустальное яйцо, и исчезновение его с витрины — словом, все то, о чем я уже рассказывал.

До тех пор, пока мистер Кэйв держал свое открытие в тайне, он любовался этими чудесами украдкой, словно ребенок, одним глазком заглядывающий в чужой сад. Но мистер Уэйс обладал на редкость ясным и точным для начинающего ученого умом. Как только хрустальное яйцо появилось у него в доме и ему удалось убедиться собственными глазами, что старик антикар говорит правду и что хрусталь действительно светится изнутри, он приступил к систематическому исследованию этого странного явления. Мистер Кэйв, не уставший любоваться зрелищем чудесной страны, просиживал у молодого ученого все вечера, с половины девятого до половины одиннадцатого, а иногда забегал и среди дня в отсутствие хозяина. Приходил он и по воскресеньям, в послеобеденное время. Мистер Уэйс с самого начала вел подробную запись их общих наблюдений, и методичность его помогла установить, какое направление светового луча дает наилучшую возможность обозреть картины, открывающиеся в хрустальном яйце.

Поместив яйцо в ящик с небольшим отверстием для луча и заменив светло-коричневые шторы на окнах своей комнаты плотными черными занавесками, мистер Уэйс значительно улучшил условия наблюдений, так что вскоре они могли обозреть равнину из конца в конец.

Теперь, после этих предварительных сведений, мы дадим краткое описание призрачного мира внутри хрустального яйца. Исследователи всегда придерживались одного и того же метода работы: мистер Кэйв всматривался в хрусталь и рассказывал, что он там видит, а мистер Уэйс, научившийся писать в темноте еще в студенческие годы, конспектировал его рассказы. Когда хрусталь тускнел, яйцо снова помещали в ящик и включали электричество. Мистер Уэйс задавал вопросы и делал те или иные поправки по ходу наблюдений, стараясь избежать малейших неясностей. Словом, ни того, ни другого нельзя было заподозрить в визионерстве, их занятие носило чисто деловой характер.

Мистера Кэйва больше всего интересовали похожие на птиц существа, которые всякий раз появлялись в хрустале. Сначала он считал этих птиц чем-то вроде дневных летучих мышей, потом, как ни странно, решил, что это ангелы. Головы у них были круглые, поразительно схожие с человеческими. Одно из этих существ когда-то и напугало мистера Кэйва, встретившись с ним взглядом в хрустале. Их серебристые, лишённые оперения крылья искрились на свету, как чешуя у рыбы, только что вынутой из воды. Впрочем, мистер Уэйс вскоре установил, что крылья эти не были похожи на крылья летучих мышей или птиц, а держались на изогнутых ребрах, расходящихся ве-

ром от туловища. (Крыло бабочки с чуть изогнутыми прожилками — вот наиболее близкое сходство.) Само туловище у них было небольшое; ниже рта выступали два пучка хватательных органов, похожих на длинные щупальца. Как это ни казалось невероятным мистру Уэйсу, но в конце концов он пришел к мысли, что именно им, крылатым существам, принадлежат величественные дворцы, напоминающие человеческое жилье, и роскошные цветущие сады — короче говоря, все то, чем ласкала глаз широкая равнина. Мистер Кэйв, со своей стороны, подметил еще одну особенность этих зданий: обитатели их влетали и вылетали оттуда не через двери, а в окна — большие, круглые, легко открывающиеся. Сядут на свои щупальца, прижмут сложенные крылья к тонкому, как тростинка, туловищу и легко прыгнут внутрь. В этом роде было и множество других, более мелких существ, подобных большим стрекозам, бабочкам и летающим жукам, а на зеленой луговине лениво копошились и бескрылые жуки, слепящие глаз своей яркой окраской. Большеголовые мухи огромных размеров, но тоже лишенные крыльев, деловито скакали по дороге и террасам, отталкиваясь от земли при помощи своих щупалец, похожих на человеческие руки.

Я уже упоминал о каких-то блестящих предметах на мачтах, которые стояли на террасе дворца у самого края этой картины. Однажды, когда видимость была исключительно хороша, мистер Кэйв рассмотрел одну из этих мачт и увидел, что этот блестящий предмет ничем не отличается от его собственного хрустального яйца. И, как выяснилось из дальнейших наблюдений, такие же хрустальные шары были почти на всех других двадцати мачтах. Время от времени крылатые существа влетали на одну из них и, сложив крылья, обхватив ее щупальцами, подолгу, иной раз минут по пятнадцать, пристально глядели в хрусталь.

Ряд наблюдений, проведенных по совету мистера Уэйса, убедил обоих исследователей, что хрустальное яйцо, в которое они смотрят, укреплено на террасе с двадцатью мачтами, на верхушке крайней из них, и что в лицо мистру Кэйву заглянул один из обитателей потустороннего мира.

Таковы основные факты этой странной истории. Если не считать ее от начала до конца остроумной мистификацией мистера Уэйса, придется признать одно из двух: либо хрустальное яйцо мистера Кэйва находилось одновременно в двух мирах и, перемещаясь в одном мире, оставалось неподвижным в другом, что совершенно невероятно, либо между обоими хрустальными яйцами существовала какая-то связь и то, что было видно внутри одного из них здесь, на Земле, при соответствующих условиях могло открыться наблюдателю в том, другом мире, и наоборот.

Сейчас мы, разумеется, не в состоянии объяснить, каким образом эти два хрустальных яйца могли быть связаны между собой, но современная наука уже не отрицает такой возможности. Предположение о некотором родстве между ними принадлежит мистру Уэйсу, и, на мой взгляд, оно вполне правдоподобно.

Но где же находится тот, другой мир? Живой ум мистера Уэйса не замедлил пролить свет и на этот вопрос. После ухода солнца небо в хрустале быстро темнело — сумерки там были совсем короткие, — появлялись звезды. Те же звезды, группирующиеся в те же созвездия, мы видим и на нашем небосклоне. Мистер Кэйв узнал Большую Медведицу, Плеяды, Альдебаран и Сириус. Следовательно, тот мир находится где-то в пределах солнечной системы и самое большее — на расстоянии каких-нибудь нескольких сот миллионов миль от нашего. Развивая дальше эту догадку, мистер Уэйс устано-

вил, что полночное небо в том мире намного темнее даже нашего зимнего, а солнечный диск несколько меньше. И на небосклоне там сияли две луны! («Похожие на нашу луну, но меньшего размера и с другим расположением морей и кратеров».) Одна из этих лун двигалась так быстро, что движение ее было заметно глазу. Поднимались они обе невысоко и исчезали вскоре после восхода — другими словами, вращение их вокруг своей оси сопровождалось затмением вследствие близости обеих к планете, вращающейся вокруг солнца. И все это в точности соответствовало тем астрономическим законам (неизвестным мистру Кэйву), которые должны существовать на Марсе.

В самом деле, почему не допустить, что, глядя в хрустальное яйцо, мистер Кэйв действительно видел планету Марс и ее обитателей? А если так, значит, вечерняя звезда, ярко сияющая в небе этого далекого мира, была не что иное, как наша Земля.

Первое время марсиане — если это на самом деле были жители Марса, — по-видимому, не подозревали, что за ними наблюдают. Иной раз кто-нибудь из них поднимался на мачту, вглядывался в хрустальное яйцо минуту-другую и перелетал к следующему, вероятно, в поисках лучшей видимости. Мистер Кэйв следил за жизнью этих крылатых существ без всяких помыслов с их стороны, и его наблюдения, хоть и отрывочные, давали пищу для ума. Представьте себе, какое впечатление о людях сложилось бы у марсианина, если бы он после долгих усилий, напрягая глаза, мог бы лишь минуты по четыре за раз посмотреть на Лондон с высоты колокольни св. Мартина! Мистер Кэйв не мог сказать, были ли крылатые марсиане такими же существами, как и те, что скакали по дороге и террасам, и могли ли последние обзавестись по желанию крыльями. Несколько раз на равнине появлялись какие-то двуногие, смахивающие на неуклюжих белых обезьян с прозрачным туловищем. Они паслись среди заросших лишайниками деревьев, и как-то раз один круглоголовый, передвигающийся прыжками марсианин погнался за ними и схватил одного своими щупальцами. Но тут видение сразу поблекло, и мистер Кэйв остался в темноте, сгорая от неудовлетворенного любопытства. В другой раз нечто огромное стремительно пронеслось по дороге вдоль канала. Когда это «нечто» приблизилось к краю картины, мистер Кэйв признал в нем сначала гигантское насекомое, а потом сверкающую металлом машину чрезвычайно сложной конструкции. Он хотел разглядеть ее как следует, но не успел, так быстро она скрылась из виду.

Спустя некоторое время мистер Уэйс вознамерился привлечь внимание марсиан, и в следующий раз, когда глаза одного из них глянули в хрусталь, мистер Кэйв громко вскрикнул и отскочил назад. Уэйс сейчас же зажег свет, и оба они стали подавать знаки марсианину. Но все их старания ни к чему не привели. Когда мистер Кэйв снова посмотрел в глубь хрустального яйца, там ничего не было.

Такие сеансы продолжались до первых чисел ноября. Убедившись к этому времени, что подозрения его домашних улеглись, мистер Кэйв стал уносить хрустальное яйцо с собой, с тем чтобы не упустить ни малейшей возможности — днем ли, ночью ли — тешить свою душу видениями, которые составляли теперь весь смысл его жизни.

В декабре, готовясь к экзамену, мистер Уэйс был занят больше обычного; наблюдения над хрустальным яйцом, увы, на неделю пришлось отложить. Неделя прошла, но Кэйв не дал о себе знать и на десятый, а может быть, и на одиннадцатый день. Мистру Уэйсу не терпелось снова приступить к наблюдениям, поскольку спешная работа у него кончилась, и он сам отправился к старику антиквару. Выйдя на Севендайлс, он увидел, что у торговца птицами и сапожника окна закрыты ставнями. Лавка мистера Кэйва тоже была на запоре.

Мистер Уэйс постучал в дверь; ему отворил папсюнок старика с черной повязкой на рукаве. По его зову в лавке появилась миссис Кэйв в полном вдовьем трауре, хоть и дешевом, но явно рассчитанном на то, чтобы бросаться в глаза, как отметил мысленно мистер Уэйс. Он почти не удивился, узнав, что мистер Кэйв умер и уже похоронен. Миссис Кэйв пустила слезу и несколько сильным голосом сообщила ему, что она сию минуту с Хайгейтского кладбища. Вдовича, видимо, была вся во власти мыслей о своей дальнейшей судьбе и перипетий торжественной церемонии погребения, так что мистер Уэйс не сразу и с большим трудом выведал у нее подробности смерти старика.

Кэйва нашли мертвым в лавке рано утром на другой день после их последней встречи с мистром Уэйсом. Окоченевшие руки старика сжимали хрустальное яйцо, рассказывала миссис Кэйв, на губах застыла улыбка. Рядом с ним на полу лежал кусок черного бархата. Смерть наступила часов за пять, за шесть до того, как его обнаружили.

Уэйс был потрясен этим рассказом и горько упрекнул себя за то, что смотрел сквозь пальцы на явно ухудшавшееся здоровье старика. Впрочем,

Рис. Т. ЛУНЕВОЙ.

главным образом его беспокоило хрустальное яйцо. Зная некоторые особенности характера миссис Кэйв, он приступил к расспросам с осторожностью. И совершенно онемел от неожиданности, узнав, что хрустальное яйцо уже продано.

Когда покойника перенесли наверх, миссис Кэйв сразу же вспомнила про чудака пастора, предлагавшего пять фунтов за хрустальное яйцо, и решила написать ему о своей находке. Но лихорадочные поиски его адреса, в которых принимала участие и ее дочь, ни к чему не привели: бумажка затерялась. У миссис Кэйв не было средств на сложные по ритуалу похороны, которых заслуживал столь почтенный обитатель Севендайлса, и она прибегла к помощи одного знакомого торговца с Грейт-Портленд-стрит. Он любезно согласился взять часть вещей Кэйва по собственной расценке. В их числе было и хрустальное яйцо. Выразив, правда, несколько второпях, приличные случаю соболезнования вдове, мистер Уэйс поспешил на Грейт-Портленд-стрит. Но там он узнал, что хрустальное яйцо уже продано и что купил его высокий смуглый человек в сером костюме. Здесь фактический материал этой странной, но, на мой взгляд, наводящей на размышления истории внезапно обрывается. Торговец с Грейт-Портленд-стрит не знал, кто был тот высокий смуглый человек в сером, и не мог точно описать его мистеру Уэйсу. Он даже не заметил, в какую сторону покупатель пошел, выйдя из лавки. Мистер Уэйс до конца испытал терпение торговца, изливая в бесконечных расспросах свою досаду. Убедившись напоследок, что всему этому делу пришел конец, что теперь уже ничего не попишешь, он вернулся домой и с удивлением увидел свои заметки о наблюдениях над хрустальным яйцом, которые по-прежнему лежали на его заваленном книгами и бумагами столе.

Легко представить себе разочарование и досаду молодого ученого. Он еще раз сходил к торговцу на Грейт-Портленд-стрит (столь же безуспешно), дал объявления в газеты и журналы, которые могли попасть в руки коллекционеров разных редкостей. Написал письма в «Дейли кроникл» и «Нэйчюр», но оба эти органа, заподозрив тут мистификацию, посоветовали ему подумать как следует, прежде чем настаивать на опубликовании своих писем. Кроме того, мистеру Уэйсу было дано понять, что эта странная история, лишенная каких бы то ни было вещественных доказательств, может повредить его репутации ученого.

Месяца через полтора после двух-трех бесед с антикварами мистер Уэйс скрепя сердце отказался от поисков хрустального яйца, тем более что работа в больнице оставляла у него мало свободного времени. Впрочем, недавно молодой ученый признался мне (и я не имею оснований не верить ему), что бывают дни, когда он бросает самые неотложные дела и, полный рвения, принимается разыскивать пропажу.

Найдется ли хрустальное яйцо или оно исчезло навсегда, об этом сейчас можно только гадать. Если теперешний его обладатель — коллекционер, он, казалось бы, должен узнать через антикваров, что эта вещь разыскивается. Мистер Уэйс уже выяснил, кто были эти люди — пастор и «восточный человек», приходившие в лавку к мистеру Кэйву. Оказалось, что это достопочтенный Джеймс Паркер и молодой яванский принц Босо-Куни. Им я и обязан некоторыми подробностями этой истории. Настойчивость принца объяснялась просто любопытством и... долей чужачества. Ему захотелось купить хрустальное яйцо только потому, что Кэйв со странным упорством отказывался продать его.

Вполне вероятно, что тот, кому в конце концов досталась эта вещь, был не коллекционер, а просто случайный покупатель, и, может быть, хрустальное яйцо находится сейчас на расстоянии какой-нибудь мили от меня и украшает чью-нибудь гостиную, а то и служит пресс-папье, не обнаруживая своих замечательных свойств. Откровенно говоря, эта мысль отчасти и побудила меня изложить всю эту историю в форме рассказа в расчете на то, что так она скорее попадет на глаза рядовому потребителю беллетристики.

Мое собственное мнение о хрустальном яйце вполне совпадает с мнением мистера Уэйса. По моему, между хрустальным шаром, укрепленным на вершине марсианской мачты, и хрустальным яйцом мистера Кэйва существует какая-то тесная связь, в настоящее время еще не разгаданная. Мы оба считаем также, что хрустальное яйцо могло быть послано с Марса на Землю (вероятнее всего, в незапамятные времена), когда марсиане захотели поближе познакомиться с нашими земными делами. Допускаю мысль, что у нас на Земле где-нибудь есть и другие такие же хрустальные шары — парные тем, что украшают остальные марсианские мачты. Во всяком случае, ссылками на галлюцинации тут ничего не объяснишь.

1999

Уважаемая редакция!

Из декабрьского номера вашего журнала за 1988 год я узнал, что «Молодая смена» открывает рубрику «Начинающие поэты?» Хотел бы предложить на ваш суд и суд ваших читателей несколько своих стихотворений...

Немного о себе. Я учусь на втором курсе факультета русской филологии ТашГУ, мне 18 лет. Писать начал сравнительно недавно, будучи десятиклассником. На первом курсе успел опубликовать несколько стихотворений в газете «Ташкентский университет».

Геннадий БОГДАНОВИЧ.

Память

Коль забудешь — кто тебя осудит?
Память — не сундук, но между тем,
Если друг возьмет и позабудет,
Значит, дружбы не было совсем.
Память — не альбом для фотографий,
Память — не подшивка из газет
И не список чьих-то биографий.
Память — через тьму идущий свет,
Освещающий дела былые.
(А во тьме — вся мелочь, ерунда, —
Странные, ненужные, чужие
След не оставляют никогда.)
Позади растет лет прошлых глыба,
Впереди — еще не ясный путь.
За добро ты говорил «спасибо»,
Помни это, зло же позабудь.
Отжило, отхлынуло, уплыло,
Больше не вернется, не зови.
Если вдруг любимая забыла,
Значит, вовсе не было любви.

Самому себе

Ты очень многого не знаешь,
Но мир становится твоим,
Когда других ты понимаешь,
Когда понятен ты другим.
Способный близкого обидеть,
Тогда сумеешь путь пробить,
Когда забудешь ненавидеть,
Когда научишься любить.
И перед трудностью любовью,
Когда другой уже притих,
Ты не порвешь с самим собою
И не отстанешь от других.
Добро линейкой не измерить,
И человеком сможешь стать,
Когда разучишься не верить,
Когда научишься мечтать.

Гора

Гора становится все круче,
Когда взбираешься по ней,
И жизнь не кажется везучей,
Хоть пик все ближе, все видней.
Осилим метр по вертикали,
Еще на метр поднимем трос,
Едва пойдем, что все устали,
Что все белее цвет волос.
Но рвемся к пику, словно к богу.
Сегодня, как позавчера.
И все желаннее дорога,
И все опаснее гора.
Друзей теряя понемногу
В отрогах жизненной судьбы,
Мы рвемся к пику, словно к богу.
Мы не сдаемся без борьбы.
Мы от других мечты скрываем,
Хотя они у всех одни,
Что наверху нас ждет — не знаем,
Внизу остались дни и дни,

Начинающие поэты?

Что нами прожиты, как в сказке,
Где правый вечно побеждал.
И все стремительней развязка,
И все обычнее финал.

Вратарь

Р. Дасаеву

Я играю в воротах,
я насмерть стою,
Закален в переплетах,
испытан в бою.
Труден путь до вершины,
что штурмом берем,
Есть в команде мужчины, а значит —
дойдем!
Бьет соперник наш рьяно,
брешь напрасно ища,
Я стою без изъяна
не зря обещал.
Все опасней удары.
Все тверже рука.
В меня верит недаром
команда пока.
Мяч стремится в «девятку» —
в прыжке достаю.
Гола нет, все в порядке!
Я «сухой»! Я стою!
Путь к победе — он длинен,
и трудно на нем.
Есть в команде мужчины, —
а значит, дойдем!

О поэтах

Растут поэты медленно, с натугой,
Меняют стиль, размеры, лексикон.
Сравнимы мы, пииты всех времен,
Тем, что берем по капле друг у друга.
При этом каждый все ж — неповторим
И самовыражаем в лучшем свете.
На протяжении нескольких столетий
Мы всем о близком счастье говорим.
Поистине банальные мы люди,
Воистину упрямый мы народ.
В нас мысль всегда, как правило, живет,
Что лучше — будет, и прекрасно — будет.
Когда поэт вынашивает стих,
Он в каждом слове душу оставляет.
Я знаю, многих вера окрыляет
В то, что когда-то прочитают их.
Идут недели, годы, пятилетки,
Мы в гуще масс, мы на виду у всех.
Не скрою, мы творим не без помех,
Нас хвалят часто, но и рвут нередко.
Десятилетия длится наш полет,
Где нам салют из тысячи орудий?
Воистину упорные мы люди,
Поистине бессмертный мы народ!

Это уже третья стихотворная публикация в нашей рубрике. Гостиными ее, вы помните, были школьница, учащаяся ПТУ. Сегодня им стал студент.

Приглашаем всех обсудить на страницах журнала произведения Гены Богдановича. Ну, а «прием» стихотворений для рубрики «Начинающие поэты?» продолжается.

ЗАОЧНАЯ ОЛИМПИАДА ЮНЫХ МАТЕМАТИКОВ

Решения задач первого тура («МС» № 9)

1. К числу 1988 припишите слева и справа по одной цифре так, чтобы полученное число делилось на 15.

Решение: $x1988y$ — искомое число, где x и y — цифры. Если, по условию задачи, искомое число делится на 15, то оно делится и на 5, и на 3. Тогда $y = 0$ или $y = 5$.

а) При $y = 0$ имеем $x19880$. Поскольку число делится на 3, то сумма цифр тоже делится на 3

$$x + 1 + 9 + 8 + 8 + 0 = x + 26.$$

Так как $x + 26$ делится на 3, то $x = 1, 4, 7$.

б) при $y = 5$ имеем $x19885$

Поскольку число делится на 3, то сумма цифр тоже делится на 3

$$x + 1 + 9 + 8 + 8 + 5 = x + 31.$$

Но $x + 31$ делится на 3 при $x = 2, 5, 8$.

Итак, находим следующие числа: 119880, 419880, 719880, 219885, 519885, 819885.

2. В прямоугольном треугольнике один катет равен 13 см. Определите две другие стороны, если они выражены целыми числами.

Решение. Обозначим гипотенузу через x , а неизвестный катет через y . Тогда $x^2 - y^2 = 13^2$, или $(x+y) \cdot (x-y) = 169$.

Отсюда

$$x+y = \frac{169}{x-y}$$

$x+y$ — целое число. Значит, 169 делится на 1, 13, 169.

$x-y \neq 13$, а тем более не равно 169, так как разность двух сторон всегда меньше третьей стороны.

Значит,

$$\begin{cases} x-y=1 \\ x+y=169 \end{cases}$$

отсюда $x = 85$ см, $y = 84$ см.

3. Доказать, что квадрат любого простого числа, кроме 2 и 3, при делении на 12 дает в остатке 1.

Решение. Всякое простое число больше 3 имеет вид $6n + 1$ или $6n + 5$, иначе говоря $6n \pm 1$.

При $p > 5$ имеем $p = 6n \pm 1$, тогда $p^2 = (6n \pm 1)^2 = 36n^2 \pm 12n + 1 = 12n(3n \pm 1) + 1$, т. е. при делении на 12 дает остаток 1. Что и требовалось доказать.

4. Из первых 1988 натуральных чисел произвольно взято 995 чисел. Докажите, что среди взятых чисел найдется хотя бы два таких числа, из которых одно кратно другому.

Решение. Заметим, что каждое натуральное число p можно представить в виде $p = 2^m \cdot r$, где m — неотрицательное целое число, r — нечетное число, и что среди 995 нечетных чисел, не превосходящих 1988, по крайней мере два окажутся равными друг другу.

Вот эти числа и являются искомыми, т. е. одно кратно другому. Что и требовалось доказать.

5. Какое наибольшее число острых углов может иметь выпуклый многоугольник? Решение. Пусть n -угольник имеет m острых углов. Тогда сумма его внутренних углов меньше

$$90^\circ m + 180^\circ(n-m).$$

С другой стороны, сумма внутренних углов n -угольника равна $180^\circ(n-2)$. Поэтому

$$180^\circ(n-2) < 90^\circ m + 180^\circ(n-m),$$

т. е. $m < 4$

Поскольку m — целое число, то $m < 3$

Для любого $n > 3$ существует n -угольник с тремя острыми углами.

Итак, выпуклый многоугольник может иметь не больше трех острых углов.

Материал подготовили:
Б. РИХСНОВ,
Т. КУРГАНОВ.

ЗАОЧНАЯ ОЛИМПИАДА ЮНЫХ ФИЗИКОВ

Решения задач второго тура («МС» № 10 за 1988 г.)

Задача 1.

Дано: h ; l ; a .

Найти F — ?

Решение. Затруднение, возникающее при решении этой задачи, связано с тем, что давление по высоте стенки распределено неравномерно. У верхнего края стенки давление равно атмосферному $P_0 = P_{атм}$, у нижнего края давление P_h складывается из атмосферного давления и давления столба жидкости высотой h : $P_h = P_{атм} + \rho gh$.

Это переменное давление можно заменить некоторым средним давлением $P_{cp} = \frac{P_0 + P_h}{2} = P_{атм} + \frac{\rho gh}{2}$, — и считать, что среднее давление уже равномерно распределено по всей высоте стенки. Так как площадь стенки $S = l \cdot \frac{h}{\cos \alpha}$, то сила F давления на стенку будет равна

$$F = P_{cp} \cdot S = \frac{h \cdot l}{\cos \alpha} \cdot (P_{атм} + \frac{\rho gh}{2})$$

Задача 2.

Дано: R .

Найти h — ?

Решение. До отрыва от поверхности сферы на тело действуют его сила тяжести mg и реакция опоры N . Равнодействующая радиальной составляющей силы тяжести и реакции опоры сообщает телу центростремительное ускорение:

$$\frac{mv^2}{R} = mg \cos \alpha - N$$

По мере соскальзывания тела скорость возрастает, а составляющая сила тяжести $mg \cos \alpha$ убывает, что влечет еще более быстрое уменьшение реакции опоры (реакция опоры зависит от характера движения тела), в момент отрыва N обращается в нуль, и тогда

$$\frac{mv^2}{R} = mg \cos \alpha$$

(1)

На основании закона сохранения энергии

$$\frac{mv^2}{2} = mgh$$

(2)

Кроме того, очевидно, что

$$\cos \alpha = \frac{R-h}{R}$$

(3)

Решая совместно уравнения (1), (2), (3), получаем

$$h = \frac{R}{3}$$

Задача 3.

Дано: $E_1 = 2В$, $E_2 = 1,5В$, $r_1 = 0,06$ ом, $r_2 = 0,4$ ом.

Найти U_1 — ? U_2 — ?

Решение. ЭДС действует навстречу друг другу, поэтому результирующая ЭДС $E = E_1 - E_2$. Общее сопротивление цепи $r = r_1 + r_2$. В цепи при внутреннем сопротивлении падает напряжение $U_1 = I \cdot r_1$, во втором элементе — $U_2 = I r_2$. Поэтому для напряжения на зажимах элементов имеем:

$$U_1 = E_1 - U_2, \quad E_1 - E_2 = E_1 - I r_1 - I r_2 = E_1 - I(r_1 + r_2) = 1,7В$$

$$U_2 = E_2 + U_1 = E_2 + I r_2 = E_2 + I r_2 = 1,7В$$

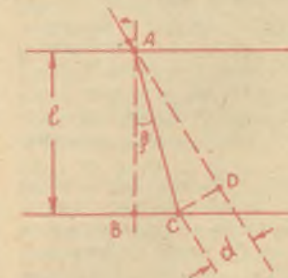
Как и следовало ожидать, $U_1 = U_2$

Задача 4.

Дано: $\alpha = 60^\circ$, $l = 6$ см.

Найти: d — ?

Решение. Ход луча через пластинку изображен на рисунке. Из чертежа $d = AC \cdot \sin(\alpha - \beta) = AC(\sin \alpha \cdot \cos \beta - \cos \alpha \cdot \sin \beta)$.

$$d = l \sin \alpha \left(1 - \frac{\cos \alpha}{\sqrt{n^2 - \sin^2 \alpha}}\right)$$

$$AC = \frac{l}{\cos \beta} \text{ и } \sin \beta = \frac{\sin \alpha}{n}$$

Принимая $n = 1,5$, получаем $d \approx 3,3$ см.

Задача 5.

Решение. Скорость течения воды v_1 из отверстия крана определим следующим образом: за 1 с частица воды проходит путь, численно равный скорости v . Объем вытекающей за 1 с воды

$$V = v_1 S_1 = v_1 \frac{\pi D^2}{4}$$

где D — диаметр отверстия крана. Заметим время t , за которое наполняется водой сосуд известного объема V . Тогда

$$V = v_1 \frac{\pi D^2}{4} t$$

откуда

$$v_1 = \frac{4V}{\pi D^2 t}$$

В результате одного из опытов были получены следующие данные: $V = 2$ л = $2 \cdot 10^{-3}$ м³; $D = 9$ мм = $9 \cdot 10^{-3}$ м, $t = 15$ с, тогда $v_1 = 2$ м/с. Скорость течения v_2 в подводной трубе найдем из пропорции

$$\frac{v_1}{v_2} = \frac{S_2}{S_1}$$

отсюда

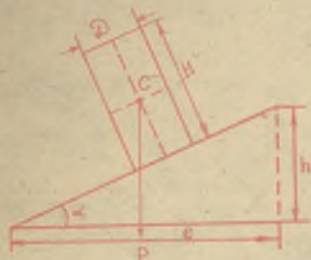
$$v_2 = \frac{v_1 D_1^2}{D_2^2} = 1,46$$

ТОЧНЫХ НАУК

Решение задач третьего тура («МС» № 11 за 1988 г.)

Задача 1.
Дано: $l=1\text{ м}$, $H=4D$.
Найти h —?

Решение. Сделаем чертежи (см. рис.), на которых изобразим предельное устойчивое положение цилиндра, когда вектор P его веса, приложенный в точке C , еще проходит внутри периметра основания. Из чертежа видно, что $h=l \cdot \sin \alpha$

Определим $\sin \alpha$ из размеров цилиндра:

$$\sin \alpha = \frac{2/2}{\sqrt{(4/2)^2 + (2/2)^2}}$$

Тогда

$$h = l \cdot \frac{2/2}{\sqrt{(4/2)^2 + (2/2)^2}} = l \cdot \frac{2/2}{\sqrt{16/4 + 4/4}}$$

или

$$h = l \cdot \frac{1}{\sqrt{5}} = \frac{l}{\sqrt{5}}$$

Подставив значение $l=1\text{ м}$, получим

$$h = \frac{1}{\sqrt{5}} = \frac{1}{2,236} \approx 0,447\text{ м}$$

Задача 2.
Дано: $V=2 \cdot 10^{-2}\text{ м}^3$; $m=0,26 \cdot 10^{-3}\text{ кг}$;
 $T=293\text{ К}$.

Найти: U —?

Решение. Относительная влажность U вычисляется по формуле:

$$U = \frac{P}{P_0} 100\%$$

Давление насыщенного пара P_0 при 20°C находим из таблицы: $P_0=2330\text{ Па}$. Давление водяного пара P до осушения воздуха находим из уравнения состояния идеального газа:

$$P = \frac{1}{V} \frac{m}{M} RT$$

Следовательно,

$$U = \frac{m}{M} \frac{RT}{V P_0} 100\% = \frac{0,26 \cdot 10^{-3} \cdot 8,31 \cdot 293}{0,018 \cdot 2 \cdot 10^{-2} \cdot 2330} 100\% = 75,5\%$$

Задача 3.
Дано: $I=10\text{ В}$; $\eta=0,75$; $t^\circ=50^\circ\text{C}$; $P=2 \cdot 10^5\text{ Па}$; $V=2,5 \cdot 10^{-3}\text{ м}^3$.

Найти: $W_{\text{эл}}$ —?

Решение. Затраченная энергия равна

$$W_{\text{зат}} = \frac{W_{\text{пол}}}{\eta}$$

Полезной является энергия, использованная при электролизе $W_{\text{пол}}=qI$, где q — заряд, прошедший через электролит, нахо-

дим из закона электролиза $q = \frac{m}{K}$. Массу

водорода находим из уравнения состояния идеального газа

$$m = \frac{PV M}{RT}$$

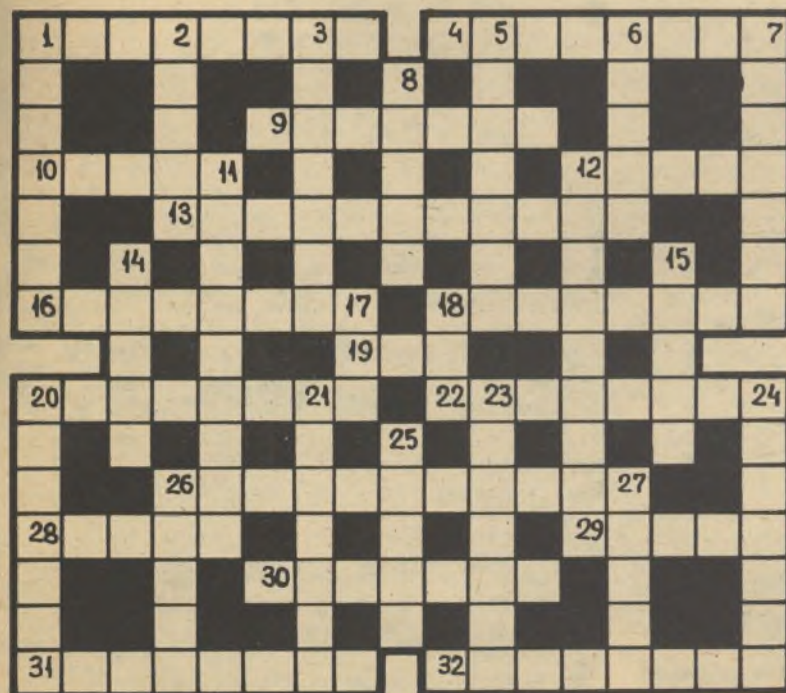
Подставляем m и q , определяем:

$$W_{\text{зат}} = \frac{mPV I t}{K \eta RT}$$

$$\frac{0,02 \cdot 2 \cdot 10^5 \cdot 2,5 \cdot 10^{-3} \cdot 10}{8,31 \cdot 0,01 \cdot 10^{-6} \cdot 0,75 \cdot 323} = 4,96 \cdot 10^6\text{ Ж}$$

Задача 4. Решение. Если приближать или удалять от одного тела другое, потенциал первого можно изменить. Например, показания электрометра с заряженным шаром на его стержне будут меняться при поднесении к шару руки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Чемпион мира по шахматам. 4. Костюм космонавта. 9. Ковш для питья, употреблявшийся в старину. 10. Работник, ухаживающий за лошадьми. 12. Сторона света. 13. Наука, изучающая колебания земной коры. 16. Персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль». 18. Черноволосая женщина. 19. Поэтический жанр. 20. Мужская гандбольная команда высшей лиги. 22. Русский писатель, автор трилогии «Дом Черновых». 26. Небольшое ядовитое животное класса многоножек. 28. Город на юго-востоке Англии. 29. Физкультурник, спортсмен. 30. Город в Джеккаганской области. 31. Общее наименование кризисных, упадочных явлений в искусстве конца XIX — начала XX века. 32. Белорусский народный танец.

По вертикали: 1. Совет кардиналов, избирающий римского папу. 2. Одна из двух крайних точек воображаемой оси вращения Земли. 3. Сочетание цветов. 5. Вооруженный охранник. 6. Дорога с рядами деревьев по сторонам. 7. Комический номер в цирке или на эстраде. 8. Устройство из тросов для подвешивания грузов. 11. Сто-

лица европейского государства. 12. Копия рецепта, прилагаемая к лекарству. 14. Хлебное изделие. 15. Металл, соединение железа с углеродом. 17. Опера Д. Шостаковича. 18. Мужской голос. 20. Спутник Юпитера. 21. Персонаж комедии масок. 23. В греческой мифологии лесной или горный демон, получеловек-полуконь. 24. Клуба. 25. Надежная защита, твердыня. 26. Слоистый минерал белого цвета. 27. Часть боя.

Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 2

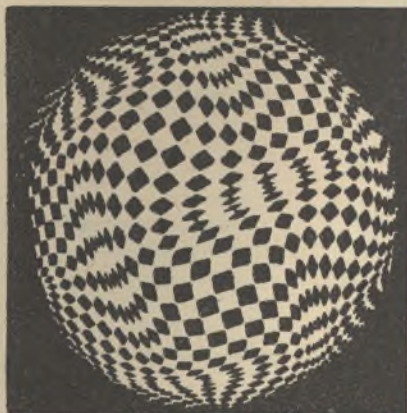
По горизонтали: 4. Лазарет. 7. Гнома. 8. «Татра». 10. Лепка. 12. Патент. 14. Стачка. 15. Раджами. 16. Фавн. 17. Обоз. 18. Автропизм. 19. Борц. 20. Елец. 21. Нирвана. 22. Король. 23. Трizona. 24. Кивер. 26. Тарту. 27. Алгол. 28. Ванилин.

По вертикали: 1. Канал. 2. Самопожертвование. 3. Веста. 5. «Интернационал». 6. Архаромеринос. 9. Касатонов. 11. Скворечня. 13. «Трутень». 14. Силикат. 24. Курак. 25. Ратин.

Шахматный конкурс, который «Молодая смена» проводила в 1988 году, завершен. Прежде чем подводить его итоги, знакомим читателей с правильными решениями задач, опубликованных в журнале в прошлом году.

Задания 3-го номера

Диаграмма 1. Белые: Кра8, Фб8, Лh3, Сg4, Кf5, Kh5, пп. с2, с4, f4; Черные: Кре4, Фа3, Ле1, Ch8, Kd1, Kg8, пп. а6, с6, е7.
Мат в два хода.
Решение 1. Фс8!
Диаграмма 2. Белые: Кра7, Фе1, Ле4, Ле7, Са6, Сf8, Кb4, Кb8; Черные: Крс5, Лf3, Лh7, Сс6, Ch6, Kg4, п. d4.
Мат в два хода.
Решение: 1. Фа1!

Задания 5-го номера

Диаграмма 1. Белые: Крс1, Фd4, Лh1, Лh5, Кf3, пп. а2, b2, с2, f2, g2, g5; Черные: Крг8, Фе6, Ла8, Лf8, Сс6, Ке4, пп. а7, b7, с7, d6, f5, g7.
Ход белых.
Решение: 1. Ке5! de 2. g6 Ф:g6 3. Фс4+.
Диаграмма 2. Белые: Крf4, Лh1, Сb5, Kg6, пп. d5, e4; Черные: Крг8, Лс2, Сg2, Кf6, пп. а7, b6, d6, g7.
Ход белых.
Решение: 1. Лh8+ Крf7 2. Се8+ К:е8 3. Крг5 и в результате следующего хода — мат.
Диаграмма 3. Белые: Кре1, Фd6, Ла2, Лh1, Сс1, Ке2, пп. а3, с3, f2, g2, h2; Черные: Кре8, Фd3, Ла8, Лh8, Kd5, Kg6, пп. а7, b7, e5, f7, h7.
Ход черных.
Решение: 1... Лd8. 2. Фс5 Фd1+ 3. Кр:d1 Ке3+ 4. Кре1 Лd1 X.
Диаграмма 4. Белые: Крг1, Фh2, Ла8, Лf1, Сс5, пп. b4, b6, g2, h3; Черные: Крс8, Фg6, Лd2, Ле5, Сb8, Кb3, пп. b7, с6, f6, g7, h7.
Ход белых.
Решение: 1. Л:b8+! приносит победу, так как за 1... Кр:b8 последует 2. Ф:e5+ и т. д.

Задания 6-го номера

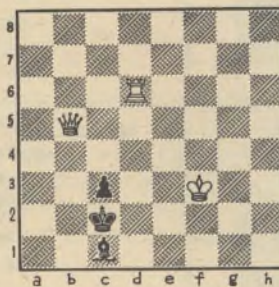
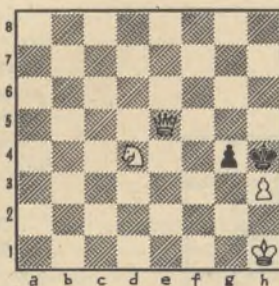
Диаграмма 1. Белые: Крb1, Фа8, Лd7. Черные: Кра3, пп. а4, b4, с4.
Мат в два хода.
Решение 1. Фg 8!
Диаграмма 2. Белые: Кре2, Лd4, Сd8, Сf7, Ке3, пb4; Черные: Кре5, пd7.
Мат в два хода.
Решение: 1. Сd5!
Диаграмма 3. Белые: Крh5, Фh4, Са7, Сf3, Kg7, пп. b4, e6, f2; Черные: Кре5, Лb6, п. h6.
Мат в два хода.
Решение: 1. Сb7!

Задания 10-го номера

Диаграмма 1. Белые: Крh1, Лf3, Сb2, пп. а5, b3; Черные: Крг7, Лf7, Сf6, п. а7.
Ход белых.
Решение: 1. Л:f6! Л:f6 2. b4!! Крг6 3. С:f6 Кр:f6 4. b5, и белые выигрывают.
Диаграмма 2. Белые: Крг1, Фе2, Лb1, Лс4, Сg5, Кf3, пп. а2, b2, f2, g2, h2. Черные: Крг8, Фа6, Ла8, Лf8, Са5, Ка4, пп. а7, b6, e6, f7, g7, h7.
Ход белых.
Решение: 1. Сf6! Лfс8 2. Фе5! Лс5 (если 2... Ф:c4, то 3. Фg5 g6 4. Фh6) 3. Фg3 g6 4. Л:a4, и белые выигрывают. (Алехин — Шторк, 1921 год).

Задания 11-го номера

Диаграмма 1. Белые: Крh2, Фа3, Лg2, Се1, Кf5, пп. d4, e3, f4, h3; Черные: Крh8, Фd7, Ла4, Сf7, Ке6, пп. b7, d5, e4, h7.
Ход белых.
Решение: 1. Ch4! h6 2. Фf8+!! К:f 3. Сf6+ Крh7 4. Лg7+ Крh8 5. Л:f7+ Крг8 6. К:h6 X. (Грюнфельд — Тарраш, 1925 год).
Вторая диаграмма в 11-м номере приведена неверно. Она аннулируется. Приносим участникам конкурса извинения.
Фамилии и имена участников, выполнивших нормативы спортивных разрядов, будут опубликованы в 4-м номере «Молодой смены».
В прошлом номере журнала вы получили четыре задания нового конкурса. Предлагаем вашему вниманию еще два.

В обоих случаях белые начинают и делают мат в два хода. Срок присылки ответов — один месяц. На конверте не забудьте сделать пометку «Шахматы».

М. МУХИДИНОВ,
мастер спорта СССР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА

Выходит с июля 1986 г.

3 (33), март 1989 г.

Ташкент, издательство «Еш гвардия».

Выходит один раз в месяц.

Главный редактор
Худайберды ТУХТАБАЕВ
Редколлегия:
Мирвасил АДЫЛОВ
Шахрух АКБАРОВ
Сергей БРЫНСКИХ
Владимир ВОЛОТКО
(зам гл. редактора)
Евгений ГРЕВЦОВ
Хуршид ДУСТМУХАММАД
Мирза КЕНЖАБАЕВ
Файзулла КИЛИЧЕВ
Эркин МАЛИКОВ
(ответственный секретарь)
Латиф МАХМУДОВ
Вадим НОВОПРУДСКИЙ
Хакимджан ПИРМУХАМЕДОВ
Абдугафур РАСУЛОВ
Александр ФАЙНБЕРГ
Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ

Художественный редактор
Султан СУЛЕЙМАНОВ

Техредактор Гайбулла БАРИМОВ

Наш адрес: Ташкент, 700113, Чиланзар, ЧГСП, улица газеты «Правда», 60.

Телефоны:
78-94-67, 78-75-94, 78-48-85.
78-85-64, 78-57-84, 78-94-73.

Принимаются рукописи объемом не более 2,5 авторских листа. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Еш куч» — «Молодую смену» обязательна.

«Еш куч» — «Молодая смена» № 3, 1989 г.

© Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия».

Сдано в набор 30.01.89 г. Подписано в печать 9.03.89 г. Бумага книжно-журнальная офсетная. Печать офсетная. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр. от 16,8. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 15000 экз. Заказ 5108. Цена номера 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, 700000, проспект Ленина, 41.

Картины Исфандияра Хайдарова экспонировались на выставках и в нашей стране, и за рубежом. А создаются они в этой мастерской.

Фото Р. ШАГАЕВА.

Вот он, знаменитый узбекский хан-атлас.
Фото В. МАЙОРОВА, А. КИРШИНА.

Цена 35 коп. Индекс 75245